

Марианна Красовская

ГЕРЦОГИНЯ
Ветер судьбы

Марианна Красовская

Герцогиня: ветер судьбы (Маски #2)

Я - последняя из древнего рода, и задача моя проста: найти мужа и родить сына. Беда в том, что единственный мужчина, который мне нравится, бегаёт от меня, как заяц от гончей. А ещё... он влюблен в другую, которая тоже - я, но в маске. Как всё запутанно! А когда я заполучила все-таки своего любимого - тот сбежал от меня на край света и пропал без вести, говорят, даже погиб. Но я в это совершенно не верю...

Annotation

Я - последняя из древнего рода, и задача моя проста: найти мужа и родить сына. Беда в том, что единственный мужчина, который мне нравится, бежит от меня, как заяц от гончей. А еще... он влюблен в другую, которая тоже - я, но в маске. Как всё запутанно!

А когда я заполучила все-таки своего любимого - тот сбежал от меня на край света и пропал без вести, говорят, даже погиб. Но я в это совершенно не верю...

Герцогиня: ветер судьбы

1. Искушение
2. Слова на ветер
3. Совпадения
4. Граф Волорье
5. Старые друзья
6. Приглашение во дворец
7. Охотник и добыча
8. Кораблекрушение
9. Женский заговор
10. На Север
11. Ниххонский театр. Акт первый
12. Перерыв
13. Акт второй, трагикомический

Герцогиня: ветер судьбы

1. Искушение

Танец с веером – это не столько танец, сколько показательный бой. Девушка в танце демонстрирует гибкость, ловкость и точность, и все это – под музыку. Ни одного лишнего движения. Ни одной заминки. Ни одного неверного шага. Каждое движение подобно кинжалу – острое, меткое, поражающее цель.

Темнота – мой союзник. Помост для танцев освещается лишь светом масляных фонарей, уже изрядно прогоревших. И ещё широкие рукава – они моя защита. Потому что мне сложнее, чем другим девушкам: я не ниххонка. Если кудрявые волосы я ещё уложила в тугую причёску, смазанную маслом и яичным белком, то разрез глаз и их цвет не скрыть даже косметикой. А это значит – лицо всегда должно быть прикрытым веером или широким рукавом.

Этот танец – завершающая часть обязательного экзамена. Я сама так решила, несмотря на то, что родители отговаривали меня. С кинжалами и ловкостью было проще. Вот красота... тут недостаточно одних тренировок, тут нужно чутье. Грация. И то самое, что мужчины называют «искушением».

Внутренняя моя птица жаждет петь. В груди кипит нетерпение. Волнение последних дней почти выплескивается наружу, я уже даже стоять не могу, пританцовываю. Нет, никогда из меня не выйдет «охотницы»: я, скорее, приманка. Я просто умру от нетерпения. Как сейчас. Мой танец в самом конце, это и хорошо, и плохо. Плохо – что гости устали. Хорошо – что меня непременно запомнят. Надеюсь, запомнят как самую красивую, а не как неудачницу.

Чтобы успокоиться, я разглаживаю складки своего кимоно. Самое дорогое, самое красивое – отец не жалеет на меня денег. Даже у дочери дзёнина нет такого шёлка, что светится изумрудом трав и россыпью полевых цветов. Разглядываю роскошную вышивку, ковыряю ее пальцем, то и дело одергивая себя. Невозможно! Меня всю трясет от волнения. И почему я не воспользовалась мамиными успокаивающими зельями?

Музыка стихает, и Есианага Кио, моя главная конкурентка и лучшая подруга выскальзывает из-за занавеса и шелестит мимо, едва ощутимо задевая меня рукавом. Я дергаюсь, как от удара. Ени ничего не делает просто так. Но проверить, всё ли в порядке с моим нарядом, уже поздно. Играет музыка летнего дождя, а это значит, что мне нужно выходить.

И я выплываю. Влоборота, прикрыв лицо веером. Кружусь, взмахивая своим оружием, гнусь волной, перетекая из одного движения в другое, подбрасываю веер и ловлю его у самого пола, прогибаясь, касаясь висячими цветочными заколками подола платья. Расправляю крылья рукавов, прячусь, ускользая, ловя каждый звук струны, каждый перезвон мелодии.

Я – птица. Я гордо расправляю перья, я красуюсь, я прячусь в траве. Я бабочка – легкая, изящная. Я дракон – убивающий врага одним обманным ударом хвоста.

Прикрывая лицо рукавом – у меня все движения такие – незаметно достаю из-за пояса второй веер... и пояс падает к моим ногам. Ени ухитрилась подрезать его! Она знала мой танец наизусть и все просчитала! Складки кимоно расправляются, теперь мне ещё приходится следить, чтобы моё одеяние не разошлось. Не пристало майко показывать что-то, кроме кистей рук.

Танец удалось закончить с немалым трудом. Я ухитрилась даже отбросить несчастный пояс ногой – чтобы не споткнуться об него нечаянно. Последний взмах крыльев: я опускаюсь на колени спиной к зрителям, позволяя высокому вороту кимоно соскользнуть вниз, так, чтобы обнажился незащитный затылок и тонкая шея. Отчего-то мужчин заводит эта часть тела.

Я была права: дружный вздох прокатился по той части зала, где сидели зрители. Вряд ли бы обычный поклон вызвал такую реакцию.

Покидала помост победительницей – гордо выпрямив спину, не оглядываясь. Знала, чувствовала, что я лучшая. О, если бы я пожелала участвовать в торгах за восход своей луны – была бы самой дорогой майко. За дверями меня ждала мама. Она всегда поддерживает меня. Отец, к счастью, не знает, что я тут. Хоть стыдиться мне нечего, танец был абсолютно пристоеен и очень целомудрен, но то, что начнётся потом... и неважно, что я в этом не участвую. Нет, он бы не ругался. Молчал бы, так холодно поглядев на меня... Он одним взглядом умеет передавать недовольство своей излишне порывистой дочерью.

– Ты прекрасна, как всегда, – сообщила мне мама. – Держи, я принесла тебе одежду.

Я быстро скинула тяжёлый шёлк и надела простой костюм служанки: широкие штаны и простое чёрное кимоно без рисунка. Смыла с лица грим. Распустила волосы. Мама тем временем аккуратно сложила скользкий тяжёлый шелк в большую суму.

– Хочу послушать, что они говорят, – призналась я маме. – Ужасно любопытно!

Она кивает.

Настоящая служительница Луны должна быть холодна и невозмутима, но я не собираюсь становиться ею, да и нет внутри меня ни холода, ни терпения. Поэтому я крадусь вдоль стены, а потом ловко карабкаюсь на деревянную балку возле окна, нисколько не удивляясь уже притаившейся там серой тени.

– Последняя хороша, – говорит кто-то.

– Она хороша в танце, но внешне – дурнушка, – лениво возражает сидящий в левом углу мужчина.

– С чего ты взял, Ю-Вей?

– Она лицо закрывала постоянно. То рукавом, то веером. Или шрам у неё большой, или нос кривой, или родимое пятно на половину щеки. Остальное-то макияж скроет.

Ишь, какой внимательный!

– Бр-р-р, а ты прав, пожалуй. Так что же, не будешь её покупать?

– Только её и купил бы, сам понимаешь.

Отчего-то мужчины раздражаются хохотом, а мне непонятно. Ени тоже пожимает плечами. Мужчины обсуждают нас всех... называют цены. К примеру, за Ени предлагают аж две тысячи риссов. Очень заманчиво. Меня не хочет никто. Я не собиралась участвовать в торгах, но теперь меня это злит. Незнакомый мне Ю-Вей все испортил. Приподнятое настроение улетает прочь, как птица. Я соскакиваю на землю и запрокидываю голову, делая вид, что рассматриваю звёздное небо, а на самом деле – загоняя обратно непрошенные слезы. До чего ж обидно, когда тебя – самую лучшую – просто смешали с грязью.

– Я, пожалуй, соглашусь, – сообщает мне Ени с совершенно равнодушным лицом. – Две тысячи риссов – это очень много. Немного потерпеть – и такая сумма! Все равно мне придётся от девственности избавляться, так хоть красиво и за деньги.

Я передергиваю плечами. Хоть и училась вместе с Ени, но все равно – мне её жаль. У неё нет выбора, на самом деле.

Впрочем, у меня тоже.

– А ты ловко с поясом выкрутилась, – хвалит меня Есиага.

– А ты ловко его подрезала, – улыбаюсь, наконец, я. – Спасибо, выступление произвело незабываемое впечатление.

Мы смеёмся.

– Не переживай из-за Ю-Вея, – говорит Ени. – Возможно, он специально. Чтобы ты никому другому не досталась.

Я только плечами пожимаю. Даже если и так – все равно неприятно.

На входе в дом меня перехватывает дайна Такуони и шепчет мне:

– Деточка, господин Ю-Вей предложил за тебя три тысячи риссов, а когда я сказала, что ты не участвуешь в торгах – пять тысяч. Ты точно не передумала?

Я замерла. Неожиданная щедрость. Неужели Ени права? Неужели он специально охладил пыл остальных? Нет, бред. Пять тысяч – огромные деньги. На них можно безбедно жить несколько лет. Никто не платит столько за восход Луны!

Неужели... пожалел?

Меня охватила настоящая ярость. Он действительно счёл меня убогой! Он хочет дать мне милостыню! Какое унижение! Мне, лучшей ученице дайны!

– Передайте господину Ю-Вею, что я принимаю его предложение, – отчека-

нила я. – Пойду готовиться.

– Умница! – хлопнула в ладоши Такуони. – Беги. Твоя комната будет зелёная.

===

Внутри все клокотало. Да я ему! Да я его! Побежала домой, точнее, в тот дом, что снимали родители здесь, в Ньяхо. Ворвалась в комнату матери, открыла её шкапулку. Да, то, что надо! Настой, вызывающий сон и лёгкие галлюцинации. Будет вам, господин Ю-Вей, девственница! Больше, чем вы себе можете представить!

А затем – макияж. Рисовая пудра. Алая помада. Крохотный ротик сердечком. Густо подведенные глаза и брови и маска. Алая с золотом, с птичьим клювом и перьями. Простое белое кимоно с алым поясом.

А вот волосы... волосы не спрячешь. Зря распустила. Теперь только могу вернуть их в пучок и закрепить парой шпилек. Плевать, кто будет рассматривать волосы, если в его руках обнажённое тело?

В зелёную комнату входила без трепета. Сняла деревянные сандалии на пороге, вплыла, поставила поднос с чашками и чайником на низкий столик и, наконец, подняла глаза на возлежащего на постели мужчину.

Замерла в удивлении.

Во-первых, не ниххонец. И волосы светлые, и бородат, и глаза круглые.

А во-вторых, левую щеку пересекает безобразный рубец от удара саблей или кинжалом. Он идёт от подбородка и скрывается в волосах. Рассечена бровь, и левый глаз мутный, явно неживой. Я рассматриваю его, не скрывая интереса. Шрам уродлив, а сам мужчина красив. И тело у него не такое, как у ниххонцев: плечи широкие, на груди кучерявятся светлые волосы, руки тоже ужасно волосаты.

На нем полурасстегнутая рубашка с закатанными рукавами и узкие штаны. Удивительно! И страшно. Я слышала, что чужестранцы куда более щедро одарены природой, чем ниххонцы. Для первого раза – ничего хорошего.

– Не нравлюсь? – гулко спрашивает чужак. – Хочешь уйти? Не держу.

– Простите, господин, – опускаю голову я. – Не ожидала увидеть... чужестранца.

– Если не мил, можешь уйти прямо сейчас, – спокойно говорит он. – Не бойся, денег назад не потребую.

– Я вас совсем не знаю, – удивляюсь я. – Отчего же сразу сбегать? Вы пока ничем меня не оскорбили и не напугали.

– Серьёзно? Ладно. Тогда иди ко мне.

– Не желаете сначала выпить чаю?

– Наливай.

Плоский чугунный чайник раскален. Я оборачиваю его ручку салфеткой и осторожно разливаю чай в крошечные фарфоровые чашечки.

Незнакомец подбирается поближе. Я подаю ему чашку с поклоном, он осушает её одним глотком и морщится.

– Ну и гадость этот ваш зелёный чай, – заявляет он. – Все? Танцы закончились? Иди ко мне, цветочек.

Я сглатываю. Мне страшно. Я в любой момент могу его убить, но это не дело. Впрочем, спать с ним я тоже не собираюсь.

– Как тебя зовут, девочка?

– Виро, – вру я.

– Красивое имя. Маску не снимешь?

– Нет.

– Как же я буду пробовать твои губы?

– Никак. В Ниххоне не целуют губы. Это слишком бесстыже и вообще неприлично.

– А девственность продавать прилично? – смеётся светловолосый. – Скажи честно, страшно тебе, цветочек?

– Да.

– Чего боишься?

– Боюсь, что достоинство у вас слишком большое, – спокойно признаюсь я. – Больно будет. Я бы предпочла ниххонца. У них размеры скромнее.

Светловолосый хохочет так, что у него на глазах выступают слезы.

– Прости, цветочек. Но ты просто очаровательна. Я буду осторожен, правда.

Он берет меня за плечи и укладывает на футон. Так, а ведь он здоровый как медведь. Не мало ли я зелья добавила в чай? Вот будет забавно, если не сработает! От этой мысли у меня перехватывает дыхание. Что же – я и в самом деле лишусь невинности? Прямо сейчас – с незнакомым мужчиной? А здоровяк тем временем развязывает пояс кимоно, под которым ничего, совсем ничего нет. Судорожно вздыхает, упираясь взглядом в мою грудь. Я начинаю паниковать. Да, у меня слишком большая грудь! Стандарт красоты требует, чтобы грудь едва была заметна. Маленькие холмики, не больше. Но у меня холмики довольно выдающиеся. Округлые.

– Ты прекрасна, – сдавленно шепчет мужчина, обхватывая ладонью грудь и проводя шершавым пальцем по соску. – Давно не видел подобного совершенства.

Врёт, наверное, чтобы меня успокоить, но я не против. Пусть говорит приятные слова. Пусть разглядывает. Он наклоняет голову и целует левую грудь. Нежно. Щекотно. Странно. Втягивает в рот сосок. Снова щекотно – только на этот раз внизу живота. Я вздрагиваю от неожиданных ощущений и сжимаю ноги, а губы Ю-Вея спускаются ещё ниже. Язык выписывает узоры на трепещущем, подрагивающем животе, борода раздражает и волнует. Я уже совершенно забыла, что подлила ему сонного зелья, я вообще ни о чем не могу думать, кроме странного томления между ног.

Я не скромница, да и во время обучения видела всякое. И на каменных фаллосах определённые виды любви мы тренировали. А еще нас учили самим себе доставлять удовольствие, потому что мужчины бывают слишком стремительны, а застой крови в женских органах вреден. Я не особо усердствовала. И уроки "доставь удовольствие подруге" пропускала. Но что такое возбуждение, знала. Умела его в себе ловить, возвращать – чтобы не оскорбить мужчину сухостью лона. К лунницам приходят всякие клиенты, некоторым нужна помощь.

Этому помощь была не нужна. Опыта у него хватало, и желания доставить мне удовольствие тоже. Когда его пальцы скользнули между моих ног, они нашли там достаточно доказательств, что я совсем не равнодушна к его ласкам.

– Мокрая, – шепнул он. – Горячая. Уже не страшно?

Я мотнула головой и застонала тихо и жалобно, а он, улыбаясь, ласкал меня пальцами... все медленнее и медленнее... а потом его голова бессильно упала

на подушку.

Я чуть не взвыла от разочарования. Распаленная, тяжело дышащая, я рассматривала своего почти-первого мужчину и остро сожалела, что подлила ему этого проклятого зелья. Не в силах сдержать любопытства, дернула за шнурок штанов, выпуская пока ещё напряжённый член. И в самом деле большой. Длиннее моей ладони. Ени обязательно спросит, что я ей скажу? Попробовала обхватить ладонью – пальцы едва сошлись. А по ощущениям он гораздо приятнее каменных фаллосов! Кожа такая нежная, такая бархатистая, странно подвижная... головка упругая. Любуясь, провела по выступающим венам, чуть сжала. Рассмотрела полностью, даже понюхала и осторожно лизнула языком. На вкус не противно.

Интересно, может ли мужчина кончить во сне? Жаль, проверять некогда. Пообещала себе, что если встречу его ещё раз – дам ему шанс. Надеюсь, ему сейчас приснится все то, что мы с ним могли бы делать вдвоём.

Прикрыла Ю-Вея (сомневаюсь, что это настоящее имя) покрывалом, надела кимоно, вылила остатки чая в ночную вазу и вышла.

2. Слова на ветер

Словно море бурлило внутри меня, наполняя силой и хмельным восторгом. Я приплясывала, вертела головой, глубоко дышала и едва сдерживала смех – словом, вела себя совершенно не так, как положено покорной скромной дочери уважаемых родителей. Мама смотрела на меня с улыбкой, а младшая сестренка вовсе разрыдалась, цепляясь за пышную юбку.

– Ну полно, Янголь, – я подхватила ее на руки и расцеловала. – Я обязательно вернусь, что ты! Не плачь! Или ты приедешь ко мне в гости!

– Нет, ты больше не вернешься, – всхлипывала малышка. – Тебя ждет море... и мужчина с кривым лицом.

Я замерла: Янголь частенько говорила странные вещи, которые потом сбывались. Впрочем, пусть будет море, пусть будет мужчина – не смерть же, не плаха, не яд. Мужчина – это хорошо. Мужчина мне очень нужен.

Мама забрала Янголь из моих рук и напомнила:

– Мы приедем с первым же дипломатическим кораблем. Не надейся на глупостей.

– Мне почти девятнадцать, – сморщила нос я. – В моем возрасте ты давно была замужем. Я вполне способна постоять за себя.

– К сожалению, тебе это только кажется. Ранолевс – не сказочное королевство розовых единорогов, детка. Он очень жесток к своим детям.

– Ну мам! Папа, скажи ей! Я умею защитить себя. И со мной Макеши.

Отец спокойно кивнул и приобнял маму за плечи. Та сразу расслабилась и улыбнулась мне почти без тревоги. Она всегда так улыбалась рядом со своим мужем, и меня это восхищало. Я знала, что хочу так же – чтобы мой муж меня защищал от всего мира.

– Макеши я доверяю больше, чем себе, – сказала мама. – Нам с ним невероятно повезло!

– Это мне невероятно повезло жить под твоим крылом, сестра, – негромко ответил мой охранник (а точнее, нянька).

Макеши – туземец с Ильенских Островов и по невероятному стечению обстоятельств – кровный брат мамы, то есть мой приемный дядя. Он знает меня

с младенчества. Для туземца он довольно высок, и кожа у него не черная, а скорее, кофейная, и ноги ровные. Он некрасив: приплюснутый нос, большие губы, живые черные глаза, кудрявые волосы. По сравнению с отцом – высоким, статным, напоминающим хищную птицу, Макеши кажется совершенно безобидным, но я-то знаю, на что он способен. Он – воин с даром шамана. Шаманом не стал – потому что поклялся служить моей матери, когда она спасла его от смерти, но кое-что все же умел. И еще он, как и я, обучался в клане Кио, но, в отличие от меня, убивать он умел по-настоящему.

И он всецело мне предан: я была под его присмотром всегда. Я не помню ни дня, когда он не был бы рядом. Можно сказать, Макеши я знаю даже дольше, чем маму.

Девушке моего положения необходима прислуга. Я хотела взять горничной Ени, но ее не отпустил клан – слишком много в нее вложено, сначала работа, потом удовольствие, а никому другому я не доверяла. Раба тоже можно, хотя Макеши мне не раб – но кто об этом знает? Темнокожий слуга в роскошных шелковых одеждах смотрелся рядом со мной как попугай возле горлицы, но это было и хорошо. Широкие желтые шаровары, лазурная рубашка, бархатный жилет, расшитый цветами – так одевались в Ниххоне императорские евнухи. Темнокожих среди них было достаточно, чтобы на Макеши обращали внимание – но не изумлялись диковине. Их еще брили налысо, но мы решили, что Ранолевс – страна холодная. Оставили волосы.

Я же была одета более чем скромно – конечно, с учетом моего положения. Зеленое дорожное платье из тонкой шерсти, белое кружево нижней сорочки, чулки, ботиночки на шнуровке и два не самых больших сундука с бельем и парой платьев на первое время.

– Ива-тан, нам пора, – негромко напомнил Макеши, и я всхлипнув, бросилась на шею матери, а потом и отцу.

Отец одним только взглядом упрекает меня за безобразное нарушение приличий. Не сдержалась, не утерпела, да и не хотела, если честно. Я всегда была слишком порывиста, слишком эмоциональна. Мама говорит – в ту, настоящую мою мать, родную, которая умерла. Я вообще на нее очень похожа: маленькая ростом, кудрявая, смуглая. Зато меня сразу все признают, ну, а если нет – то они с отцом придут мне на помощь. Но я надеюсь, что справлюсь сама: в конце концов, я единственная из всей семьи родилась в Ранолевсе. Не может моя родина быть ко мне жестока, я верю, что всё у меня сложится так, как я задумала.

Макеши затащил мои сундуки на корабль, я поднялась следом, а потом долго махала рукой родителям и сестренке. Хорошо еще, что братья все на учебе, я не так уж сильно и плачу, расставаясь с семьей. И вообще, это не слезы, а брызги моря.

До чего ж красиво! Небо высокое и ясное, чайки кричат, летая возле самого корабля, а снизу пена, щепки, бурлящие волны. И воздух совсем другой, не такой, как на суше!

– Вот бы мне плыть к новым берегам, а не вот это всё, – мечтательно тяну я, запрокидывая голову и позволяя ветру трепать волосы.

– Не стоит так говорить, Ива-тан, – озабоченно качает головой Макеши. – Ветер услышит.

– И что?

– Сами знаете, ветер глуп. Он донесет ваши слова до неба, да еще исказит, перепутает, словно нити. Потом плакать будете.

– Глупости говоришь, – рассердилась я. – Это просто ветер. И просто слова.

– Это восточный ветер, ветер судьбы.

– Ах, судьбы? Ну так хочу мужа хорошего, чтобы меня любил, как отец – мою мать. И приключений хочу!

Матросы повернули паруса, ловя ветер, корабль слегка накренился. Я едва удержалась на ногах. Сильный порыв ветра хлестнул меня в лицо, растрепывая окончательно прическу, вырывая темно-зеленую ленту из волос и бросая ее в море. Я засмеялась от восторга, а серо-зеленый Макеши мрачно пробормотал:

– Море забрало себе подарок. Море и ветер запомнили твои слова, глупая ойосамас. Теперь жди...

– Шел бы ты в каюту, – отмахнулась от его глупостей я. – Тебе дурно. Тошнить будет, да?

– Да.

– Ну так иди и ляг. А еще уроженец островов. Ты же всю жизнь на море жил, отчего тебя укачивает?

– Большая лодка хуже маленькой, – сдавленно прошипел Макеши, перегибаясь через борт и освобождая желудок от завтрака.

Я отвернулась, чтобы не смущать его, и принялась разглядывать благословенный Ниххон. Издалека он был еще красивее, чем вблизи. Вдалеке курились облака над горами, белые домики с красными изогнутыми крышами казались игрушечными, люди копошились, словно муравьи, и тех скоро видно не стало. Остались лишь горы и полосы тумана над водой.

На миг я зажмурилась, представив, что плыву куда-то далеко, в неизведанные страны. Что я свободна, совсем свободна и одинока. Ни семьи, ни предписанной мне судьбы, ни древнего рода, долг перед которым мне предстоит исполнить. Не то, чтобы я боялась или была против, нет – я с младенчества знала, что осталась последней герцогиней Шантор. Что у меня есть замок, есть куча предков. Есть отец и мать, погибшие в гражданской войне. И я росла и помнила, что вернусь в Ранолевс, что буду представлена ко двору, что буду блистать и кружить головы мужчинам – как моя мать. Что где-то там мне нужно будет выбрать мужа и родить сына. Что меня ждет спокойная и красивая жизнь.

Но иногда я думала – а чего я на самом деле хочу? Нужны ли мне балы и мужчины? Или лучше ветер в волосах и соленые брызги в лицо? Нужны ли богатство и почет, нужны ли золото и жемчуга – или достаточно солнечных бликов в волосах и криков чаек? А может, вернуться на Острова? Там тепло и тихо, и яркие попугаи смело садятся на плечи и на голову. Или остаться в Ниххоне и быть как отец – охотником на ёкаев? Или остаться помощницей матери и учиться аптечному делу? Впрочем, травки и склянки меня никогда не привлекали – не было у меня ни чутья, ни терпения. А воевать с ёкаями отец никогда бы не разрешил – хотя клан Кио был именно охотничьим. Вот Ени позволено стать Охотницей, а мне нет. Впрочем, если бы отцу разрешили, он бы и Ени со мной отправил, и всех женщин-охотниц разом. Акихиро Кио всегда утверждал, что женщины должны нести в мир жизнь, чтобы спасти души мужчин, несущих смерть.

Очередной порыв ветра заставил меня поежиться. Ощутимо похолодало – до лета не так уж и близко. Теплолюбивый Макеши стучал зубами, но меня не покидал. Он все еще был бледен, если так можно сказать о темнокожем мужчине. Пришлось мне спускаться в каюту, где в глиняных горшках тлели угли, отчего там было тепло, почти жарко. Я растянулась на подвесной койке, а мой спутник, которого я даже мысленно не могла назвать слугой, с облегчением сел прямо на пол, облокотившись на стену и баюкая в объятиях один из горшков с углями.

– Переоденься, – велела я ему. – У тебя же есть теплая одежда, а ты в шелках. Конечно, холодно.

– Здесь тепло, – непослушно пробормотал туземец. – Потом... пойду за обедом, надену что-нибудь более подходящее. Ничего, не беспокойся. К завтрашнему утру я уже привыкну к качке и приду в себя.

Я кивнула и прикрыла глаза, прислушиваясь к волнам, бьющим в борт судна. В отличие от Макеши, меня не мучала морская болезнь, не тревожило будущее, напротив – в душе поселилось предчувствие радости. Все будет так, как я захочу, я уверена.

3. Совпадения

Шлюпка мягко коснулась бортом деревянного причала. Я подобрала длинную юбку и шагнула вперед – в новую жизнь. Теперь все будет по-другому. Я справлюсь, не могу не справиться. В конце концов, всё, что от меня требуется – вступить в права наследства и как можно быстрее найти себе мужа. Ничего сложного.

Родители придут через месяц. Никто не должен знать, что нас связывает. Мне не стоит подставлять их под возможный удар. Они мне хоть и не родные, но никогда не делали разницы между мной и своими тремя детьми. С моей стороны будет чёрной неблагодарностью выдать их роль в моей жизни.

Я знаю, что меня в Ранолевсе не очень-то ждут. Мне ещё предстоит доказать свои права. А первый мой шаг – представиться королю.

Меня должны встречать, но я не вижу никого, кто мог бы походить на слугу герцогини Шантор. Растерянно оглядываюсь. Нет, вокруг много людей, все суетятся, таскают какие-то мешки, и никому нет дело до девушки в дорожном платье и её слуги.

Что это – совпадение или преднамеренное указание на моё место?

– Что ж, кажется, нам придётся все делать самим, – говорю я Макеши. – Бери сундуки, пошли искать транспорт. Не так уж и далеко отсюда до королевского дворца.

– Лучше бы оставить сундуки в порту, госпожа, – советует мой спутник. – Налегке доберёмся быстрее. Здесь наверняка есть охраняемые склады для багажа.

– Да, ты прав. Но если с моими нарядами что-то случится, я расстроюсь.

– Не волнуйтесь. Я положу в сундуки амулеты, от которых у вора отсохнут руки и мужская доблесть.

Я краснею и отворачиваюсь – иногда туземец слишком прямолинеен в высказываниях. Но его методы обычно действуют.

– Подождите меня здесь, госпожа, я всё решу.

Я отошла в сторону, с любопытством наблюдая за суетой порта. После жиз-

ни в Ниххоне все жители Ранолевса казались мне на одно лицо – я видела лишь огромные носы и круглые глаза. Смешные. И такие эмоциональные, громкие. Ниххонцы совсем другие. Они вежливые, осторожные, грациозные. Дома даже представить невозможно, что два грузчика будут материть друг друга, размахивая руками. В Ниххоне все претензии высказали бы тихим голосом, с многословными извинениями и завуалированными угрозами. И уж точно ни один чиновник не позволил бы себе поднять руку на слугу прилюдно, а я вот сейчас наблюдаю, как важный господин в парике орёт на своего лакея и с силой бьёт его по плечу. Странная, дикая страна! И тем страшнее, что это моя родина и мне придётся здесь жить.

– Я оставил багаж на складе Шнипсона, – появился из ниоткуда Макеши. – Это торговец из Эльзании. Не поверите, у него сестра вышла замуж за Доминика Ферна. Забавно встретить здесь родню.

Я усмехнулась. Ферны – они повсюду. Очень шустрая стая, и они всегда поддерживают своих. Мама из рода Фернов, поэтому за багаж можно не беспокоиться.

– И взял в аренду лошадей у того же Шнипсона, – невозмутимо продолжал Макеши. – Можно ехать, ваша милость.

Я с трудом отвела глаза от драки, завязавшейся у самой воды. Интересно, они грохнутся с причала или нет? Увы, мне не суждено увидеть развязку. Что ж, уверена, в этой варварской стране мне ещё не раз придётся быть свидетелем драк.

Лошади, приведённые Макеши, были неплохие. Не самые лучшие, но и ехать на них было не стыдно. К счастью, обе под мужским седлом. Я умела ездить и на женском, но это, на мой взгляд, куда опаснее. Вот только одежда моя совершенно не подходила для верховой езды. Юбка недостаточно широкая и без разрезов, хлопковые чулки, дорожные ботинки на шнуровке. Я ждала, что за мной пришлют карету. Что ж, придётся нарушить правила приличия. Интересно, что мой путь по земле предков начинается именно с этого.

Макеши помог мне взобраться на лошадь. Юбка задралась, обнажая лодыжки. Колени тоже неприлично оголялись, приходилось то и дело поправлять одежду. Неудобно, но что поделать. Лучше так, чем пешком.

Мы выехали на дорогу, ведущую к городу. На самом деле, в столице была своя пристань, но там принимали только дипломатические суда. Отец, конечно, в Ниххоне – лицо не последнее, но ради меня корабль собирать не стали, да это и понятно. Вот он наверняка прибудет прямо в столицу. А я же плыла на обычном «торговце», оттого и причал наш – торговый, в речном порту.

Странная, странная страна! Дикий лес с обеих сторон дороги – а ведь столица совсем рядом! Разве могут быть такие дремучие леса в центральной части страны? Есть ли здесь лесники? А ёкаи, в таких лесах непременно должны быть ёкаи!

И дорога – обычная колея без травы, даже камнем не выложенная. А ведь она должна часто использоваться. Отчего её не сделать такой, чтобы людям было удобно? Дикая, варварская земля!

– Ива-тан, стойте! – нервно выкрикивает Макеши, и я немедленно тяну за поводья.

Вовремя. Из леса выскакивает заяц прямо наперерез нам, а следом слышится лай собак. Их целая свора: длинных, тощих и очевидно тупых, потому что

часть из них забывает про зайца и пытается напасть на нас. Лошадь моя начинает вертеться и нервничать, а конь Макеши и вовсе отскакивает вбок и встает на дыбы, молотя воздух копытами. Вслед за собаками, разумеется, из леса вылетают охотники: такие же шумные и горластые. Вот и ожидаемые демоны! Один из них хватается мою лошадь за узды, двое других успокаивают коня моего слуги. Ещё с полдюжины человек проносятся мимо – за собаками и несчастным зайцем.

– А ну, тихо, волчья сыть, – гаркает на воющих псов великан, усмиривший моего коня. – Эй, Грестон, успокой псов да собери их на поводок. Для них сегодня охота кончена. Тупые твари! Простите, госпожа...

Мужчина поворачивается ко мне, и я замираю, забывая, как дышать. Ни за что я не ожидала встретить в Ранолевсе человека со светлыми волосами, лицо которого пересекает огромный шрам. Сглатываю, отпрянув, но быстро соображаю, что узнать меня он никак не может. Он же, видя моё напуганное лицо, отпускает поводья моей лошади, отъезжает на несколько шагов и, криво улыбаясь, представляется:

– Граф Волорье к вашим услугам.

Мои глаза расширяются в изумлении: вот это ирония судьбы! Мало того, что мой старый знакомец оказался из знати, так он ещё и Волорье! А по нему и не скажешь: белая рубаха в пятнах пота и пыли, сбившийся шейный платок, простые суконные штаны, заправленные в высокие сапоги. А вот конь, конечно, хорош: высокий, тонконогий, с роскошной гривой. Вороной с белой звёздочкой во лбу.

– Герцогиня Шантор, – представилась я, глядя ему в глаза. Не коню, конечно, Волорье.

Красивые серые глаза (один красивый, другой неживой) мужчины сузились. Теперь уже он пристально осматривал меня. Оглядел задранный подол дорожного платья, руки без перчаток, расстегнутый воротничок, выбившиеся из строгой причёски кудряшки. Нахмурился, оглянулся на ожидающего в стороне Макеши.

– Почему в таком виде и без должного сопровождения? – строго спросил граф.

– Не прислали, – пожалала плечами я. – Его величеству Вазилевсу было направлено письмо о моем прибытии. Ответ был получен, обещали встретить на пристани в назначенный день. Судно прибыло по расписанию, однако никого на причале не было.

– Странно, – сдвинул светлые брови граф. – Похоже на диверсию.

– Вы военный? – с любопытством спросила я.

– Капитан военного корабля.

– Удивительно, – не удержалась я. – Аристократ – и на службе!

– Почему нет? Или я должен торчать в своём замке и устраивать заговоры? Благодарю, одному моему родичу уже отрубили за это голову. Предпочитаю заниматься стоящим делом, а не плести интриги.

– Для чего ж Ранолевсу военные корабли? Разве он с кем-то воюет?

Волорье закатил глаза, но ответил:

– Пираты, ваша светлость. Защита водных границ. Сопровождение посольских делегаций и торговых флотилий.

– О, – я на мгновение смутилась. – Прошу меня простить. Я воспитывалась

вдалеке от больших городов и от моря.

– И где же?

– В монастыре.

– В мужском? – вырвалось у него, а в ответ на мой недоуменный взгляд он только вздохнул. – Простите, глупая шутка. Я провожу вас во дворец. Здесь не опасно, но лучше не рисковать.

– Будьте так любезны, – согласилась я с улыбкой.

4. Граф Волорье

А ведь я дала обещание, что если встречу с ним снова – непременно дам нам шанс. И теперь, глядя на него, понимала: тут не шансом пахнет. Тут я уже готова влюбиться. Сколько раз, засыпая, я представляла себя в его объятьях? Слишком много! Реальность оказалась даже лучше воспоминаний. Красивый, благородный, с подходящим титулом. Я ведь прекрасно знаю, что мне предстоит выйти замуж и родить сына – наследника титула. Об этом было совершенно ясно сказано в письме, полученном моими родителями два года назад.

В Ранолевсе девушка становится совершеннолетней в шестнадцать. Мне же почти девятнадцать – едва ли не старая дева. Как родителям удалось меня отстоять – не знаю, но я им очень благодарна за все, хотя последние годы дались мне очень тяжело. Танцы, боевые искусства, изучение истории родов, титулы, флаги, гербы... Муть полная.

Про Волорье мне тоже известно немало – господин граф мне практически родственник. Я знаю о нем куда больше, чем он может предположить. Зовут его Арман, он старший сын сестры графа Ральфа Волорье, казненного по ложному обвинению в государственной измене. Его мать – Глен Форьест, у Армана трое братьев и младшая сестра, он вырос в Белом Замке. Я могу даже посчитать, сколько ему лет... Двадцать восемь или двадцать девять, кажется. А он обо мне не знает ничего... даже где я росла, не знает.

– Герцогиня, вы говорили, что росли в монастыре, – неожиданно заговорил со мной Арман. – Но в каком? Почему вы прибыли морем и в сопровождении, простите, туземца? Давно ли у нас на Ильенских Островах стали строить монастыри?

Я замаялась. Разумеется, у меня была легенда, но именно ему мне врать не хотелось.

– Молчите... Вам следовало подготовиться более тщательно!

– Простите, – я опустила голову. – Вы правы... но я так надеялась на благосклонность его величества и его помощь! Вы ведь понимаете, что я сирота. Мои родители погибли в восстании, но они умерли за Вазилевса. Мне не было и двух лет, как я осталась одна на целом свете... Что я могу вам сказать относительно моего прошлого?

– Ох, прекратите этот цирк, – раздражённо махнул рукой Арман. – Игра прекрасная, но я не из тех, кто ведётся на слезные сказочки. Вы отлично держитесь в седле, у вас добротная одежда и прекрасные манеры. Если вы и жили на Островах, то с гувернанткой и учителями. А скорее всего, за вами присматривал кто-то из местной знати. Чья вы протеже, герцогиня? Что вкладывали в вашу хорошенькую головку? Чья вы марионетка?

– Вы что-то придумываете себе, – раздражённо оборвала я не в меру пронизательного графа. – Вы ещё скажите, что я выросла в Ниххоне с вашей сбежав-

шей из страны тетушкой!

– А что, это похоже на правду, – усмехнулся Арман. – Только бывшая графиня Эва Волорье слишком безответственна для такого сложного плана. Не хотите говорить – ваше право. Просто будьте более убедительны в своих придумках!

Я поджала губы, отворачиваясь и пряча улыбку. Мужчины! До чего ж с ними просто! Теперь он считает, что умнее меня. Пусть. Это мне на пользу.

– Обратите внимание на пригороды, герцогиня, – светским тоном заговорил граф. – Здесь нынче модно растить фруктовые сады. Вы прибыли к нам в самое прекрасное время: середину весны. Цветёт вишня, груша, слива, яблоня, абрикос. Чуть дальше, в полях, выращивают виноград и айву. Ранолевс славится своими фруктовыми винами и вареньем.

– Удивительная красота! – согласилась я, оглядывая белоснежные деревья.

В Ниххоне любят сакуру. Там она везде. Её цветы нежно-розовые. Ниххон сейчас утопает в розовом кружеве. Ранолевс же – словно невеста, весь в белом.

– Когда поедем по центральной улице, вы увидите каменные дома. Так вот, раньше они были двухэтажными, но столица так стремительно растёт и богатеет, что на каменные дома, где фундамент позволяет, надстраивают третий и иногда даже четвёртый этаж. Кстати, по центральной улице не ездят большие кареты и торговые повозки. Скоро вообще любой частный транспорт запретят.

– Как же ездить людям?

– Градоначальник предлагает пустить конку. Это правильно – улица довольно узкая, самая старая в городе. Расширить её невозможно: дома здесь – почти произведение искусства. Немало улиц в последние годы было перестроено, полностью снесены и построены заново восточный и рыбный рынки... Впрочем, вам это неинтересно.

– Отчего же, – я с горящими глазами оглядывалась вокруг. – Очень интересно! Я так понимаю, король у нас правит мудро?

– На удивление да, – кивнул граф. – Но градоначальник здесь – герцог Шатиньон. Народ вначале очень возмущался его солдафонским манерам, ведь он – бывший генерал армии. Да и за дело Шатиньон взялся очень рьяно, начал с разрушения городского парка, признаться, весьма запущенного. Зато теперь парк – настоящая гордость столицы.

– Но он же старый! – удивленно воскликнула я, рассматривая дома и пытаюсь угадать, какой из них раньше имел меньше этажей.

– Кто, парк? Ах, Шатиньон! Ну да, ему за семьдесят. Но он бодр и полон сил.

Столица Ранолевса куда больше любого ниххонского города. Это впечатляет. А еще здесь очень чисто, много деревьев и люди гораздо приличнее, чем в порту. И много женщин с корзинами, одетых примерно одинаково: в широкие юбки до щиколотки, блузки и жилеты либо фартуки. Город, где женщина чувствует себя в безопасности без сопровождения – прекрасный город, я думаю. В Ниххоне не везде так. Простолюдинки ещё могут ходить в одиночку, но красивая молодая женщина в богатом кимоно рискует быть жертвой грабителя или насильника.

– Ваш слуга говорит на нашем языке? – небрежно спрашивает Арман.

– Макеши говорит на пяти языках и двенадцати диалектах, – насмешливо улыбаюсь я. – А еще он умеет убивать людей.

– Хм, впечатляет, – уважительно кивает Арман. – А по нему и не скажешь.

Я виновато кошусь на своего темнокожего спутника, про себя проклиная свой длинный язык. Зачем я об этом вообще заговорила? Потому что совершенно очарована этим грубияном, вот. Сама не понимаю, отчего меня так к нему тянет!

Мы едем медленно, спокойно – а тут по-другому и нельзя. Столько людей! Нужно внимательно следить, чтобы под копыта коня никто не попал. Едем близко, Арман порой даже касается меня ногой, и внутри у меня всё трепещет. И это я ещё с ним не спала... а что же будет в постели? Не рассматривать его в этом качестве я уже не могу. Боже, я даже знаю, какой у него член, как пахнет его кожа и какие у него умелые пальцы.

Покосилась на невозмутимое лицо Волорье и заерзала в седле.

– Послушайте, граф, а может, мне стоит сначала заехать к герцогине Шатиньон? Они были дружны с моей матерью. Переодеться, умыться с дороги...

– Герцогиня, как вам будет угодно. Но если действительно спрашиваете совета – его величество оценит ваше рвение и ваш вид несмотря на некоторую помятость.

Я кивнула.

– Тогда все же во дворец.

===

Отчего-то мне казалось, что я ему не нравлюсь: не королю, а Арману Волорье. Не понимаю, почему. Я красивая, молодая, образованная. А он точно может с женщинами, я это проверила.

Король же встретил меня на удивление благосклонно. Узнав, что я прибыла в Ранолевс, он немедленно меня принял, отложив все свои королевские дела, поцеловал мне руку и даже не поморщился, ощутив запах конского пота и разглядев рыжие лошадиные шерстинки на юбке.

– Герцогиня! Ива! Вы необычайно похожи на мать! – заявил его величество, жестом отпуская доставившего меня в королевскую приёмную Волорье. – Такая же изящная и миниатюрная! И кудри...

Хм, это я здесь кажусь миниатюрной. А в Ниххоне я не выделялась ростом среди девушек. Там не много высоких женщин. А здесь я уже сама себе кажусь куклой.

– Я не помню свою мать, ваше величество, – опустила я ресницы. – Но мне не раз говорили, что я пошла в неё. От отца у меня только светлые глаза.

– Да, это так. Говорили ли тебе, что я любил твою мать? Она погибла так нелепо... я её не уберег.

В голосе короля неподдельная скорбь. Наверное, он сам себя убедил в этом. Но я-то знаю всю эту историю с другой стороны. А еще знаю, что Вазилевс женился спустя три месяца после коронации и через год у него уже был наследник. Была ли там любовь?

– Я рад, что вы вернулись домой, Ива. Поверьте, я сделаю все, чтобы возродить славный род Шанторов.

– Боюсь, ваше величество, что вам не придётся в этом участвовать, – дерзко ответила я, улыбаясь.

– Как знать, прекрасная, – заулыбался Вазилевс. – Ваша мать легко могла вскружить голову любому мужчине, даже королю.

Я внимательно оглядела его величество. Он хорош собой, тут не поспо-

ришь. Каштановые, чуть тронутые сединой волосы, мягкая улыбка, лукавые глаза. Он из тех мужчин, которые, как вино – с каждым годом становятся только лучше. Ровный нос, белые зубы, загорелая кожа, изящные руки. В Ниххоне считается разумным, когда зрелый мужчина берет себе в жены или в наложницы юную деву. Так что никакого смущения или негодования я от намёка короля не испытала.

Вот только маленький нюанс. Я не готова становиться любовницей мужчины, который когда-то спал с моей матерью. Как-то это противоестественно.

– Ах, ваше величество, – взмахнула ресницами я. – Но мне сначала нужно найти себе мужа. Сами понимаете, не каждый мужчина рискнет ухаживать за девушкой, удостоенной вашей благосклонностью. А рожать дитя вне брака... такое прощается крестьянам, а не герцогам!

– Расчетливая маленькая козочка, – засмеялся король. – Я запомню ваши слова. А теперь расскажите мне, почему вас сопровождает мой адмирал?

– Адмирал? – Я растерянно посмотрела на дверь, за которой скрылся Волорье. – Но он говорил, что просто капитан...

– Капитан флотилии, да. Мой лучший капитан. Так где вы его нашли?

Пришлось ябедничать, что меня не встретили. Король хмурился и барабанил пальцами по столу.

– Я совершенно точно отдавал распоряжение, чтобы вам прислали карету, – наконец, сказал он. – Разберёмся. А Арман, конечно, молодец. Достойный поступок. Где вы думаете остановиться, герцогиня?

– В доме родителей?

– Видите ли в чем проблема, Ива... его снесли. Когда расширяли улицы. Но вам, безусловно, это компенсируют. Вы сможете купить или построить любой дом...

– Но не сегодня, – закончила я. – Дом Волорье?

– Занят адмиралом.

– В таком случае, я сниму номер в гостинице, – решила я.

– Вы можете жить во дворце.

– Благодарю, ваше величество, но я хочу немного независимости. Я все же герцогиня Шантор. Должна учиться быть самостоятельной.

– Что ж, не смею настаивать. Чем я могу вам послужить?

– Разве что доставкой моего багажа. И... какая тут самая спокойная гостиница?

– Понятия не имею. Ни разу не оставался ни в одной из них. Вот что... я попрошу кого-то из своих адъютантов присмотреть за вами. Он поможет и с гостиницей, и с багажом. И в дальнейшем будет вас сопровождать. Возможно, Шатиньона или Регнара...

– Волорье? – с надеждой предложила я. – Или он слишком важная птица?

– Нет, отчего же... в ближайшее время он совершенно свободен. К тому же он давно просил отпуск для решения семейных дел. Вот и совместит приятное с приятным. Эй, Арман! – его величество повысил голос. – Зайди.

Адмирал зашёл. Его лицо отчего-то было злым, губы сжаты.

– Раз уж ты так любезно позаботился о герцогине в день её приезда, продолжишь этот приятный труд и дальше. Поступаешь в её распоряжение.

– Ваше величество... но я – в свите принца!

– Признаться честно, Арман, вы дурно влияете на Бенедикта. Эта история с

маркизой Ленье...

– Это была идея его высочества!

– Скачки по грязи, где трое человек сломали ноги и четверо получили травмы?

– Случайность.

– Разнесенный трактир?

– Вино дурное подлили. Пройдоха-трактирщик сам виноват.

– А сегодняшняя охота?

– Тут всецело моя вина. Но собаки не мои взбесились!

– Вот именно. Бенедикту придётся некоторое время отдохнуть от своих развлечений на севере. Пусть проедется, посмотрит шахты...

– Ваше величество! – взвыл Волорье. – Я тоже хочу на север! Там мой дом! Семья! Дед!

– А ты отправишься на север несколько позже – с герцогиней.

– Ну да, – пробурчал, надувшись, Арман. – Теперь я буду дурно влиять на девушку.

– Вот в чем-чем, а в скандалах с женщинами ты ни разу не замечен, – усмехнулся король. – Ты у нас галантен, как никто. Так что я смело доверяю тебе честь прекрасной Иветты.

Волорье скривился, словно слопал лимон, и прищелкнул каблуками.

– Было бы там что доверять, – процедил он, открывая мне дверь.

Я непонимающе поглядела на него, но он только простодушно улыбнулся.

5. Старые друзья

Мы вышли из покоев короля. Я прикусила губу, лихорадочно вспоминая, сколько у меня денег. Я никак не рассчитывала, что дома, принадлежащего мне по праву, больше нет.

– Макеши, нам нужна гостиница, – сообщила я слуге. – Желательно не самая дорогая. Завтра я схожу в банк, а сегодня... просто переночевать.

– Нет, – покачал головой слуга. – Герцогиня Шатиньон.

– Неудобно.

– Ваша... ваша милость! – Макеши покосился на внимающего нам Армана. – Мне даны указания. Госпожа Хлоя вас ждёт.

– Ваш слуга прав. Дом Шатиньонов лучше любой гостиницы. Тем более, Хлоя дружила с вашими родителями.

– Что ж, рискнем, – решила я. – Но гостиницу все же нужно присмотреть.

Адмирал пожал плечами, а я снова подметила, как он высок и хорошо сложен.

– Погодите немного, я достану карету или ландо, – попросил он. – Ваши ножки, безусловно, хороши, но наряд не слишком удобен.

– У меня не было выбора, – принялась оправдываться я.

– Знаю.

Через несколько минут адмирал уже вернулся с открытым экипажем. Роскошный транспорт – большие колеса, лакированное дерево, обитые пыльно-розовым бархатом сиденья. Макеши уселся вперёд, рядом с кучером, а мы с Арманом – сзади. Не удержалась, провела пальцами по деревянной дверце. Ездить на таком красивом экипаже мне ещё не приходилось.

– Чья это карета?

– Ландо. Ее величества, разумеется. Не думаю, что она будет против.

Мне ужасно хотелось спросить, какая она – жена Вазилевса, но на этот раз я удержалась. И так разболтала ему больше, чем стоило. Не хватало ещё большей дуручкой себя выставить!

– А вы, стало быть, Иветта?

– Ива. Просто Ива.

– Арман.

– Я знаю.

– И откуда?

– Неужели вы считаете, что я не выучила имена ключевых людей его величества? И имена, и гербы, и флаги...

– Ну да, для герцогини знание геральдики – важнее умения танцевать.

– Танцевать я тоже умею. Наверное. Там, где я росла, танцевали совсем другие танцы...

Я не могла не улыбнуться, вспомнив, как танцевала на сцене с веером. Перед ним, как оказалось.

– Вам придётся здесь тяжело, – неожиданно заметил Арман. – Времена изменились.

– Глупости, – сморщила нос я. – Мне всего лишь нужно найти мужа и родить сына. Чего тут тяжёлого?

– Шутите, да? – Волорье не улыбался. – Храбритесь... Это хорошо.

Он слишком меня понимает, этот мужчина. Это пугает и в тоже время манит.

Хлоя Шатиньон встретила меня с распростертыми объятиями: в прямом смысле. Заплакала, принялась обнимать и целовать. Я замерла в ступоре: в Ниххоне было принято держать дистанцию. Никогда даже родственник не будет хватать тебя за плечи и целовать. Даже детей трогали только родители, остальная родня – только если дети сами проявляли желание. На мгновение я ощутила к женщине острое отвращение и злость, но нашла в себе силы вымученно улыбнуться.

– Итак, моя девочка вернулась домой, – радостно щебетала элегантная женщина средних лет. – Будешь жить у меня, это даже не обсуждается! С тех пор, как дети уехали, у нас полно пустых комнат. Но где же твои вещи, солнышко? И твоя свита? Ты приехала совсем одна?

– Со мной Макеши, госпожа герцогиня. А вещи на складе в порту.

– За вещами пошлём. Один слуга, какой позор! И называй меня Хлоей. Проходи скорее, я прикажу готовить ванну. Граф Волорье, что же вы стоите? Проходите же!

– Благодарю, у меня дела. Иветта, если я вам понадобится, присылайте своего туземца в дом Волорье.

Откланялся. Сбегает. Мне тоже хотелось сбежать, но Хлоя цепкохватила меня за локоть.

– Как ты похожа на мою дорогую Аду, – вздыхала герцогиня. – Одно лицо... А вот Волорье уже не те. Арман совсем не похож на своего блистательного дядюшку, тот был такой обаятельный, такой умный! Да еще и учёный, алхимик!

Я молча смотрела на Хлою и недоумевала, совсем она дура или умело прикидывается. Алхимик! Специалист по ядам, безжалостный интриган, тихий убийца – вот кто такой был их Волорье. Какая радость, что Арман совсем дру-

гой!

– Ну да я заболтала тебя, ты, наверное, хочешь отдохнуть с дороги?

– Больше всего на свете я хочу принять ванну, – призналась я. – Три дня на корабле, потом верхом на лошади...

– Ну конечно, я немедленно распоряжусь! Пойдем со мной, дорогая! А твой слуга... хм... что с ним делать?

– С Макеши? Он не слуга, он телохранитель. Так что уважать и заботиться. Хлоя вдруг закашлялась и побагровела.

– Туземец? – испуганно переспросила она.

– Ну да. Он служит нашей семье много лет. В его преданности я уверена.

– Но Ива, он же черный!

– И что с того? – начала злиться я. Граф Волорье, который собирался вроде бы уходить, но теперь внимательно прислушивался к нашей беседе, насмешливо вздернул бровь. – Боже! Это не то, что вы подумали! Он просто охранник!

Я прижала ладони к щекам, едва не плача.

– Ну... обычно, когда говорят «телохранитель», то подразумевают нечто другое, – пробормотала Хлоя. – Знаем мы этих телохранителей.

И прежде, чем я смогла придумать какой-то едкий ответ, Хлоя потащила меня по лестнице вверх. Втолкнула в какую-то спальню, позвала служанок и принялась командовать совсем как генеральша. В мгновение ока меня раздели и запихнули в ванну с горячей водой, а потом принялись мыть в четыре руки. Я блаженствовала – мне ужасно не хватало ванны на корабле. Умываться из кувшина – это совсем не то. Потом на меня натянули белоснежную сорочку, закутали в пеньюар и потащили вниз – кормить, поить золотым игристым вином и расспрашивать.

Хлоя Шатиньон была одной из немногих, кто поддерживал общение с моей мамой после ее отъезда в Ниххон. Почти все аристократы отвернулись от нее, с презрением обсуждая, какой мезальянс совершила блистательная графиня Волорье, выйдя замуж за простого ниххонца. И ладно бы она просто спала с ним – в конце концов, все мы не без греха, но замуж? Стыд и позор! А ведь еще говорили, что она его... любит!

Хлоя рассказала, что косточки графини Волорье обсасывают до сих пор, несмотря на то, что с момента ее отъезда прошло больше пятнадцати лет. Что поделаешь, слава – такая живучая! Если бы Эва Волорье затворилась в замке или стала наложницей ниххонского императора, то это было бы не так скандально, чем настоящая любовь.

– Мама приедет с посольством в начале лета, – сообщила я Хлое. – Посмотрим, что из этого получится.

У Хлои вспыхнули глаза.

– Будет очень весело, – пообещала она. – Наконец-то это болото всколыхнется! Ах, как они заквакают! Мой салон будет самым популярным в этот сезон!

Я хмыкнула. Почему-то подумалось, что госпожа Ли Кио не будет рада такой популярности. Поспешила перевести разговор в безопасное русло:

– Ваша светлость, а что нынче носят при дворе? Боюсь, что мои платья совершенно немодные. А его величество пришлет мне приглашение? Или так сейчас не делается?

– Надо немедленно посылать за портнихой! – всплеснула руками Хлоя. – А что до приглашения ко двору... Боюсь, с этим придется подождать. Не всё так

просто. Конечно, ты – герцогиня, но для начала я представлю тебя своим подругам, потом будут вечера попроще... постепенно мы введем тебя в общество, дитя мое! Ах, у меня нет своих детей, только сыновья от первого брака Шатиньона, но ты мне как дочь! Кстати, я обязательно познакомлю тебя с Луи, он мог бы составить тебе отличную партию!

– Благодарю вас, – пробормотала я. – Но прошу – дайте мне прийти в себя, освоиться в новом для меня обществе! Я пока не готова искать себе мужа.

Особенно, если я его уже себя присмотрела, да.

Герцогиня понимающе улыбнулась, а потом отдала меня на растерзание подъехавшей портнихе. Клянусь, даже упражнения в клане Кио не были столь жестоко изматывающими, как снятие мерок и обсуждение тканей! Меня измерили бесчисленное количество раз. Я вставала на табурет, наклонялась, изгибалась, а потом должна была выбирать между двумя одинаковыми зелеными образцами ткани!

– Нет, нет, только не голубой! – говорила я. – В Ниххоне это цвет смерти! А желтый может носить только император или евнухи. Кстати, о евнухах! Моему слуге нужен будет соответствующий наряд!

– Так он евнух? – разочарованно сморщила носик Хлоя. – Какой кошмар!

– Почему кошмар?

– Ну... он симпатичный. Был бы дееспособным – многие захотели опробовать подобную экзотику.

– И вы? – с нервным смешком спросила я.

– Я была бы первая. Ох, ну что ты смотришь круглыми глазами? Шатиньону за семьдесят, а мне чуть больше сорока. Да он и не был никогда львом в постели. И он не против моих любовников. Ива, это нормально – куда более нормально, чем довольствоваться всю жизнь одним мужчиной или вообще страдать от воздержания!

Я опустила глаза, понимая вдруг, почему мама с таким презрением отзывалась о нравах при дворе.

– Только не говори, что ты в свои девятнадцать ни разу не видела мужского члена!

– Видела, – выгнула брови я.

– Ну вот, тогда ты справишься.

Я очень в этом сомневалась, хотя и прошла обучение в лунном доме. Зато теперь поняла, почему мама ни словом не возразила против моих капризов. Отец был против обучения, но мама сказала, что оно мне не раз сослужит добрую службу при дворе Ранолевса. Хотя... мне ли судить местные нравы, когда я готова была лечь под Ю-Вея за пять тысяч риссов? А сейчас и бесплатно согласна... И, пожалуй, обычаи этого общества сослужат в этом деле мне добрую службу!

6. Приглашение во дворец

Мне было страшно. Я ехала сюда с уверенностью, что возвращаюсь домой. Думала, меня все тут ждут, что король лично возьмет меня за руку и введет в свой круг. В конце концов, я же – герцогиня Шантор! Так положено! Но внезапно оказалось, что про меня Вазилевс будто бы забыл сразу же, как только я покинула его кабинет.

Да и ёкай с ним, с этим Вазилевсом, а вот то, что про меня забыл Арман, бы-

ло совершенно неприятно. Это было неправильно. Я хотела узнать его поближе, очень близко, очень-очень. Но он старательно меня избегал. Я и не знала, чего можно придумать, чтобы увидеть его. Просила сопроводить меня в банк (через Макеши, конечно), но Волорье прислал мне своего банкира. Приглашала на ужин – ответил, что ему недосуг. На мое пожелание осмотреть столицу получила сдержанный ответ прогуляться самостоятельно. Неприкрытое хамство и неуважительное отношение налицо.

А вечера у Хлои Шатиньон – полная тухлятина. Приходят дамы лет сорока и начинают кудахтать. Иногда приводят мужей – мне их жаль. Несчастные не знают, куда деваться от пристального внимания. Меня представляли как некую диковинку. Еще бы – самаоделишная герцогиня, да еще молодая, да еще выросшая в монастыре! Я хлопала глазками и цитировала священные книги в надежде, что меня оставят в покое. Как бы не так – любые слова вызывали у гостей бурный восторг.

Ну что ж, придется мне действовать в традициях Ниххона. А именно – брать всё в свои руки. Терпением я никогда не отличалась. План был безукоризненным: Макеши выяснял, где можно встретить Его Величество – помимо дворца, разумеется, а я как бы случайно там появляюсь и напоминаю о себе. И заодно жалуясь на то, что граф Волорье меня избегает. Подстрелить двух птиц одной стрелой – вот как это называется.

Оказалось, что поймать его неуловимое Величество довольно сложно, к тому же его всегда сопровождает свита, которая просто напросто затопчет маленькую хрупкую меня. У Макеши был план Б, обсудив который, мы начали действовать.

На рассвете нормальные люди предпочитают спать, а я вот, никак не привыкшая к тому, что солнце в Ранолевсе встает гораздо позже, чем в Ниххоне, седлаю кобылку и выезжаю на прогулку в парк. Здесь середина весны, ночи еще холодные, но красота неимоверная. Свежая зелень кустов еще такая нежная, такая юная! А у лиственниц иголки словно самый драгоценный мех – мягкие и трогательно взъерошенные. На клумбах проклевываются гиацинты и крокусы. У меня дух захватывает от подобной красоты, и я, забыв обо всем, спрыгиваю с лошади, чтобы потрогать эту прелесть, не обращая внимания на протестующее шипение Макеши.

– Ива-тян, не время, не место... Уру ману нья!

Ого! Если уж Макеши ругается...

Я немедленно обернулась, замирая. Захотелось вдруг сесть на землю и закрыть лицо руками.

– Опять вы! – рявкнул знакомый голос. – Какого демона?

– Вы – это кто? – любопытствовал юноша, который вместе с Волорье невесть как оказался в парке.

То есть, не невесть как, конечно. Мы прекрасно знали, что его высочество Бенедикт II уже вторую неделю возвращается под утро из кабака. Да, после того, как отец запретил ему встречаться с маркизой Лорье, точнее, отправил маркизу вместе со своим мужем в их вотчину в горах. И не удивительно – парню шестнадцать, а маркизе – в два раза больше. Между прочим, и самого Бенедикта ждала поездка на Север, но он не слишком торопился покинуть столицу. Всё это верный Макеши узнал без особого труда. Вот только того, что Волорье именно сегодня сопровождает своего принца, мы не знали. Планировали

поймать принца, возможно, со свитой, лучше бы с кем-то из Шатиньонов, которым я была уже представлена.

Впрочем, мне это только на руку именно этот сопровождающий.

– Вы удивительно вежливы, граф, – вздохнула я, трепеща ресницами и украдкой разглядывая принца. – Каждый раз, когда я с вами сталкиваюсь, не перестаю удивляться вашим манерам!

Арман побагровел и открыл рот, явно намереваясь наговорить мне гадостей. Не успел.

– Прекрасная незнакомка, – засиял принц (слухи, уверявшие, что его юное величество не может пройти спокойно мимо красивой женщины, оказались достоверны). – Не ожидал, что мое утро будет таким добрым. Представь же нас скорее, Арман!

– Герцогиня Шантор – к вашим услугам! – процедил сквозь зубы Волорье. Получилось у него очень-очень двусмысленно. – Его высочество Бенедикт II.

Я склонилась перед принцем, как того требовал этикет, а Бенедикт вдруг прикусил губу.

– Ну и зачем? – обиженно буркнул он. – Зануда! Для вас, прекрасная, я просто Бен. И забудьте про слова этого осла. В самом деле, принц я только во дворце, а сейчас – просто мужчина.

Просто мальчишка, я бы сказала, причем – отъявленный бабник. Вон как он ощупывает меня глазами. Мне стало вдруг весело, и я улыбнулась этому сердцееду широко и искренне.

– Боюсь даже представить, что его высочество делает в парке в столь ранний час.

– А вы? – не остался в долгу Бен. – Вы – ранняя пташка?

– О, в монастыре я всегда вставала на рассвете, теперь никак не могу привыкнуть к вашему образу жизни.

– Погодите, вы – та самая герцогиня Шантор? Которая оскорбительно и нагло проигнорировала уже два приглашения на вечерний прием от его величества? Ну дела!

Я с ужасом раскрыла глаза – какие приглашения? В панике взглянула на Макеши, который развел руками, потом, с осознанием грядущей катастрофы – на Волорье. Его проделки? Но он с серьезным видом еле заметно качнул головой, нахмурился.

– Но я не получала никаких приглашений, – пролепетала я. – Это... ошибка!

– Это диверсия, – поправил меня Волорье. – Вы очень не нужны кому-то во дворце. Что ж, наш заговорщик своего добился: третье приглашение непременно стало бы последним.

Я сглотнула. Сначала карета, теперь вот – приглашения. Неужели при дворе у меня были враги?

– Я проконтролирую, – пообещал Волорье сухо.

– А скажите, – меня поразила вдруг новая мысль. – А вы мои приглашения тоже не получали?

Возмущенно зашипел Макеши. Принц захихикал. Волорье мрачно посмотрел на меня.

– Я столько раз посылала вам записки, граф – потому что именно вас его величество назначил моим... хм... опекуном на время пребывания в столице. Что же – тоже диверсия?

– Нет, – признал Арман с кривой усмешкой. – Это было намеренное игнорирование.

– Мерзавец, – шепнул принц. – И глупец. Герцогиня, я приношу вас самые искренние извинения за моего друга. Простите его, он военный. Его так часто било по голове в бою...

– Охотно верю.

– Что ж, нам пора. Уверен, мы обязательно встретимся, – кивнул принц. – Не прощаюсь, прекрасная герцогиня!

И они уехали. Волорье, кстати, тоже... не прощался.

– И не смотри на меня так, – проворчала я, подхватывая поводья лошади и медленно бредя по дорожке вглубь парка. – Я прекрасно знаю, что Волорье – грубиян и мерзавец. Но до чего ж красив!

Макеши хмыкнул.

– Да, красив! – пылко воскликнула я. – И его шрам совсем не портит. Только подчеркивает мужественность. Жаль только, что я ему совсем не нравлюсь.

– Я бы так не сказал, – неожиданно встрял в мои рассуждения Макеши. – Он ведет себя так, словно ты ему очень нравишься. И ему не нравится то, что ты ему нравишься.

– Очень логично, – закатила я глаза. – Ох уж эти мужчины!

И тем не менее, план наш сработал, причем куда полнее, чем мы рассчитывали. К обеду в доме Шатиньонов Арман появился лично – и передал мне приглашение на ужин у короля. Прямо сегодня.

Вот он, мой звездный час! Герцогиня Шантор возвращается! Они, наверное, думали, что я растеряюсь, запаникую и начну суетиться, но как бы не так – платье из розовой с золотом парчи давно висит приготовленное, а прическу горничная Хлои соорудила не самую сложную, но вполне приличную – вплета в мои кудрявые волосы жемчужные нити. Бьюсь об заклад, такого жемчуга в Ранолевсе нет ни у кого! Самый лучший, ниххонский. И ожерелье тяжелое, из розового крупного жемчуга. Его можно обмотать вокруг шеи трижды.

Немного подвела глаза, натянула перчатки – и ослепительно красивая спустилась вниз к уже ожидающему меня Арману. Он был в черном – оттеняя блистающую меня. А все же мы идеальная пара: он высокий блондин в черном, я – жгучая брюнетка в золотом. Жаль, что между нами ничего нет. Но это пока.

– Ослепительна! – ровно сказал Волорье, а я вдруг уловила в его голосе упрек, почти издевку.

– Вы предпочитаете мужчин, дорогой граф? – прищурилась я.

– Что? Вот еще глупости!

– Тогда отчего вы так ненавидите красивых женщин?

– Возможно, потому, что завидую их красивым любовникам? – с неожиданной искренностью ответил он.

Я замерла, а потом кивнула Макеши. Тот, как обычно, был в своем ярком шелковом наряде.

– Вы берете с собой... раба? – удивленно спросил Волорье, так и не дождавшись ответа на свое высказывание. – Зачем?

– Телохранителя, – поправила его я. – Никогда не знаешь, чем закончится вечер.

– В королевском дворце нет необходимости опасаться за свою жизнь... и

честь.

– Неужели? – вскинула бровь я. – Но ведь кто-то там настолько меня не любит... К тому же иного защитника у меня нет. Вы, граф, очень успешно манкируете своими обязанностями.

Волорье нахмурился. Это он еще не знает, что у моего веера, такого яркого, такого расписного, внутри металлические пластины. Стоит только по-особенному повернуть ручку, как дамский аксессуар превратится в довольно грозное оружие, которым я неплохо владею. А две длинные шпильки в моих волосах полые, и внутри них яд. Одинокая девушка в Ранолевсе должна уметь постоять за себя.

– Что ж, телохранитель так телохранитель, – наконец, решил моральную дилемму Арман. – Но за стол его, разумеется, не посадят.

– Ничего, я не голоден, – прищурился Макеши, явно давая понять, что он – не безгласая собачонка. – Как-нибудь переживу подобное бесчестье.

– Отрежьте вашему рабу язык, – посоветовал Волорье. – Пока ему не отрезали голову.

– И не подумаю, – фыркнула я. – Меня он устраивает в том виде, в каком он есть сейчас.

Арман как-то странно на меня посмотрел, качнул головой и подал мне руку.

Пора было ехать.

7. Охотник и добыча

Мои приемные родители – далеко не последние люди в Ниххоне. Отец, некогда один из лучших Охотников на ёкаев, теперь назначен дайджином – министром, как сказали бы в Ранолевсе. К нему прислушивался сам император. Поэтому на приемах, подобных королевскому ужину я бывала не раз.

Не боялась, не стеснялась, не скромничала. Ниххонский этикет очень строг, если уж я там не ударила в грязь лицом, то тут и подавно справлюсь. Нужно лишь молчать, когда с тобой не разговаривают, поддерживать беседу, когда к тебе обращаются, и кушать понемногу и очень осторожно. Все это я вывалила Арману по дороге, то и дело стягивая перчатки и вытирая вспотевшие ладони о юбку. Он смеялся.

– В общем-то вы совершенно правы, герцогиня. Но не волнуйтесь, я не такой уж упырь, чтобы бросить даму в беде. Так и быть, буду вашим кавалером.

– Упырь? – удивилась я. – А кто это?

– Это... мерзкая тварь. Восставший покойник, который пьет кровь по ночам.

– О! Такие твари существуют в Ранолевсе?

– Конечно, нет, не переживайте.

– Существуют, – неожиданно пробормотал Макеши. – Как и ёкаи, и ёни, и татаны, и хакатури.

– Ты, я погляжу, специалист по нечисти? – недовольно спросил Арман.

– Да. Я тохунга. Шаман по-вашему.

– И что ты делаешь в Ранолевсе?

– Охраняю госпожу Иветту.

– Занятно. От злых духов?

– От любого зла.

Мне показалась, или в глазах Армана мелькнуло уважение и любопытство? Он замолчал, потирая подбородок, а я молча удивлялась. Впервые Макеши рассказывал кому-то про себя так подробно. Надо будет его спросить, с чего вдруг Волорье – и такое доверие. Чем заслужил? Макеши ничего не делал просто так. Значит, Волорье ему по нраву, и это прекрасно. Потому что я твердо намерена его заполучить. Для начала – в постель, а дальше видно будет.

Мы приехали к королевскому дворцу. Он был далеко не таким красивым, как у ниххонского императора. Ни золоченых колонн, ни драконов на крыше, ни ярких лаковых узоров. Просто скучный серый камень. Да, стрельчатые окна и остроконечные башни были по-своему элегантны, но в целом дворец показался мне унылым. Внутри было немного лучше – золоченая лепнина на потолке, красивые мозаичные панно, полы из наборного паркета, блестящие так ярко, словно лед в солнечный день. И занавеси везде, где только можно – бархатные и парчовые. А вот цветов не было совсем, и это мне не понравилось. В Ниххоне каждую комнату, каждый зал непременно украшали живыми композициями, потому что никакие человеческие творения не сравнятся с красотой природы. Ниххонцы почитали и духов воды – устраивали фонтаны и небольшие водопады, где каждый из гостей мог ополоснуть руки. Здесь же глаз падал лишь на весьма реалистичное изображение коня с обнаженным всадником на нем. На всякий случай я не стала уточнять у Армана, чей это такой откровенный портрет.

– Герцогиня Шантор! – объявили мое имя. – Граф Волорье!

– Ну разумеется, уже спелись, – слышалось чье-то ехидное замечание, и по залу прошла волна оживления.

– Действительно, – одобряюще коснулся моего локтя Арман. – Кому как ни мне вас сопровождать. Не хватает только Клебсона, и известная всему Ранолевсу тройка мятежников была бы в сборе, не так ли?

– Мятежников? – усмехнулась я. – Скажите лучше – самых преданных слуг его величества.

– Действительно, – радостно согласился шагнувший нам навстречу принц Бенедикт. – Для полноты компании нужно бы дождаться господина Акихиро Кио, благо, он уже на пути сюда. Великолепное совпадение и великолепная Иветта Шантор – сегодня с нами. Умоляю, скажите, что вы танцуете!

– Обязательно танцую, – согласилась я.

Совпадение? Как бы не так! Совпадение – это присутствие здесь Армана Волорье. И Кио и Шантор – это тайный альянс!

Подозрительно оживленный Бенедикт выразил желание представить меня своей свите. Я кинула жалобный взгляд на Армана, который тот подчеркнуто проигнорировал. Ладно, я тебе это припомню, упырь!

А Макеши потерялся где-то по дороге, в зал его не пустили.

Народу было не так уж и много: полсотни человек, не больше. В свите принца – сплошь красавцы, имена которых мне были смутно знакомы: Фионель, Шатиньон, Жеревьен... Весь цвет северных провинций. Все, по-видимому, мои соседи. И все – кандидаты на мою руку и мои владения. Приветствовали меня бурно. Целовали руку, наперебой восхищались моей красотой и скромностью, буквально требовали свой танец – позже, когда заиграет музыка.

Герцогиня Шантор была здесь не просто женщиной – желанным трофеем.

Клянусь, в глазах каждого вспыхнул алчный огонек, когда я обронила, что единственная наследница одного из самых древних родов королевства.

Именно этого я и хотела. Именно такая у меня была задача: выбрать себе мужа и родить сына. Но вот только ни один из этих красивых юношей меня уже не интересовал. Мой личный список кандидатов ограничивался теперь одним именем, написанным крупно по середине листа.

Арман Волорье.

А Волорье, обещавший быть моим кавалером и опять солгавший, уже улыбался каким-то другим дамам. Что за невыносимый мужчина! Словно почувствовав мой кровожадный взгляд, он медленно повернулся – и именно в этот момент заиграла вдруг музыка!

– Вы позволите? – оттеснил прочих претендентов Бенедикт.

Я медленно покачала головой, не сводя глаз с Армана.

– Увы, первый танец я уже обещала графу, – с притворным сожалением ответила я.

– Он охотно мне его уступит. Так что же?

– Спросите его сами.

– Всенепременно. Эй, Арман! Поди сюда!

Волорье, внимательно за нами наблюдавший, приблизился, чуть склонив голову.

– Ты же уступишь мне свою даму? – нетерпеливо спросил принц. – На первый танец?

– Вы обещали, – одними губами напомнила я удивленному Арману, и тот вдруг криво ухмыльнулся.

– Не уступлю. Герцогиня?

Я охотно вложила свои пальцы в его большую ладонь.

– Но я – твой принц! – возмутился было Бенедикт, но его уже никто не слушал.

Арман уверенно увлекал меня в сторону танцующих пар.

– Ах, какой вы дерзкий, – взмахнула я ресницами. – Так нагло отбить у принца партнершу по танцу!

– Вы желаете, чтобы я вас вернул?

– А вы вернете? – я отчаянно и беззастенчиво с ним флиртвала, получая огромное удовольствие.

– Нет, конечно. Отобрать женщину у его высочества – это великая победа!

– Так я – добыча?

– Я не уверен. Возможно, добыча – я. Как вы считаете, герцогиня?

– Я предпочла бы, чтобы вы были охотником.

Ответить он не успел, наша пара разошлась, делая несколько шагов назад. Потом снова – сошлась. Мы соприкоснулись кончиками пальцев. Он склонился, я присела. Танец был слишком коротким.

А потом я танцевала с принцем, еще один танец пришлось отдать Жеревьену. Молчала, лишь опуская ресницы и односложно отвечая на вопросы, изо всех сил изображая из себя простушку, только что покинувшую монастырь. Они меня нисколько не интересовали, и когда объявили ужин, я выдохнула с облегчением.

Меня усадили между Волорье и самим королем – напротив Бенедикта. Кажется (кошмар какой!) – на место королевы, которая, кстати, тут не присут-

ствовала вовсе. Юный принц пытался было поменяться местами с Арманом, но под суровым взглядом короля скис. Я бы тоже с радостью скисла – как молоко. Но приходилось держать лицо. Молчать не выходило – его величество уделял мне столько внимания, что даже страшно, что теперь подумает общество. Если бы в Ниххоне кто-то из сьогуннов или сам Император обратился ко мне несколько раз – меня бы уже прочили в наложницы. Если бы вели со мной такие вот прилюдные беседы, проникновенно глядя в глаза – то потом можно было бы ждать яда в чае или шелковый платок на шею в коридоре.

Я была в ужасе. Краснела, бледнела, отвечала невпопад. На вопросы о погоде блеяла что-то невнятное. Как легко было разговаривать с Вазилевсом наедине – и как сложно, когда каждое слово ловит сотня ушей! Наверное, я произвела впечатление косноязычной трусихи, ну и пусть. По легенде Ива Шантор росла за стенами монастыря. Отчего бы воспитаннице монастыря не робеть, не краснеть рядом с мужчиной?

– Я вас не узнаю, – шепнул мне Волорье, задевая подол моего платья коленом. – Такая скромница! Bravo! Вам бы в театре играть!

– Не смешно, – прошипела я. – Его величество смущает меня своим чрезмерным вниманием.

Арман замер, поглядел изумленно. Его глаза расширились, а губы искривила ехидная усмешка.

– Разве вы не этого хотели?

– Вовсе нет.

Наконец, мучительный вечер подошел к концу. Я едва не падала от усталости. Встала в такую рань, чтобы поймать этого глупого принца – а сейчас время уже полночь. А еще возвращаться домой – к Хлое! И так просто эта женщина меня не отпустит в свою комнату, потребует подробностей. Я тут сейчас умру.

– Его величество предлагает остаться на ночь во дворце, – сообщил мне Арман, позволяя опереться на его локоть. – Вашему... телохранителю тоже будет отведена каморка.

– Это... безопасно?

– А вы сомневаетесь?

– Нет, я не в этом смысле. Не зайвится ли ко мне кто-то ночью с визитом?

– А вы хотели бы?

– Ни в коем случае! – горячо воскликнула я. – Только спать!

– В таком случае, ваш верный раб будет охранять ваш сон.

– Вы про себя?

– Я про вашего туземца. Он ведь – евнух?

– Жаль. Я бы предпочла, чтобы мой сон охраняли именно вы, – неловко ушла я от вопроса. – Но и Макеши сгодится. Вы меня проводите?

– Всенепременно. Я для вас совершенно безопасен, уверяю.

Уверяет он! Зато я для тебя – очень даже опасна!

Он вел меня по коридорам дворца, спокойно рассказывая, что гостевых покоев тут немало – и сегодня никто не собирается уезжать. А я – мечтала, что вцеплюсь в него сейчас и все же затащу в свою постель. И от этих мыслей голова кружилась, пылали щеки и дрожали пальцы.

У самой двери «моих» комнат не выдержала, схватила его за рукав, втянула внутрь и захлопнула дверь. Громко. С треском.

Всё, я тебя поймала!

8. Кораблекрушение

Он замер, пристально глядя на меня.

– Ну что вы смотрите, граф? – нервно выпалила я. – Или вы не охотник? Или я – неподходящая добыча?

– Или охотник – вовсе не охотник? – пробормотал он, очерчивая пальцем мои губы. – Значит, завлекла меня в ловушку, лисица?

– А вы – сбежите?

– Не сразу, – тихо ответил он, шагая мне навстречу и стискивая плечи.

А потом легко подхватил меня на руки и несколькими широкими шагами пересек комнату. Я даже и не заметила, что здесь была лишь невысокая кушетка. Толкнул ногой дверь – вот она, кровать! Опустился на нее, усаживая меня на колени, заглянул в лицо.

– Ты точно этого хочешь?

Вместо ответа я закинула руки ему на шею и робко поцеловала сначала в подбородок, потом – в губы. Целомудренно – потому что целоваться я не умела совершенно. Только бы не заметил!

Арман запустил руки в мои волосы, растрепывая прическу, размотал жемчужное ожерелье немислимой стоимости, отбросив его на подушки, а потом развернул меня к себе лицом и усадил верхом на свои колени, задирая юбку до самых бедер.

Да, да! Я совершенно точно – хочу!

Я таяла в его объятиях. Сильные руки, скользившие по моему телу. Обжигающие губы. Жадные поцелуи, где языки сплетались как змеи. Меня всю колотило от неистового желанья. Он, оторвавшись от моего рта, быстро расстегивал платье, стягивая его с плеч. Я всячески ему мешала, то хватая его за плечи, то запуская ладони под рубашку и ощупывая мускулистое тело, но он справился с задачей. Невольно мелькнула мысль, что Арман – мужчина опытный. Платьев он за всю жизнь снял с женщин немало. Плевать. Хоть кто-то тут опытный. На мне одна сорочка и панталоны, признаться, мокрые насквозь. А я так и не сумела снять с него рубашку. Он притянул меня еще ближе, стиснул ягодицы большими сильными ладонями. Я застонала ему в рот, чувствуя, как напряжённый член упирается мне в промежность. Даже два слоя ткани не мешали ощущениям. Ближе, ещё ближе! Сжала его бока коленями, обвила руками шею, зарываясь пальцами в светлые волосы, откинула голову, позволяя горячим губам коснуться шеи. От поцелуя за ушком меня всю выгнуло, я не могла и не хотела сдерживать стоны. Ничего больше не существовало на свете, кроме его рук и губ.

– Ах, – зарычала я, раскачиваясь на его бёдрах, когда он прикусил мочку уха. – Не могу больше терпеть!

– Что ж, не можешь так не можешь, – неожиданно равнодушно заявил он. – Тогда я пойду.

Он снял меня с себя, толкнул на кровать и невыносимо спокойно поправил рубашку. Я растерянно смотрела на него, не понимая, зачем он так шутит. Дыхание у него сбившееся, в штанах – внушительный бугор. Он возбужден так же, как и я!

Но... он уходит?

– Арман, – испуганно окликнула его я. – Что я сделала не так?

– Все так, детка. Ты на редкость хороша. Просто я со шлюхами не сплю.

– Но я...

– Такая же, как твоя мать, я вижу. Ада Шантор не отличалась разборчивостью. И ты не далеко ушла. Вы, женщины, такие забавные, такие предсказуемые!

– Арман!

– Не делай такую жалобную моську, малышка. Никогда я не поверю, что ты в самом деле хочешь это, – он указал рукой на свое лицо. – Ну, или тебе нравится цирк уродов. Может, скажешь, что ты хотела от меня на самом деле?

– Я хотела тебя, – хрипло ответила я, прикрывая растерзанную сорочку одеялом.

– Ну конечно! Так я и поверил!

Он натянул сапоги и покачал головой:

– Не все в этом мире можно получить через постель, детка. Иногда нужно просто попросить.

– Что... что ты имеешь в виду?

– Как минимум, тайник в Белом Замке. Как максимум... ну, что тебе ещё может быть от меня нужно? Знакомство с наследником? Так уже... Приглашение на заседание совета лордов? Ммм... моё воображение даёт сбой.

"Лишение невинности, – про себя подумала я. – Придурок, мне и в самом деле от тебя нужен только член."

Не поверит. Придумал уже себе что-то. Целую теорию заговора придумал. Ладно, Арр. Думаешь, ты самый умный? А вот и нет. Я все равно тебя заполучу, не по-хорошему, так по-плохому.

Наверное, на моем лице что-то можно было прочесть, потому что Арман поморщился.

– Даже не думай, – предупредил меня он. – Я все равно спать с тобой не буду. Как ты ни вертись.

– Почему? – поинтересовалась я, откидывая одеяло и поворачиваясь так, чтобы свет лампы обрисовывал контур тела под тонкой тканью. – Ты меня хочешь – и не отрицай. Ты не импотент. Ты явно не монах. Так зачем лишать себя удовольствий, не понимаю?

Он оперся на косяк двери, разглядывая меня. И я-то видела, что бугор в его штанах меньше не стал!

– Я не хочу играть в глупые игры, – наконец, сказал он. – Это не по мне. Не хочу спать с кем попало. Хочу, знаешь ли, любви. Настоящей.

Я хотела было возмутиться – это я-то кто попало? – но вовремя прикусила язык. По глазам его поняла – не врёт, не рисуется.

– погоди, а пока ты не нашёл ту единственную... что же, целибат держишь?

– Ну, всегда есть честные шлюхи, которые за звонкую монету готовы тебя обслужить по первому разряду.

– Хм... то есть я либо не честная, либо не шлюха? А, я поняла! Надо было потребовать денег!

Подошла к нему вплотную (ух, он высокий, приходится голову задирать), скользнула ладонями по животу, приподнялась на носочки и щелкнула зубами у его подбородка. Он невольно отпрянул, гулко ударившись затылком об косяк.

– Не могу сказать, что я в восторге от нашего разговора, но за честность спасибо. Платье помоги застегнуть.

– Что, к другому пойдешь?

– А твоё какое дело? Впрочем, если тебе интересно – разыщу Макеши.

– Хм... он уймет твой жар?

Громкий звук оплеухи – и я трясую ладонью. Я его сейчас ударила по лицу, и совершенно не жалею об этом. Слишком много оскорблений на сегодня!

– Нет? Что ж, приношу свои извинения. Я передам ему, что ты его искала.

– Ну ты и... козёл!

Он пожимает плечами и выходит, оставляя меня одну. Вот ведь мерзавец! Я злюсь, я обижена... но невольно вдруг смеюсь. Точно так же я поступила с ним в Ниххоне. Интересно, он что-то помнит о том вечере? Хотя сложно забыть о том, сколько денег ты выложил за несостоявшуюся ночь с лунницей. Ничего, Арман. Сейчас мы ведём в счёт. Но я заставлю тебя пожалеть о каждом слове. Ты будешь моим – это даже не обсуждается.

Макеши явился спустя четверть часа. К тому времени я уже успела успокоиться, забраться под одеяло и задремать. Нет, я не побегу к Арману прямо сейчас. Во-первых, я не знаю, где его искать. Во-вторых – у меня нет с собой ни маски, ни кимоно, а в-третьих... спать ужасно хочется.

– Никого не пускай, – сонно пробормотала я. – Вообще никого, даже принца, даже короля.

– А ты времени зря не теряла, – фыркнул мой названный дядюшка и по совместительству нянька.

– К сожалению, вышло совсем не так, как я хотела, – вздохнула я. – Кстати... что ты думаешь о графе Волорье?

– Я думаю, что недолго ему осталось.

– Это почему? – испуганно подскочила я.

– Потому что если маленькая хищная птичка решила – она обязательно заполучит своего морского змея, верно? Я дам ему месяц, не больше.

– Ты слишком уверен во мне.

– Нет, я просто вижу, как он на тебя смотрит.

Ну и что с того, что Арман на меня смотрит? Он сбежал из моей постели! Какое... кораблекрушение! Глупо, нелепо, смешно!

Не смертельно.

Это как танец – каждый из нас сделал свои шаги. В Ниххоне мужчины не танцуют. А в Ранолевсе танцы парные. А это значит – с ним нужно по-ниххонски. Я танцую, он любит. По-моему, прекрасный план.

Спала я так крепко, что даже если незваные гости и приходили меня навещать, то меня это нисколько не побеспокоило. Спросила у Макеши, были ли визитеры – он только плечами пожал и дернул головой. Мой охранник был каким-то помятым, серым. Видимо, снова во сне «путешествовал», он может. У шаманов случается. Было совершенно ясно, что разговаривать он сегодня не хочет.

Зато Его Величество очень хотел... надеюсь, что только разговаривать! Постучавшийся в двери лакей мягко, но строго пригласил меня следовать за ним – в королевскую приемную.

Я была совершенно не готова. Мятое платье, небрежно брошенное на пол,

утром было по-прежнему мятым. Белье – несвежим. Прическа растрепалась. Да и бес бы с ним, что платье мягкое – так оно еще и вечернее. Богатые украшения и низкое декольте утром – невозможно вульгарно! Не передать, как мне неловко в таком виде предстать перед Вазилевсом! Но выбора у меня нет совершенно, и я киваю Макеши, чтобы шел за мной: без него страшно.

В отличие от меня, король (о, кто бы сомневался!) свеж и опрятен. Он у себя дома. Ему, разумеется, принесли поутру воду для умывания и чистую рубашку. В отличие от меня. Я смущена, я голодна, я неумыта и практически не причесана. Кое-как расчесала волосы пальцами и затянула лентой, оторванной вчера с сорочки – это Арман слишком нетерпеливо меня раздевал.

Его величество окидывает меня взглядом, полным недоумения.

– Мне лестно, что вы так спешили ко мне, Иветта, но... возможно, стоило немного... привести себя в порядок? – мягко спрашивает он, чуть щурясь.

– Как? – прямо спрашиваю я. – Горничной мне не предоставили. Даже воды для умывания не принесли.

– А завтрак? – как-то хищно склонил голову король. – Вы завтракали?

– Нет.

– Как забавно, – усмехнулся он. – И как мелко! Всем гостям в моем дворце предоставляется прислуга и приносится завтрак поутру. Стало быть – она не угомонилась?

Она? Вот это поворот! Я замерла, вдруг понимая. Кто может быть – она? Кто и почему может не желать моего присутствия во дворце? Только тот, кто знал мою мать – и то, что она была фавориткой Вазилевса. А кому могут помешать фаворитки – да только законной супруге! И все эти методы – они такие женские!

– А ведь меня так и не представили ее величеству, – скромно потупилась я. – Разве я могу так оскорбить ее пренебрежением?

– Действительно, это недопустимо, – усмехнулся король. – Поезжайте сейчас домой, а вечером – жду вас на прогулку в саду – часа в четыре.

– В сопровождении графа Волорье? – небрежно уточнила я. – Одной, наверное, просто неприлично.

– И герцогиню Шатиньон тоже захватите. Ее так давно не видно... Итак, Иветта, до вечера. И не опаздывайте.

9. Женский заговор

– Он так и сказал – вместе с герцогиней Шатиньон? – в сотый раз переспросила Хлоя. – О, его величество про меня не забыл!

Я кивала (в сотый раз), улыбалась. Вертелась перед зеркалом и мучительно сомневалась. Как подстрелить двух птиц сразу: понравиться Арману и не показаться королеве слишком уж красивой? Это было очень сложно! Не слишком ли скромное платье? Как лучше на прогулку: с тонким плащом или камзолом на манер мужского? Шарф нужен или нет? Ботинки или сапоги? Перчатки – шелковые или кожаные? В кожаных теплее, а шелковые изящнее.

Насыщенный винный цвет теплого бархатного камзола делает меня старше и строже. Ах, надо было надевать изумрудную амазонку, но уже поздно. Что ж, ничего не поделать, можно только чуть-чуть освежить наряд белым шелковым плащом. И тогда – шелковые белые перчатки. Не так уж и холодно на улице! Высокие ботинки на шнуровке, кокетливая крошечная шляпка с

длинным петушиным пером и никаких, упаси боги, пудр и помад! Естественность и скромность – все же не стоит оставлять за собой такого врага, как ее высочество.

– До чего ж ты на Аду похожа! – вздыхает Хлоя, а я хмурюсь.

Походить на Аду Шантор нынче – дурной тон. Мне неоднократно дали это понять. Интересно, а Арман – помнит мою мать? Он старше меня на восемь лет, ему было одиннадцать, когда она погибла. Он должен был быть с ней знаком. Спросить бы его, за что он так ее ненавидит... так ведь не ответит.

Граф Волорье приехал вовремя и был до омерзения галантен – помог нам спуститься со ступенек, открыл дверцу экипажа. Видимо, ради Хлои, потому что мне он обычно только грубил. Мы уселись в его ландо – Макеши запрыгнул на облучок к кучеру. Сегодня Арман кивнул ему, как своему. Обидно – даже на Макеши он смотрит приветливее, чем на меня. Хотя врать не буду – меня Волорье тоже окинул пристальным взглядом – очень по-мужски. Мне даже показалось, что я немного ему сегодня нравлюсь.

Хлоя болтала обо всем на свете – вот чего у нее не отнять, так это умения вести себя в обществе. Мне вдруг остро стало не хватать смелости. Я угрюмо молчала. Вспоминала, как Арман меня целовал – это было впервые в моей жизни. А потом оттолкнул – и это тоже было впервые. Не раз и не два мне самой приходилось отталкивать излишне настойчивых мужчин. Однажды меня пытался «приласкать» сам сьогун. Не в меру ретивому мужчине (спору нет, привлекательному – сьогун был красивый, крупный, хоть и немолодой) пришлось изо всех сил наступить на ногу деревянной сандалией. Что же, он понял все сразу. Извинился даже. Ниххонские мужчины – они совсем другие. Там совершенно невозможно представить, чтобы кто-то оскорбил женщину знатного происхождения словами или поступками – это немыслимый позор! И чем выше статус мужчины, тем скромнее его поведение. Император одинаково вежлив как с женой дайджина, так и с самой последней полемойкой, что, впрочем, не мешает ему хладнокровно отдавать приказы о телесных наказаниях своих наложниц или служанок.

Неизвестно еще, что лучше – холодная змеиная вежливость или открытая ненависть.

Я опять оправдываю Армана, да? Да, я равнодушна к этому мужчине. Ничего не могу с собой поделать. Он вызывает у меня очень странные чувства: и восхищение, и обиду, и смущение. Вчера я беззастенчиво с ним флиртовала, а сегодня краснею невпопад и прячу глаза. А он, как всегда, нисколько мне не помогает. Смотрит прямо с едкой насмешкой, а я отворачиваюсь, не желая, чтобы он надо мной смеялся.

Дорога рядом с ним невыносимо длинная, хотя ехать до королевского дворца по пустым улицам не больше получаса. И руки у меня в тонких перчатках совсем озябли.

Арман помогает Хлое выйти из экипажа, а потом подает руку мне – и неожиданно задерживает в своих ладонях. Наклоняется ко мне и шепчет:

– Прекратите страдать, красавица. Ничего не изменилось. Я вас не люблю, вы не любите меня – но это не значит, что мы должны шарахаться друг от друга.

– Не люблю? – вскинула я брови. – Да я вас просто ненавижу!

– И это прекрасно, – смеется Арман. – Идемте же!

И мы идем – а какой у нас выбор?

Наконец-то я вижу королеву! Высокая и статная женщина с холодными голубыми глазами мне явно не рада, приветствует с чуть уловимой брезгливостью в уголках красивых пухлых губ. Но рядом – его величество Вазилевс, который явно «поговорил» со своей супругой. Я просто не представляю, что она теперь думает обо мне, и могу только радоваться, что мы не в Ниххоне. Здесь мне просто не прислали горничную. Там бы запросто подкинули ядовитую склопендру в постель. Женские войны гораздо коварнее мужских, а ревность – ужасное чувство.

– Герцогиня Шантор, герцогиня Шатиньон, не желаете ли прогуляться по парку? – предлагает нам королева.

Хлоя качает головой, тут же выдумывая головокружение и легкую усталость. Я вдруг понимаю, что ей куда интереснее остаться в мужском обществе, а не бродить по лабиринту с королевой и ее стайкой фрейлин. Я же очень желаю прогуляться. И, кажется, в этом наши с ее величеством желания совпадают.

– Итак, вы вернулись на родину, – мы идем с королевой впереди. Остальные женщины отстали, чтобы не мешать нашей «задушевной» беседе. – И как вы находите Ранолевс?

– Очень шумным, ваше величество, – честно отвечаю я. – Так много пустых разговоров!

Интересно, она знает, что я на самом деле – не росла в монастыре?

– В Ниххоне все по-другому? – явно знает.

– Да. Там разговоры тише и тоньше. И медленнее.

– На Севере вам понравится, – неожиданно сообщает ее величество. По ее губам скользит почти незаметная улыбка. – Там люди куда более спокойные. Холодные. Вы уже решили, когда поедете в замок родителей?

– Нет, – вздыхаю я. – Признаться честно, я планировала дожидаться ниххонскую делегацию и ехать уже с ними, но я слышала, что они задержатся?

– Да, море очень беспокойно. Хотя адмирал Волорье и рвется в плаванье...

– Адмирал Волорье произвел на меня незабываемое впечатление, – со смешком призналась я, радуясь, что беседа сама собой коснулась той темы, которая мне была нужна. – Это самый красивый мужчина, которого я когда-либо встречала.

Ее величество от изумления даже остановилась, заглядывая мне в лицо.

– Вы серьезно? – недоверчиво выдохнула она. – Вы находите Волорье красивым?

– Да.

– Он вам нравится.

– Я от него без ума.

– И... вы хотите его заполучить? – догадалась она.

– Очень хочу. Мне кажется, он был бы достойным отцом для следующего герцога Шантора.

Итак, я раскрыла все карты разом. Перед женщиной, которая считает меня своим врагом. Навредить он мне не сможет, не должна, а вот стать союзником... По опыту общения с подругами матери и курятником Хлои я знала, что в любой женщине живет самая настоящая сваха. А еще они очень любят помогать влюбленным дурочкам.

– Пойдем-ка в беседку, Ива, – предложила вдруг повеселевшая королева. – Поговорим, выпьем чаю. Кстати, зови меня Женевьева. Род Шанторов очень древний, они достойны называть по имени своих королей.

– Благодарю вас, ваше... Женевьева. Это честь для меня.

Кто молодец? Я молодец!

– Итак, рассказывай, – нетерпеливо приказала Женевьева, едва мы только опустились на подушки.

Одна из фрейлин зажгла маленькую спиртовую горелку, на которую установили чугунный плоский чайник. Поставила две чашки из ниххонского фарфора. Отошла.

– С чего же мне начать?

– Ты когда впервые увидела Армана? При дворе или раньше?

– В Ниххоне, – удивила её я. – Пару раз встречала на улице и уже тогда обратила внимание. Он... умеет впечатлять. И встретив его здесь, в Ранолевсе, я была поражена в самое сердце. Не иначе, как это судьба.

– А правду ли говорят, что твоя мать, Ада, любила в жизни только одного человека? – неожиданно спросила ее величество.

– Да, матушка... в смысле госпожа Авелин... так и говорила. Когда умер отец, мама тоже умерла внутри. Женщины нашего рода умеют любить только так – раз и навсегда.

– Ты влюблена в Волорье?

– Пока нет. Но я очень близко к этому.

– А... Бенедикт? Кажется, он тобой увлекся, – Женевьева, наверное, хотела назвать другое имя, но она ведь королева, хоть и женщина.

Очень красивая, к слову, женщина. И с очень усталыми глазами.

– Мне интересен только Арман, – заверила ее я. – Я хочу... стать его женой.

Вот так. Впервые я сказала это вслух и теперь понимала – это чистая правда. Я очень этого хочу. Меня устроил бы и статус его любовницы, но этого рано или поздно стало бы мне мало. А интуиция мне подсказывает, что стать сначала женой, а потом уже любовницей куда более вероятно, чем наоборот.

– Волорье – в свите моего старшего сына. Я его неплохо знаю, именно поэтому настояла, чтобы он сейчас был рядом с Бенедиктом. Мальчишке всего шестнадцать, и он сходит с ума от вседозволенности. Адмирал когда-то был таким же, но ему пришлось резко повзрослеть. Это долгая и некрасивая история, я думаю, девочка, он сам тебе ее расскажет. И да, Арману тоже пора остепениться. Он в самом возрасте для женитьбы, возможно, даже переспел, – она коротко усмехнулась. – Не все мужчины взрослеют красиво, Ива. А некоторые с возрастом и вовсе портятся, как несвежие фрукты.

Я не стала уточнять, кого она имела в виду. Мама рассказывала мне, что его величество Вазилевс был образцом благородства, но отец предупреждал, что он – сын своего отца. К тому же праздная жизнь и отсутствие трудностей мужчину расслабляют, делают его мягкотелым и оттого порочным. Ниххонские воины об этом знают и предпочитают всегда быть в труде и тренировках, чтобы не променять свой узкий суровый путь на широкую дорогу удовольствий.

– Я подумаю, как тебе помочь, Ива. Уверена – у нас все получится.

– Я бескрайне вам признательна, Женевьева. Мне кажется, чай уже готов. Позвольте разливать?

10. На Север

Моя союзница мне, кажется, так до конца и не доверяла, и ее можно было понять. Действовала она молниеносно: уже на следующий день меня снова вызвали в приемную к королю. На этот раз даже не через Армана, а просто запиской. А его величество выглядел не слишком любезным.

– Итак, Иветта, вы все же твердо решили ехать на Север? – спрашивал он.

– Да, это так. Хотя скорее уж не решила, а просто очень хочу увидеть земли моих предков. Но ехать в такую даль одной, в сопровождении лишь раба – глупость несусветная.

– Поедете в свите Бенедикта. Старшим там все же будет Волорье. Я счел нужным не препятствовать общению графа и своего сына, они хорошо ладят, а у Волорье хотя бы имеются мозги и честь. Сначала – в Белый замок, там вас ждет компаньонка, сестра Армана. Будет вам подругой.

Отлично! Я готова была расцеловать его величество! И ее величество, которой явно принадлежали все эти светлые мысли тоже. Всё так, как мне и нужно.

– Так стало быть, это правда? – кисло спросил король. – Вы хотите Волорье?

Я молча потупилась, чувствуя, как щеки заливают краска. Вопрос прозвучал на редкость двусмысленно, но и ответ на него был столь же прямолинейен.

Да. Я его хочу. И в мужья, и в постель, и в отцы своему ребенку.

Кивнула.

– А сил хватит его удержать? Армана я знаю очень давно. Он упрямый, как восточный ветер. Захочет – улетит.

Я неопределенно пожала плечами, продолжая смотреть в пол. Что ответить? Нет, я совсем не уверена даже в том, что мне удастся его поймать в свои сети. Я его очень плохо знаю. Но если не попытаюсь – буду жалеть об этом всю жизнь. Что мне делать, если у меня колени подгибаются рядом с ним и бабочки трепещут в животе? Но обо всем этом королю знать, конечно, не стоит.

– Граф Волорье – из достаточно знатного рода, – медленно сказала я. – Он хорош собой, здоров, умен, богат. И возраст у него самый подходящий. Почему нет?

– Действительно. К тому же у него еще три младших брата, и если с ним что-то случится, будет кому передать титул, – кивнул Вазилевс, хищно прищурившись. – Что ж, я ваш выбор одобряю, дерзайте. Приказывать ему не стану, не такой он человек, чтобы вот так запросто получилось. Он, конечно, не посмеет отказаться, но будет только хуже.

Я кивнула. Да, проще всего было бы приказать. Но его величество не хочет терять верного человека. Здесь не Ниххон – это в Ниххоне любой сьогун был бы счастлив получить невесту из рук Императора. А тут, видимо, всё по-другому. Придется самой.

– Вы свободны, Иветта.

Да, я свободна. Только не уверена, что это плюс. Сделала книксен и вышла, прокручивая в голове унылые мысли. Ну что ему стоило просто приказать, а? Как же я сама смогу его заполучить? Как убедить? Соблазнить его не вышло, он слишком уперт. Возможно, я смогу стать ему другом? Так ведь бывает? Мне нужен план, но беда в том, что в планировании я никогда не была сильна. Маму бы дожидаться, она бы что-то посоветовала. Но чем быстрее я покину столицу, тем лучше. Я откровенно боялась короля. Не нравились мне его взгляды,

его намеки.

– Мне очень не нравятся слова Вазилевса, Ива, – неожиданно вырвал меня из невеселых мыслей голос Макеши.

Мы с ним шли пешком по улице – медленно, задумчиво. Оказывается, размышляли об одном и том же.

– Он так нехорошо сказал про братьев Волорье, – продолжал мой туземец. – Что задумал?

– Не знаю. Не уверена, что меня смущает именно это.

– Я думаю, Волорье нужно будет быть очень осторожным, особенно после рождения сына.

– Я думаю, мы забегаем далеко вперед, – хмыкнула я. – Какого сына, о чем ты? Мне сначала нужно завоевать эту крепость, а лишь потом думать о ее обороне!

– Поверь мне, крепость сама готова выбросить белый флаг.

Я не верила, конечно.

Но у меня уже был план, правда, я совсем не уверена, что тот самый, идеальный. Но в свою постель я Армана заполучу, это точно.

Вещи в дорогу я собирала особо тщательно. И на дне моего сундука лежала та самая птичья маска и белое шелковое кимоно. Да, я привезла их из Ниххона. Не то, чтобы я рассчитывала встретить здесь Ю-Вея, нет, я о нем лишь мечтала, будучи уверенной, что нет, никогда мы больше не столкнемся, а если столкнемся, то кто он рядом со мной? Простой капитан – и герцогиня Шантор? Немыслимо. И наряд этот я положила только для того, чтобы вспоминать иногда самое рискованное мое приключение. А теперь – время пришло платить по счетам. Я очень много задолжала Ю-Вею, и он этот долг получит сполна!

Я ждала кавалькаду его высочества на улице возле дома Шатиньонов, нетерпеливо притопывая каблучками дорожных сапожек. Сегодня я готова к любой неожиданности, даже и к поездке верхом. Темно-синяя шерстяная юбка имеет специальные разрезы для верховой езды, и сапоги у меня под ней высокие, и штаны довольно плотные.

Его высочество задерживался, Макуши хмурил свое выразительное черное лицо, явно недовольный ожиданием.

Хлоя, провожавшая меня, ахала и вздыхала, уверяя меня, что ехать в сопровождении дюжины мужчин – совершенно неприлично. У меня должна быть компаньонка. Я возражала, что у меня есть Макеши, и толку от него куда больше, чем от любой барышни. Вздумает кто-то меня обесчестить – что сможет сделать дуэнья? Завизжать или упасть в обморок? Смешно. А телохранитель меня защитит.

О том, что я сама прекрасно могу себя защитить от насилия и разбоя – скромно промолчала. Незачем это афишировать.

– Ох, да дело ведь не в этом, – попыталась объяснить Хлоя.

– А в чем?

– Компаньонка должна блюсти твою мораль...

– Что? – я вытаращила глаза, смеясь. – Что мне чужая женщина? Если я захочу, она меня не остановит. Да никого не остановит! Это лицемерие ужасное, Хлоя!

– Вся в мать, – констатировала моя старшая подруга. – Та тоже всегда плева-

ла на правила приличия. Оттого и погибла.

– Конечно, – огрызнулась я. – Когда не знаешь, что сказать – вспомни Аду Шантор. Как будто отец у меня был идеальным! Как будто графиня Волорье не путешествовала в сопровождении одного лишь ниххонского воина! Как будто вы, любезная моя Хлоя, не вышли замуж за Шатиньона, едва лишь остыло тело вашего первого супруга!

– Времена были другие, – прищурилась Хлоя. – Там было не до приличий!

– Ничего не другие, – отмахнулась я. – К тому же я буду в свите его высочества. Вы сомневаетесь в его чести?

– У Бенедикта есть честь? – хмыкнула Шатиньон. – Да из всей этой шайки доверять можно только одному Волорье. После того похода, когда он вернулся с таким вот лицом – он очень изменился. А до этого тоже был гулякой и пьяницей. Но сейчас да – моралист. Вынужденно.

– Не смейте оскорблять графа Волорье, – вспыхнула я, не обращая внимания на знаки, подаваемые мне Макеши. Эта старая ворона разозлила меня до крайности. – Он – достойный человек. Он...

– Достойный чего? – раздался насмешливый голос сзади.

Победно улыбнулась Хлоя, явно видевшая, как к нам приблизился Арман и теперь довольная тем, что я попала в неловкое положение. Я снова понимала, что краснею и ничего не могла с собой поделать.

– Достойный всяческого восхищения, – отчеканила я, глядя Арману прямо в глаза.

Он усмехнулся.

– Лестно. Жаль, времени немного. Его высочество изволит спешить на Север. Это все ваши вещи? – Волорье окинул недоуменным взглядом два моих сундука и узел Макеши.

– Да. Лишко?

– Мало. Обычно женщины гораздо более запасливы.

– А зачем мне тащить свои платья на Север? – удивилась я. – Кого мне там удивлять и восторгать? Мне хватит. Нужно будет задержаться – швеи есть везде. К тому же не так уж и много у меня нарядов.

– Ладно, – Арман все же покачал головой и кивнул Макеши, как старому другу. – Мак, ты ведь умеешь править? Будешь кучером.

И прежде, чем я успела возмутиться – а какого это беса Волорье распоряжается МОИМ телохранителем – мой туземец кивнул и споро погрузил сундуки в дорожную карету с гербом Волорье на дверях.

– А где принц? – запоздало догадалась спросить я.

– Там, – махнул рукой граф. – Догоним. Ему очень не терпится ехать. Я не стал настаивать, он же потом весь изноется, что я его задерживаю.

– Эта его баронесса? – понимающе кивнула я, усаживаясь в карету напротив Армана.

– Маркиза, – зачем-то уточнил он. – Маркиза Ленье.

Пожала плечами. Мне-то какое дело до увлечений его высочества? Он ведь по меркам Ранолевса совершеннолетний, а уж как он проводит ночи, меня и вовсе не касается. Более того, мне все это даже на руку. Я еду наедине с Арманом. Разве можно представить себе что-то более прекрасное.

– Прекратите раздевать меня взглядом, – буркнул Волорье, запрокидывая голову и прикрывая глаза. – Я уже говорил – вы мне как женщина неинтерес-

ны.

– Я переживу, – заверила его я. – Никаких интрижек, я поняла. А как друг? Мы можем стать друзьями?

Он приоткрыл здоровый глаз.

– Зачем?

– Мне страшно и одиноко здесь, – честно ответила я. – И вы – единственный, кому я доверяю.

– Зачем?

– Зачем доверяю? Вы честный и благородный мужчина. И раз уж вам я не нравлюсь, то еще и надежный. Ни на мой титул, ни на мой замок не претендуете, а это важно.

– И что требуется от вашего друга?

– Советы. На Севере, кажется, еще страшнее, чем здесь, в столице. Там нравы другие, более суровые. А вы там родились. И знаете, наверное, почти всех. Просто подсказывайте мне, кто мне враг, а кто нет. И помогите выбрать приличного жениха, который после свадьбы не запрет меня в башне и промотает мое имущество.

– Вас, пожалуй, запрешь, – проворчал он. – Но вы правы. Помощь вам очень нужна. И ехать одной на Север – форменное самоубийство. Почему Вазилевс просто не назначил вам супруга? Хотя... Пожалел, наверное.

Я надулась, а он вдруг улыбнулся по-доброму:

– Он сердится на вас. Что, не пустили его в спальню?

Мотнула головой, не зная, что ответить. Так он, вроде, и не приходил. На мекал разве что.

– Конечно, я вас не оставлю, – кивнул Арман, все еще улыбаясь. – Найдем вам самого лучшего жениха. У меня вот три младших брата. И у Регнара неплохой парень. Хотя нет, этот женится на ком угодно ради вашего замка...

Он зачем-то начал перечислять подходящих женихов, а я злилась. Вот же... болван! Дубина! Форменный идиот!

11. Ниххонский театр. Акт первый

К вечеру мы достигли постоянного двора, на котором должны были встретиться с принцем. Там его, разумеется, не было. Хозяин сказал, что кавалькада всадников была здесь мимо еще днем. Как саранча налетели, быстро, буквально на ходу, сожрали всё, что было из съестного, расколотили пару тарелок, кинули кошель с золотом на пол и умчались дальше. К счастью – не остались ночевать.

Арман красноречиво стиснул зубы, не посмев рассказать, что это был крон-принц со своей шайкой, а не какие-то там разбойники.

– Так вот зачем он меня отправил за вами, герцогиня, – прошипел Волорье. – Чтобы я не мешал ему делать глупости. Конечно, я же старый зануда, со мной скучно!

– И что теперь? – я дотронулась до его рукава. – Дальше едем? Догоним?

– Я устал как собака, – буркнул граф. – От этой кареты голова распухла. Ночуем здесь. Догнать не догоним теперь, куда нам. Они быстрее.

– Оставьте меня с Макеши и езжайте, – предложила я, видя, как он нервничает. – Купите себе коня... Догоняйте мальчишку.

– К чему? Я знаю, где его искать. К тому же я обещал о вас позаботиться.

Бросить тут одну... не смотрите на меня так! Ваш туземец неместный! А принц... с ним одиннадцать взрослых парней. Некоторые даже не совсем идиоты. Эй, хозяин! Две самые лучшие комнаты и ужин, да побыстрее. И ванну госпоже герцогине наберите.

Я прикусила губу, ощущая свою вину. Это из-за меня он так тащится. Был бы один – ехал бы верхом. Я ему только мешаю. Зато... когда у меня еще появится такая возможность?

Номера нам предоставили дверь в дверь. Я немедленно потребовала у Макеши один из своих сундуков. Поужинала, приняла ванну. Разложила на постели белое шелковое кимоно с красным поясом, расправила перья на птичьей карнавальной маске. Какая она громоздкая! Надо бы приобрести что-то более аккуратное. А все же – красивая невероятно. Золотой бисер на «клюве», алые перья, осыпанные полустертой позолотой. Провела пальцами – и теперь они заблестели. Не маска – произведение искусства. Мама рассказывала, что она передается у нас... у нее в семье из поколения в поколение. В этой маске ее мать встретила ее отца. В этой маске сама Авелин Ферн встретила своего ни-ххонского мужа. А я – пришла в ней к Арману, то есть, к Ю-Вею. Надеюсь, это судьба. Надо бы, конечно, вернуть маску – по всем законам она принадлежит Янголь. Но... чуть позже. Сестренка все равно еще очень мала.

Я гладила мягкие перья, понимая – оттягиваю неизбежное. Если уж решилась – нужно действовать. Выглянула в окно – уже давно стемнело. Пора!

Арман уже спал. Во всяком случае, до того момента, как я приоткрыла незапертую дверь. Это он очень, очень опрометчиво! Почему не задвинул засов? Ждал кого-то? Не меня ли?

Тихо прошла в маленькую комнату, шелестя шелком кимоно. Поставила поднос с чайником на крошечный стол, вернулась к двери и заперла засов. Кого бы он ни ждал – ему тут больше не рады.

– Виро... – негромко произнес по-ниххонски Арман. – Это сон? Ты – сон?

– Морок скорее, – прошелестела я на том же языке. – Спи, спи. Чай?

– Не откажусь.

Налила чаю (разумеется, особого, но теперь с тщательно просчитанной дозой сонной травы), с поклоном подала ему чашку. Он выпил медленно, не сводя с меня глаз. Его жизнь ничему не учит? Я могу спокойно предложить ему яду, да?

– Ю-Вей, я осталась тебе должна, – шепнула я, развязывая пояс кимоно и позволяя белому шелку соскользнуть с белых плеч. Боялась, что он примется играть в благородство, поэтому сразу пошла с козырей. – Надеюсь, ты не забыл.

Конечно, он не забыл! Даже имя запомнил! Мечтал обо мне? Надеюсь, мечтал.

– Собираешься отдать долг? – потянулся он на постели. Сквозь тонкую ткань его кальсонов я видела явственное возбуждение. – Какая... честная!

– Ничего личного. Ты заплатил. Я отдаю товар.

– Даже так!

Нет, а что ты хотел, мой милый? Ты же мне сам распиался про честных шлюх. Вот, получи. Самая что ни на есть честная. Насчет шлюхи не уверена, но ведь продаюсь? Во всяком случае – он так думает.

Медленно покачивая бедрами, я подошла к его постели. Он сидел с пустой

чашкой в руках, широко расставив ноги. Встала между его колен, забрала чашку. Погладила светлые взъерошенные волосы. Мягкие такие, тёплые. Моя грудь была как раз на уровне его глаз. Устоит ли? С Ивой – вполне себе устоял.

– Хочешь сказать, что все ещё невинна? – тихо спросил Ю-Вей, касаясь костяшками пальцев так бесстыже затвердевших сосков.

– Проверь.

– И проверю. Я ведь заплатил... верно?

На миг мне стало страшно. А вдруг он из тех особенных мужчин, которые получают удовольствие, причиняя боль? Не похоже, конечно, но мало ли...

– Чего испугалась, цветочек?

– Боли, – честно ответила я.

– Не обижу, буду нежным, – он притянул меня на свое колено, уверено прижимая к своему телу, так, что затылок лёг на его плечо. – Разве можно обижать таких нежных девочек? Слушай, а маски поменьше у тебя нет? Мешает ужасно!

– Боюсь, что нет, – хихикнула я.

– Купи. Денег дать?

– А ты болтун.

– Ещё какой! – согласился Ю-Вей, лаская пальцами мою грудь и мягко прихватывая соски.

Я заерзала, а он плотно обхватил левой рукой мою талию, не позволяя ускользнуть от острой ласки. Его зубы коснулись плеча. Я всхлипнула, дернувшись. Почему моё тело так реагирует на него?

Ах! Рука, отпустившая грудь, смело раздвигает мои колени, пальцы рисуют загадочные узоры на внутренней поверхности бедра. Я пытаюсь сдвинуть ноги в смятении, совершенно растерявшись.

– Нет, не смей, – гудит он мне в ухо и прикусывает мочку – почти больно. И сладко.

Пальцы его смело ныряют ниже, так уверено и властно. И нежно. Язык ласкает шею, плечо. Руки – там, где сейчас пылает самый настоящий огонь. Я выгибаюсь с жалобным стоном, забывая о том, зачем пришла. Невероятный!

Его пальцы дерзко вторгаются в мое лоно, гладят, ласкают... я уже не понимаю, что он со мной делает, только извиваюсь и поскуливаю от острых ударов удовольствия. Вторая его рука терзает грудь, в ягодицы упирается явственное свидетельство его равнодушия. Так... невозможно прекрасно! Он везде. Его много. Руки, губы, острые зубы на моем плече. Движения пальцев всё быстрее, всё настойчивее. Ю-Вей тяжело дышит мне в ухо. И словно огненной вспышкой по телу разливается сладкая истома и слабость. Что же это? Неужели то самое – высшее удовольствие, излияние женской энергии? Но... так нельзя! Мужчина не должен! А как же он сам?

Взлетаю, оказавшись вдруг на кровати, жмурясь. Значит, еще не всё! Мне и страшно до одури, и очень хочется познать его до конца. Он опускается на меня, но не спешит. Вместо рук ощущаю его горячее копьё. Очень горячее и очень большое. Слишком большое для меня, наверное. Но он толкается раз, другой... пока не больно. Приятно, даже очень. Слово всё так, как и должно быть. Раздвигаю ноги шире, позволяя проникнуть еще глубже. Ю-Вей очень осторожно, очень медленно проникает в меня. Растягивает, наполняет. Я прикусываю ладонь, чтобы не взвыть от боли. Ох, это кошмар какой-то! Пусть он

прекратит, я больше не хочу! Из глаз ручьем текут слезы.

Он замирает, тяжело дыша. Понимает, кажется, что я вся под ним сжалась в комок.

– Прости, по-другому не получится, – хрипло шепчет он. И делает еще одно движение бедрами.

Боль затихает – не до конца, но все же не такая острая. А Ю-Вей вдруг отстраняется и встает с постели.

– Лежи, не шевелись, – командует он, а потом вдруг прикасается там, где саднит и печет, прохладной влажной тряпочкой. – Больно? Очень?

– Терпимо, – вру я. – Что ты делаешь? Почему остановился?

– Тебе было неприятно. Я так не могу.

– Что, ты за это заплатил пять тысяч риссов? Чтобы вот так глупо...

– Выходит, за это, – усмехается он, укутывая меня в одеяло. – Забавно. Ты – первая девственница в моей жизни. Надеюсь – последняя. Больше я на это не поведусь. Ты вся дрожишь, Виро. Еще больно?

– Нет, уже нет. Продолжим?

– В другой раз. Сейчас тебе совсем не будет приятно. Я так не хочу.

– Я умею... иначе, – осторожно скольжу ладонью по его животу.

Он перехватывает мою руку и крепко сжимает, зевая.

– Потом. Приходи еще. Я заплачу.

– Такой богатый?

– Такой глупый, скорее, – смеется он. – Ты же всё равно мне снишься. Во сне я могу хоть сколько платить.

Он снова зевает – душераздирающе. Я, наверное, без труда бы настояла на своем, но мне уже ничего не хочется. Я разочарована. Больше никогда не буду этим заниматься. Больно. Но вначале было приятно и даже очень! Мне ведь говорили, что первый раз всегда такой.

Ю-Вей уже спит. Крови совсем немного – он был очень аккуратен. И все же – надо убрать следы. Поднимаюсь, морщась, снимаю постылую маску и накидываю кимоно. С трудом перекатываю этого огромного медведя по кровати, меняю простыню. Надо бы позвать на помощь Макеши, но у всего есть свой предел. Мне теперь ужасно стыдно за свой поступок. Хотя я понимаю – если бы я получила от нашего слияния удовольствие... если бы мы оба его получили... я бы чувствовала себя по-другому. Смогу ли я еще раз к нему прийти? Посмею ли?

Думаю, что нет, никогда. И как я завтра буду смотреть ему в глаза?

12. Перерыв

Утром я ощущаю себя совершенно разбитой. При свете дня моя выходка гнетет еще больше. К тому же болит живот и мышцы тянет, а ведь Арман почти ничего не делал, просто... пара движений. Морщась, я надеваю дорожное платье, не отказываясь от помощи горничной. Маска и кимоно надежно спрятаны на самом дне сундука.

Ива, ты просто дура. Дурища невероятная! Вот выйдешь ты замуж за своего Армана – и как докажешь, что не было у тебя других мужчин? Не поверит и будет прав. Макеши смотрит на меня так внимательно, что я догадываюсь – он всё знает. К счастью, молчит, ничего мне не говорит. Если скажет хоть слово – у меня случится истерика. Да что я – как себя Арман ощущает после этого

вот?

Я спускалась в столовый зал с немалым страхом. Оказалось, напрасно. Граф Волорье выглядел возмутительно бодрым и довольным жизнью. Завтракал с явным аппетитом, на меня поглядел весело.

– Вы бледная как моль. Плохо спали?

– Отвратительно, – буркнула я. – Душно, жестко, неловко. А вы?

– Я же не изнеженная барышня! У меня всё великолепно. И сны снились такие... ах, какие снились сны!

– Какие? – немедленно заинтересовалась я.

– Волшебные, – усмехнулся он. – Готовы продолжить путь? Да ешьте же, ешьте, не издевайтесь над хлебом. Обед еще не скоро.

Я перевела взгляд на лепешку, которую раскрошила пальцами. Аппетита не было совершенно, и его сияющее лицо откровенно бесило. Чему же он так радуется? Он ведь не получил ни малейшего удовлетворения. Мужчины...

Выпила чашку отвратительно сладкой бурды, по недоразумению названной чаем. Молча села в карету. Не понимаю, что со мной, почему я так злюсь на Армана? Подумала и поняла: я ревную. Герцогиню Шантор он прогнал, а какая-то ниххонская шлюха заполучила его легко и просто. Чем я хуже нее? Обидно до ужаса. И смотреть на него не хочется, предатель!

Ой, дура! Вот сейчас клан Кио поднял бы меня на смех. Ревновать мужчину к самой себе – так умею только я.

– Что я опять натворил, дорогая моя? – спросил Арман, вытягивая ноги и задевая сапогами мою юбку. – У меня такое ощущение, что вы хотите мне... хм... голову откусить.

– Нет. Я просто устала и не выспалась, – вздохнула я. – Ничего личного.

– Так спите в карете.

– Как? – удивилась я. – На пол лечь?

– На сидение.

– И свалиться на первой же кочке?

– Хм. Тогда идите сюда. Я буду вас держать.

– Это неприлично.

– Мы никому не расскажем.

Я воззрилась на него с таким изумлением, что он поморщился.

– Обещаю руки не распускать. И слухи тоже. Только и вы... не будьте распутной.

– Это вы предложили, не я, – буркнула я сердито, присаживаясь рядом с ним на лавку.

Осторожно откинулась на сиденье, прикрыла глаза... и тут же была притянута к крепкому мужскому телу. Голову мою силой опустили на плечо, развернули тело, заставили вытянуть ноги.

– Всё, спите, – скомандовал Арман. – Молча желательно. Надеюсь, вы слюни не пускаете и не храпите. Да положите ноги на сиденье, не бойтесь. Маленькая совсем, уместитесь.

Вот это чудо! Я даже не знала, как реагировать на его неожиданную заботу. Или... это все же знак внимания? Спать уже не хотелось, хотелось лежать у него на плече, слушать его дыхание, запах, ощущать жар мужского тела. Но если не спать – то он меня прогонит, и поэтому я расслабилась и прикрыла глаза.

Арман закинул руку мне на талию. Горячую, обжигающую даже через несколько слоев ткани. Я вдруг вспомнила, что он делал ночью своей рукой, как ласкал меня вот этими самыми пальцами. Вспыхнула мгновенно, едва удерживая ровное дыхание. Вот если бы он задрал мне юбку и снова... прикоснулся к моей коже! Погладил бы, скользнул бы ладонью по бедру...

Нет, Ива, совершенно неуместны эти мысли. Подумай о другом. О замке своем, о Ниххоне, о теплых водах Ильенских островов, таких нежных, ласкающих ступни и лодыжки...

Карета покачивалась, рука на талии успокаивала и умиротворяла, и я сама не заметила, как заснула. А проснулась уже, когда голова на его коленях лежала. Съехала, видимо.

– Выспалась, герцогиня? – с усмешкой спросил Арман, помогая мне усесться. – А ночью-то что делать будешь?

Какой интересный вопрос! Прислушалась к своему телу. Живот еще тянуло и между ног саднило. Что ж, к Ю-Вею я точно не пойду. Значит – книжку читать буду. Или погуляю. Или... маску себе новую сошью. Тканевую, мягкую. В Ниххоне часто бывают карнавалы. Маски там любят. Разные – но чаще всего, конечно, там используют образ драконов или демонов. Сестрица моя Янголь «демонических» масок боялась до слез, да и отец, охотник на ёкаев, не приветствовал подобные развлечения, но мы с Ени пару раз на таких шествиях бывали и маски, и наряды шили вместе. Опыт у меня был. А что до остального...

Белоснежный шелковый платок был безжалостно разрисован. Одна из сорочек порезана и накрахмалена – для жесткости. На столе разложены нитки и иголки. Макеши надо мной откровенно смеется.

– Ерунду придумала, птичка. Лучше бы ты просто ему лицо свое настоящее показала. Сейчас ты только всё больше запутаешь.

– Молчи и принеси еще свечей. Да погляди – спит ли Арман.

Пожал плечами – в конце концов, он мне не нянька. Я – взрослая женщина и знаю, что делаю.

После тяжелой дороги граф Волорье сразу удалился к себе, даже ужинать не стал, велел принести еду в комнату. Обещал, что завтра мы принца точно нагоним, поэтому сегодняшняя ночь для него – последний шанс выспаться. Дальше будет гораздо веселее.

Но я надеялась – он все же ждал Виро. Но не в эту ночь, Ю-Вей. Потерпи.

Конечно, я приду еще. То, что было между нами – магия какая-то. Мистика. Боль забылась, зато его руки, его дыхание, запах его тела вспоминались особенно ярко. А уж что он вытворял во сне... в моем сне. Я все же уснула под утро... и это был очень сладкий сон.

Принца мы нашли на третий день в одном из придорожных трактиров. Он там праздновал, что – не знаю, но несмотря на белый день, и он, и его свита были безобразно пьяны. Сам же наследник, как оказалось, остановился выпить воды, заметил прехорошенькую дочку хозяина и решил заодно и отобедать.

– Выпороть бы засранца, – шипел сквозь зубы Волорье, пинками разгоняя по комнатам братьев Шатиньонов и прочих Фионеллей. Стыдно за них – слов нет. Дикари, ей-богу!

– Не понимаю, почему отец ему всё это спускает, – шепотом спрашивала я,

совершенно с Арманом согласная.

– А что с ним сделаешь? Довольствия лишишь? В тюрьму бросишь? Что? Палками побьешь? Он принц, с ним так не положено. А денег... он найдет. Займет у своих собутыльников.

– Да просто разогнать всех его мальчиков и набрать разумных людей, – посоветовала я.

– Ну вот меня наняли, полегчало? – Арман сверкнул зубами, взваливая принца на плечо с легкостью. – Теперь я буду разводить все те корабли, что он на мель загнал.

– В Ниххоне говорят, что дурные друзья сбивают с истинного пути даже сына самурая, – вспомнила я.

– Вы знаете ниххонский?

– Нет. Читала. Много читала в монастыре, – выкрутилась я.

– Это хорошо. Послушайте, одолжите вашего Макеши. Пусть проследит за ребятишками, а я ночевать с этим убогим буду. Счастье еще, что он не успел девчонку оприходовать, хотя явно собирался. Трактирщик разумно поступил, напоив дурачков до беспамятства. Надо ему премию выдать.

– А я? – жалобно пискнула я. – Мне страшно тут одной будет.

– Из наших вас никто не тронет. А чужие разбежались. Не бойтесь, я спать всю ночь не буду. Если что – приду на помощь.

Пришлось соглашаться – как будто у меня на самом деле был выбор. К тому же Макеши тоже меня заверил, что бояться мне нечего, в трактире оставалось только свита принца. Что ж, еще даже не стемнело – у меня было время закончить маску, принять ванну, плотно поужинать и даже прогуляться перед сном.

Волорье был суров. Если с принцем он обращался с подчеркнутой аккуратностью, то того же Фионелля он пару раз «случайно» уронил на лестнице, а Жерому Шатиньону попросту дал в морду, когда он начал сопротивляться и кричать, что спать еще рано. И вообще... сейчас я вдруг увидела в нем того самого капитана корабля, который командовал своими матросами. Стоял, расставив ноги, внимательно оглядывался – а потом хватал за грудки кого-то из бедокуров и волок в комнаты спать.

К чести королевских прихвостней, некоторые были вполне трезвы. Вставляли из-за стола сами, кивали Арману и молча уходили в спальни. Он внимательно смотрел им в след и, кажется, делал выводы. Удивительный мужчина.

Меня восхищало в нем всё. И спокойствие это непоколебимое, и отношение к людям, и даже грубоватость манер. Нравилось, как он ходит, как стоит, как улыбается и как хмурится. Я в него была сокрушительно влюблена – врать себе было уже невозможно. Вот только Арман Волорье Иву Шантор совсем не любит. Но есть Виро и Ю-Вей, кажется, у этих двоих все просто. Между ними самый настоящий огонь. И это – только начало. Маска уже готова. В виде белого лица, с алым ртом и прорезями черных узких глаз. Конечно, в Ниххоне маски подобные изготавливают из дерева или фарфора, моя лишь – слабое подобие, но я и не для того ее сделала, чтобы кого-то пугать или скрываться в толпе. Ну, и откровенно говоря, совсем она не похожа на ниххонскую. Но что есть то есть, для моих целей она подходит.

Итак, наступает время второго акта. Перерыв окончен.

13. Акт второй, трагикомический

Принц забавный. Суций мальчишка, но ужасно обаятельный. Наутро он был бледен, с красными глазами, пил много воды и разговаривал с трудом, но молодость быстро взяла свое: уже через час его высочество шутил, сам же хохотал над своими шутками и всю со мной флиртовал.

Болтун он был невероятный, я и сама не поняла, как вышло, что еду рядом с ним верхом и слушаю повествование о его приключениях. Похож, наверное, на моих младших братьев, только они молчат больше, хотя тоже – те еще шутники. Невольно вспомнилось, как они жаб мне в постель подбрасывали и подсыпали васаби в чай. Я тоже в долгу не оставалась – натирала маслом их сандалии, наливала рыбного клея в ножны.

– Вы ведь не единственный ребенок в семье, ваше высочество? – спросила я Бенедикта.

– А! У меня еще две сестры и брат, – кивнул юноша. – Но они еще маленькие, с ними скучно. Леонису всего восемь, а девочкам – десять. У нас в Ранолевсе приняты большие семьи, особенно в северных родах. Вон у Армана – целых четыре брата и сестра.

Я кивнула. Про семью Волорье я знала всё.

– К вечеру уже будем в Белом замке. Познакомитесь.

– Жду с нетерпением.

Чистая правда, между прочим. Я очень хочу взглянуть и на Белый замок, и на родителей Армана, и на его братьев и сестру. К тому же его величество распорядился, чтобы младшая Волорье была здесь, на Севере, моей компаньонкой. Знакомства не избежать, и я вся исполнена любопытства.

– Я не слишком люблю Север, – внезапно сообщает мне Бенедикт. – Тут всё какое-то... Настоящее, что ли.

– А на Юге – игрушечное? – удивляюсь я.

– Вроде того. На Севере леса – дикие. Зимы так зимы – суровые, снежные. И люди, кажется, более глубокие, более... люди.

Странно слышать подобное от шестнадцатилетнего мальчишки. Неужели в нем все же есть та самая королевская кровь, делающая простого человека на голову выше?

– На Севере не получается у меня жить весело и легко. Тут надо постоянно кому-то что-то доказывать. Тут недостаточно просто быть сыном короля, чтобы тебя уважали. Вот мой отец – он с Севера, понимаете, Ива? Он – настоящий. А я так... короленок. Не принц даже, а зародыш принца.

– Так за чем же дело встало? Доказывайте.

– А как? А кому? Времена не те. Драться мне невозможно, интриговать не против кого, подвиги совершать? Ну... Разве что вы, прекрасная дама, заблудитесь в лесу, а я вас найду и буду согревать поцелуями...

Я содрогнулась, покосилась на отставших наших спутников и в волнении шепнула:

– Боюсь, граф Волорье найдет меня первой. И согреет куда основательнее.

– Вам просто хочется так думать, – скривил губы принц. – Да, матушка дала мне строгие указания... Но между нами говоря, Волорье – не самая приятная партия для такой красавицы, как вы. Вы его не знаете, а я знаю. Он запрет вас в замке, заваленном снегом, а сам умчится покорять новые земли. Оно вам надо, Иветта? Вот это разве – жизнь для молодой и веселой женщины?

– Хотела бы я посмотреть на того мужчину, который сможет посадить меня в клетку, – отмахнулась я, подавляя в себе холодный страх. – Я же как птица – улечу, убегу...

– Воля ваша, – как-то серьезно, совершенно по-взрослому сказал мальчишка. – И выбор только ваш. Помните об этом, герцогиня, помните... Ой, белка! Смотрите, белка!

Налет взрослости улетел, как зонтик у красавицы в ветреный день. Принц снова начал вертеть головой, смеяться и шутить. А мне на миг стало страшно. Ведь Арман – племянник первого мужа моей приемной матери, Ральфа Волорье. А Ральф был очень хитрым и очень жестоким. Даже жена его не сразу поняла, что за обаянием красавца-графа скрывается жесткий расчет. А что, если и Арман – всё просчитал? Что, если он дергает меня за ниточки, как марионетку? Неужели все его слова, все жесты, все поступки и ставят целью получить мои земли и мой титул? Оттого я и не могу понять, что мне делать?

Казалось бы, всё так просто. Есть нужный мне мужчина, которого нужно просто завлечь. Меня ведь этому учили. Не вышло через вожделение? Не проблема. Есть и такие. Он как ниххонский воин, суровый и сдержанный. Нужно действовать осторожно, исподтишка. Позволить ему быть главным, восхищаться им. Слушаться. Задавать умные вопросы, вести красивые беседы. Всё это я умею. Вот только никто не предупредил меня, как быть, если рядом с ним я сама теряю голову и совершаю ошибку за ошибкой?

Нет, совсем не зря нас всех учили, что любовь – конец всего. Любить нельзя, иначе ты потеряешь себя.

Белый замок появился внезапно – словно бы из-за поворота. Вот перед нами была стена леса – еще голого, со снегом в оврагах. И вдруг Арман оказывается рядом со мной, хватая поводья моего коня и вполголоса сообщает:

– Слева.

Я оборачиваюсь и вижу белые башни за холмом.

– Это – мой дом.

В голосе Армана гордость, восхищение и тоска. Он смотрит на меня, явно ожидая каких-то слов, а я, как всегда в его присутствии, вдруг растерялась и только сказала:

– Удивительный.

Волорье кивнул.

– Остановимся на ночь там. Только... Ива, вы боитесь призраков?

– Призраков? – широко раскрыла глаза я. – Настоящих? У вас в замке есть призрак?

– О да. Дядюшка мой покойный, чтоб ему пусто было. Но, возможно, вас он не станет пугать. Из семьи его вижу только я и иногда отец, когда напьется. Женщины уж точно не видят. Правда, я отчего-то уверен, что именно для вас он сделает исключение.

Я покосилась на Армана с недоумением. Он это всерьез? Я – и должна испугаться какого-то бесплотного старикашку? Да я в Туманном лесу, полном ёкаев, один раз заблудилась! Отец чуть не поседел, пока меня нашел. Я с кланом Кио ходила на Большую Охоту! То, что Арман видит перед собой изнеженную аристократку, мягко говоря, не соответствует истине.

– Не верите мне, – неверно истолковал мой взгляд Волорье. – Что ж, оно и к

лучшему.

По вымощенной камнем дорожке мы подъехали к замку. Арман помог мне спуститься с лошади – словно я и в самом деле была хрупкой принцессой. Подал руку и подвел к женщине, ожидавшей нас на крыльце.

– Матушка, позвольте представить – герцогиня Шантор.

– Вижу, – сухо ответила высокая полная женщина в простом темном платье. – Добро пожаловать в Белый замок, дочь Шанторов.

Она была мне не рада – на круглом лице явственно отразилось раздражение. Губы поджалась, глаза оглядывали меня с неприязнью. Что ж, матушка, а смириться тебе придется. Возможно, даже моих детей на руках качать будешь. А то что я – совершенно не Ада, так это ты тоже обязательно поймешь.

А вот принцу и его компании она была явно рада, засуетилась, заулыбалась. Расцеловала в щеки Фионелля и Жеревьена, крепко обняла Субеллина. Арман же, крепко держа меня под локоть, провел меня в свой дом.

– Здесь есть прекрасные купальни, – сообщил он. – Обязательно сходите. Я прикажу подготовить.

Я кивнула, оглядываясь – замок мне не нравился. Темный, холодный, кругом камень и дерево. Ни цветов, ни света из окон, ни ярких теплых акцентов. Всё какое-то старое, потертое, с царапинами и трещинами. Здесь, кажется, требуется самый настоящий ремонт!

Мои сундуки зачем-то поднимают наверх, в спальни. Для чего? Мы здесь на одну ночь! В крайнем случае – на две. Я вполне обошлась бы одним из платьев. Вокруг меня суетятся сразу две служанки.

Выделенная мне спальня тоже не нравится. Темная, как и все в этом замке, огромная, холодная – да еще и кровать такая высокая и с балдахином. Эти тряпки крадут воздух – к тому же в них, наверное, пыль и пауки.

В четыре руки с меня стаскивают дорожное, уже порядком испачканное платье. Раздевают догола, бесстыже отбирая чулки, и корсаж, и сорочку, и панталоны. Укутывают в бархатный черный халат и ведут по узкой лестнице куда-то вниз. Я настолько устала, что позволяю им это все с собой делать, даже не сопротивляюсь.

Не жалею – в конце довольно быстрого пути меня ожидает самое настоящее чудо: небольшой белоснежный зал, весь мраморный, с лавками, столиком и двумя купелями, из которых поднимается пар. Они – словно чаши, утопленные в пол. Одна больше, другая меньше.

– Если желаете, мы поможем госпоже вымыться, – робко предлагает одна из служанок. – Или оставим вам и придем позже.

– Я бы хотела немного отдохнуть, – прошептала я, приседая и трогая воду в малой чаше кончиками пальцев. – Если можно.

– Да, конечно. Вы не беспокойтесь, это женская часть купален. Никто из мужчин сюда не придет.

– Я и не беспокоюсь, – соврала я, осторожно спуская с плеч халат и соскальзывая в купель.

Восхитительно горячая вода с легким запахом серы обнимает меня до самой шеи. Наверное, Арману здесь не показалось бы глубоко – а маленькой мне нужно быть осторожнее. Но я все равно застонала от удовольствия, откидывая голову на край чаши. Прикрыла глаза, наслаждаясь покоем, теплом и одиночеством. Как же прекрасен это Белый замок! За одни только эти купальни я

готова простить ему замшелые стены и холодные спальни!

Открыла глаза, оглядываясь, любуясь белоснежным залом. Вот так мне нравится, вот здесь – красиво! И все равно – немного золота и мозаики не помешало бы. Интересно, в моем замке есть купальни? А если нет – можно ли из построить?

Внезапное движение возле стены заставило меня вздрогнуть всем телом. Я инстинктивно прикрыла руками грудь, выпрямляясь. Возле стены стоял незнакомый мне мужчина: молодой, невысокий, кудрявый... с безобразным багровым рубцом на шее. Смотрел он на меня с такой ненавистью, что я невольно съежилась.

– Ада Шантор? – ослабилась этот сумасшедший. – Наконец-то!

Он сделал ко мне два коротких шага, и в глазах его, в лице, в каждом движении плескалось безумие и жажда крови. Я завизжала, потому что совершенно не знала, как смогу сопротивляться без оружия, да еще голая и мокрая. Меня охватил какой-то ледяной ужас, кажется, даже вода в купели мигом подернулась корочкой льда.

А он приближался. Медленно. Угрожающе.

Я визжала, не переставая, пытаюсь выбраться из оказавшейся вдруг ловушкой чаши с водой. Счастье еще, что она всего лишь остыла, а не вскипела, например. Едва не захлебнулась, цеплялась за скользкие мокрые плиты, срывая ногти, чудом нащупала ступеньку, выскочила из воды... И врезалась в твердое и большое мужское тело. Одетое.

– Да что вы визжите, как поросенок? – раздался раздраженный, но такой успокаивающий голос Армана. – А! О! Дядюшка, подите прочь, что за манеры – подглядывать в купальнях за дамами! Вы напугали нашу гостью чуть ли не до смерти. Полно, Ива, не тряситесь так, это всего лишь призрак. Ничего он вам не сделает.

Я вцепилась в Армана, не то хохоча, не то рыдая. Рубашка на нем уже вся вымокла, но я боялась даже обернуться.

– А что здесь происходит? – раздался полный искреннего возмущения девичий голосок. – Арман? Что ты забыл в женской купальне? И почему у тебя в объятиях наша гостья... голая?**14. Акт третий, развязка**

Клянусь, я слышала все слова, которые сейчас мысленно произносил Арман, пока медленно оборачивался.

– Я не смотрю, не смотрю, честно! – пискнула стоящая в дверях девчушка. Словно для того, чтобы быть убедительнее, она закрыла лицо руками, бросив на пол охапку белоснежных простыней.

– Отпустите меня, Ива, – прошипел Арман. – Немедленно.

– Не могу, – честно ответила я. – Пальцы свело. Это... ушло?

– Да, – мужчина тяжело вздохнул и, с трудом оторвав меня от себя, быстро укутал меня в халат. – Лиса, это не то, что ты подумала.

– А о чем она подумала? – раздался любопытный голос его высочества, который тоже заглянул в купальню. – Кто так визжал, неужели юная Элиссон?

– Нет, это не я, – качнула головой сестричка Армана. – Но я тоже очень хочу визжать, честное слово. Вот уж не ожидала такого – Арман в женской купальне напал на гостью! Какой позор!

– Я не нападаю! – негодуя заявил Волорье.

– Он не нападал! – воскликнула я, запахивая бархатный ворот. Меня всё ещё трясло.

– То есть это всё было по доброй воле?

– Я просто... увидела... – наткнулась на сердитый взгляд принца, который из-за спины Элиссон делал мне какие-то знаки. – Паука, – последнее получилось так тихо, что едва ли это расслышал кто-то, кроме Армана.

– Да, мы все тоже увидели, – кивнул принц, щурясь. – Увидели, что между вами двумя явно что-то большее, чем просто дружба, верно? Честь девушки не должна быть поправа. Арман, ты ведь порядочный мужчина?

Ой. Это что он сейчас имел в виду?

– Порядочнее некуда, – сквозь зубы прошипел Волорье. Я оглянулась. Он сжимал кулаки, весь красный.

– Тогда поздравляю. Так, пожалуй, будет очень удачно: Иветта прибудет в замок Шанторов уже под защитой мужа.

– Мужа? – хрипло переспросила я.

– Мужа, – с радостной улыбкой закивал принц. – Тем более, тут целых два свидетеля ваших весьма близких отношений, верно, миледи Элиссон?

Девушка вдруг покраснела и гневно взглянула на Бенедикта, а потом почему-то на меня. А принц, обхватив ее за плечи, осторожно вытолкнул в коридор, подмигнув нам. Последнее, что я услышала перед тем, как захлопнулась дверь:

– Чем быстрее будет заключен брак, тем лучше. Вот прямо завтра и устроим. Кто знает, а вдруг Иветта уже в положении?

Я с ужасом посмотрела на Армана: как же он, должно быть, меня сейчас ненавидит! Мне подобное развитие событий, наверное, было на руку, но я вдруг испугалась даже больше, чем когда увидела этого мерзкого призрака.

– И где, скажите на милость, носит вашего телохранителя? – как-то устало спросил Арман, запуская пальцы в свои светлые волосы. – Вот именно тогда, когда вас нужно было спасать, его рядом не было.

– Не знаю, – с несчастным видом ответила я. – Но поверьте, лучше уж меня выдадут за вас, чем за него.

– Он ведь евнух? – уточнил Волорье со смешком. – Нет?

– Он – моя нянька. Названный дядя.

– Мда, это было бы забавно. Да не смотрите на меня с таким ужасом, я, конечно, тоже Волорье, как и мой покойный дядюшка, но пугать вас совершенно не собирался. Ох, Иветта, и натворили мы с вами дел!

– Вы не сердитесь? – я робко коснулась его рукава пальцами.

– Очень сержусь. На себя. На призрака этого дурного. На обстоятельства. На эту дуру Лиску. На Бенедикта, так некстати влезшего. Вот ведь хитрец, он всё правильно просчитал! Теперь мне просто не позволят остаться в его свите. Ловко он избавился от надсмотрщика! Всё-таки он совсем не глуп!

Я кивнула, пытаюсь не стучать зубами. Мне по-прежнему было ужасно холодно. И босые ступни на мраморном полу совершенно заледенели.

– Сильно испугались? Обычно мой дядюшка не агрессивен. Ну, или я к нему привык...

– Сильно, – шепнула я. – А он ночью ко мне в спальню не явится?

– Хотите уехать прямо сейчас?

– Это будет выглядеть как побег, – качнула головой я. – Мой – от вас. Нет уж.

Шанторы не бегают от своих страхов! У вас есть виски? Я выпью стакан и буду спать как младенец.

– То есть кричать полночи и пачкать простыни? – усмехнулся Арман. – О нет, так дело не пойдет. Для начала обуйтесь уже, а потом решим, что делать дальше.

Я сунула ноги в кожаные туфли с войлочными стельками и позволила увести себя наверх в свою спальню. Там меня ждала свежая сорочка, поднос с ужином и Макеши.

– О, великий воин и защитник невинных дев, – ухмыльнулся при виде туземца Арман. – Там, снизу...

– Я уже слышал, – перебил его Макеши. – Сюда никакая нечисть не проникнет. Я уже позаботился.

Он махнул каким-то веником.

– Что это, бузина? – проявил редкую осведомленность Волорье.

– Бузина, полынь, иссоп, – кивнул Макеши, ловко швыряя венок в разожженный камин. – Ну и я тут похозяйничал. Поверьте, даже ёкай сто раз подумает, прежде чем войти сюда.

– Тогда оставляю этого испуганного ребенка под твою ответственность, – кивнул Арман серьезно. – А у меня теперь будет очень много дел.

Дверь захлопнулась, я посмотрела на Макеши растерянно и забралась в постель.

– Ты меня не спас, – с укоризной сообщила я ему.

– Разве ты хотела бы, чтобы тебя спасал я? – удивился туземец. – Насколько я слышал – всё вышло как нельзя лучше?

– Тебя там не было.

– Кто это тебе сказал?

Я молча посмотрела на туземца. Он так же молча смотрел на меня. Потом поставил на постель поднос с едой и кивнул серьезно:

– И всё же я хочу знать, о чем они там будут разговаривать. Не бойся, я ненадолго.

– А призрак точно не придет сюда?

– Если вдруг рискнет – вот тут, в корзине, порошок. Попробуй в него кинуть, тебе понравится.

Усмехнулась, кивая и натягивая на себя одеяло. Вот так, с действенным оружием против призрака, я совсем не боялась. Даже хотела, чтобы этот гад пришел. Теперь он не застанет меня врасплох! А Макеши встряхнулся, повел плечами и стремительно уменьшился. Я не успела моргнуть, а на окне уже сидит маленький темнокрылый ястреб.

Моя приемная мать из семьи Фернов – все они там птицы. И она, и все ее дети оборачиваются, а Макеши – ее родной брат. Сын ее преступника-отца, укрывшегося когда-то на островах от правосудия Эльзании. Теперь и на Ильенских островах есть свои люди-птицы – мой названный дед там устроился очень хорошо, взял в жены любимую дочку туземного вождя. Темнокожая красотка оказалась очень плодovита, даря своему «счастливому» мужу примерно по ребенку в год. А уж когда выяснилось, что большинство детей «мужчины-демона-птицы» наследуют его дар, многие туземки потребовали от него потомства. Вождь и главная жена были не против. Словом, бедняга мой почти-дед и рад был бы с Островов сбежать, да не отпускали его.

А Макеши – всего лишь один из его старших отпрысков. Сильный, умный и донельзя верный Авелин Кио и ее детям.

Ястреб просочился в окно и улетел, оставив меня наедине с ужином. Я с аппетитом поела, потом совершенно спокойно уснула. Никакие призраки меня не беспокоили.

Телохранитель мой вернулся среди ночи, безжалостно меня разбудив.

– Похоже, завтра ты станешь замужней женщиной, – весело сообщил он мне. – Надо же, я не ожидал, что это случится так быстро.

– Что, обсуждают меня? – зевнула я.

– Не поверишь, будущая свекровь в полном восторге. Как только она узнала, что ее внук будет следующим герцогом Шантором, так мгновенно тебя полюбила, словно родную дочь. Да и замок Шантора ей тоже очень по душе.

– А что Арман? – свекровь меня интересовала мало.

– Держится лучше, чем можно ожидать. Мне кажется, он этого ждал. Возможно, даже хотел.

Я поморщилась от такой наглой лжи, а потом повернулась на другой бок. Всё было не так, как я хотела. Совсем не так. Макеши ушел, а я не могла ни спать, ни даже лежать больше спокойно. Всё это было просто невыносимо. И словно назло сама себе, прекрасно понимаю, что творю сейчас несусветную глупость, я вскочила, накинула кимоно, надела закрывающую лицо новую маску и отправилась искать спальню Армана.

Как оказалось, Макеши сидел у меня под дверями в коридоре – охранял. Посмотрел на меня сонно, выругался на неизвестном мне языке – и указал рукой на соседнюю дверь. Надо же, Арман так близко ко мне? Это совпадение? Знак? Судьба?

– Он пьян и весьма прилично, – вполголоса сообщил мне туземец. – Будь осторожна.

Непременно. Непременно буду осторожна. **15. Перед свадьбой**

Арман сидел в кресле, откинув львиную голову. Спокойный, со сжатыми скорбно губами, с низким тяжелым стаканом в руке. На меня посмотрел равнодушно, словно на пустое место.

Виро, – констатировал он. Не спрашивал, просто назвал по имени. Ю-Вей, – я опустилась на пол возле его ног, обхватив руками колено. Как ты сюда прошла?

Я – лишь твоё воображение, – мурлыкнула я. – Меня не существует. Не настолько уж я и пьян. Хочешь, чтобы я ушла?

Не сегодня, – его рука опустилась на мои волосы, лаская, как котёнка. – Я завтра женюсь. Поздравляю.

Было бы с чем. Знаешь... мне было одиннадцать, когда в этом доме появилась Ада Шантор. Красивая такая... настоящая женщина. Мать моя никогда не была такой загадочной, обворожительно прекрасной. В глазах Ады сияло пламя... такое темное, как сама ночь. Я, кажется, влюбился по уши впервые в жизни. Слушал ее голос, мечтая, что моя жена будет непременно похожа на неё. Она будет похожа? – с нервным смешком спросила я. В первую же ночь я уви-

дел Аду в постели своего отца, – мрачно ухмыльнулся Арман и замолчал.

Я слотнула. Теперь понятно, за что он так ее ненавидит. А я просто похожа на неё, говорят – одно лицо. Неудивительно, что я ему не нравлюсь совершенно. А теперь...

Словно читая мои мысли Арман вздохнул:

А теперь я женюсь на ее дочери. Ты расстроен?

Я не хочу это обсуждать, – спокойно ответил мужчина. – Виро... больше не приходи. Меня не существует, – напомнила я с улыбкой, которую он все равно не видел. – Ты думаешь обо мне, и я появлюсь. Всё просто. Забудь меня, и больше не увидишь. Ты – ёкай?

Видимо, так. Я подозревал. Смешно. Я вырос в замке с сумасшедшим призраком, а теперь сплю с ёкаем. Это ненормально, но мне нравится. Ты не спишь, а только болтаешь, – фыркнула я, как лисица, скользя пальцами по его бедру к паху. – Видимо, алкоголь не на пользу тебе. Глупости. У меня нет никаких проблем с потенцией. Докажи.

Он тяжело вздохнул, со стуком поставил стакан на стол и подхватил меня на руки.

Не дают спокойно выпить, – пожаловался он в пустоту, наверное, своему призрачному предку.

Легко уложил меня на кровать, разворачивая кимоно. Пальцами провёл от ключицы до живота. Такое простое движение, а меня всю выгнуло дугой. Он внимательно наблюдал за мной. Лица ему было не видно, и я малодушно этому радовалась. Пальцы очерчивали грудь: едва касаясь, исследуя, ощупывая. Нежно, осторожно. Губы коснулись края рёбер, язык проложил широкую влажную дорожку по животу. Ю-Вей освободил мои руки из плена рукавов, закинул их вверх, за голову, вытягивая меня в струну. Прикусил кожу на плече и невыносимо медленно снова спустился к груди. Я всхлипнула, не в силах сдержаться, вся дрожа. Что он делает? Зачем?

Он переворачивает меня на живот так легко, нажимая тяжелыми горячими руками на поясницу. Просто ласкает ладонью, и я вся горю, невольно вскидывая бёдра.

Такая горячая девочка, – шепчет он по-ниххонски. – Скажи мне, чего ты хочешь? Тебя, – выдыхаю я. – Ю-Вей, возьми меня, я так хочу...

Он смеётся тихо и отстраняется, а когда снова приникает – я чувствую уже всем телом его тепло. Он обнажён, он опускается на меня и очень легко наполняет мое тело. Я даже не поняла вначале, что он уже... так просто, так свободно – без боли, которой я так боялась. Мое тело создано для него – я знала это с самого начала!

Тихое движение бёдер – и его вдруг становится очень много и снаружи, и внутри. Словно огнём плеснули мне на тело. Я вскрикиваю, выгибаюсь, пытаюсь ускользнуть, но когда он отстраняется, жалобно скулю и подаюсь ему навстречу. Тихий смешок мне в волосы, новые движения – нежные, осторожные, словно волна. А мне уже хочется быстрее и глубже, так, чтобы до боли, до крови – чтобы он рычал как дикий зверь, чтобы сходил с ума, чтобы позабыл обо всем на свете.

А Арман отстраняется и переворачивает меня. Снова его губы на груди, снова руки, раздвигающие колени. Мягко наполняет меня, лаская, будоража. От его неторопливости хочется стонать в голос, с губ срываются всхлипы. Я впираюсь ногтями в его предплечья, пытаюсь вместить всего Арра целиком: и его губы, втягивающие мой сосок, и волосы на груди, и чуть влажную спину, и то самое, что наполняет меня до конца, скользя внутри так сладко, так невыносимо медленно. Ощущений слишком много для маленькой меня, я захлебываюсь им, словно волной.

Так хочется сдернуть маску и впиться зубами в плечо – но нельзя, и я царапаю его шею, умоляя: ещё, ещё, вот сейчас! Он, с шумом втягивая воздух, делает несколько глубоких и резких движений, сжимает мои ягодицы, словно впечатывая в себя, и блаженная истома наполняет мое тело до самых кончиков пальцев ног. Он ещё двигается, а меня кружит в волнах удовольствия, качает прибоем, кружится голова, а перед глазами рябит солнечный свет, отражаясь от глади морской шкуры.

С глухим стоном Арр падает на меня всем весом, вжимая в постель. Я обхватываю его руками, желая слиться с ним, стать его частью.

Ты как, малышка? – спрашивает он, откатываясь. Прекрасно, – шепчу я, улыбаясь. Жаль, что он не видит моего лица. – Ты великолепен. Пожалуй, это должен был сказать я, – фыркает мужчина, увлекая меня в себе на грудь. Я бездумно накручивая его влажные кудрявые волосы с груди на пальцы. Мне нравится это странное ощущение их упругости. – Виро, ты такая... настоящая. Хоть и ёкай.

Я молча смеюсь под маской. Да уж, я тот ещё ёкай!

Мне пора, скоро рассветет, – вздыхаю я. – Прощай. Больше не приходи, – напоминает он. – Не нужно. Так не зови меня, не вспоминай.

Я догадываюсь, что не вспоминать он не сможет. Мужчины – как с ними просто! В лунном доме говорили, что они так быстро привязываются к своим любовницам! Нужно только дать им то, что они хотят – и они вернутся снова и снова. Ю-Вей не оригинален в своих желаниях, вполне укладываясь в теорию любовных игр. Он – герой. Ему нужна женщина слабая, покорная, которую он может защищать и оберегать. Даже в любви, даже от самого себя. Такие мужчины – прекрасные мужья и отцы. Вот только «герой» он с той, кого считает едва ли не плодом своего воображения.

Я поднимаюсь с постели и заворачиваюсь в кимоно. Оглядываю комнату – не забыла ли чего? Подхватываю с пола пояс и убегаю, провожаемая его пристальным взглядом.

Уже в коридоре обнаруживаю, что вся дрожу. По внутренней стороне бёдер стекает его семя. Ноги держат меня с трудом. Ива Шантор, ты дура. Настоящая абсолютная дура. Зачем ты это делаешь? А если ты забеременеешь вот прямо сегодня – как ты объяснишь этот факт своему будущему мужу? И без того ты придёшь в его объятия не невинной девицей, подтверждая все его подозрения и обвинения. Идиотка, какая же ты идиотка!

Вернувшись в свою спальню, сбросила кимоно, натянула ночную сорочку, наскоро обмылась в тазу. Долго копошилась в сундуке: нервно, почти что плача, пока не нашла тот самый флакон. Благословите все боги мою мать-аптекарьшу! Я смеялась, когда она клала в мои вещи противозачаточные пилюли, уверяя, что моей задачей как раз и является скорейшая беременность. Но она

только качала головой, советуя быть осторожной.

И вот теперь я судорожно глотаю большой травяной шарик, запивая водой. Пилюля норовит застрять в горле, я кашляю, утирая слезы. Горло саднит.

И ведь матушка мне рассказывала, что нужно начинать их пить заранее, а я и не подумала об этом. Только бы пронесло вот сейчас! Никогда больше не наряжусь Виро! Достаточно с Армана и законной супруги!

Я долго дрожу под одеялом, не в силах согреться. Невольно вспоминаю, каким нежным и ласковым был Ю-Вей. Как сладко в его руках! Как терпелив он с неопытной девочкой! И как он глухо стонал мне в ухо, сжимая в объятиях... Завтра, уже завтра он станет моим на законных основаниях. Меня ждет самая настоящая брачная ночь.

Я, прикрыв глаза, представляю себя в розовом с золотом платье (другого подходящего у меня с собой нет). Арман рядом со мной – высокий, сильный, красивый. Мать его, смотрящая спокойно и величественно, сестра, невольно послужившая причиной моего триумфа. Принц и его свита. Потрясающе – на моем бракосочетании будут самые высокие гости. Жаль только, родители не приехали и пира не будет традиционного. Но я, пожалуй, переживу. Самое главное – что мы будем вместе, теперь – всегда. Я стану женой Армана, а как – в сущности и неважно.

А потом мы поедem в мой замок, будем там жить вдвоем, наслаждаясь каждым днем. Я рожу ему сына, нет, двух. И дочку, дочери тоже хорошо. А потом он уплывет в свое плаванье (я, конечно, влюбленная дурочка, но не настолько, чтобы не понимать, что Арман далеко не тот человек, который будет сидеть возле моей юбки), а я буду его ждать. Отец ведь тоже уезжал по своим мужским делам, а мама терпеливо его ждала. Иногда неделями, один раз – даже полгода. Правда, после того случая мы переехали все в деревню клана Кио, и мама стала путешествовать вместе с отцом. Недолго – вскоре родилась моя младшая сестра.

С Арманом мне никто плавать не позволит, и это очень грустно. Но я смогу, я справлюсь, я сильная. Главное, что он ко мне вернется, иначе быть просто не может. **16. Неприятные условия**

Утро началось далеко не так радужно, как я представляла. Для начала в спальню заявился Арман: несвежий, помятый и плохо пахнувший. Подозреваю, что он специально показывался мне в таком неприглядном виде.

Ну что, Иветта, вы готовы изменить свою жизнь? – весело спросил он меня, потирая небритый подбородок.

Здесь, в Ранолевсе, он гладко брился, а в Ниххоне я запомнила его с короткой светлой бородой.

У вас есть предложение ко мне? – вскинула я брови, повыше подтягивая одеяло. Холодно в комнате, хотя за окном весна. Что же здесь твориться снежной зимой? Я так полагаю, что у меня нет выбора, – кивнул Волорье, присаживаясь на край постели. – Да и у вас тоже. Можете, конечно, отказаться, но вы – не вдова средних лет. После такого мужа найти будет затруднительно.

Я так не считала. Глупости какие, это высший свет. Здесь женятся исключительно по расчету. А у меня замок, деньги в банке и герцогский титул. Я могу поманить пальцем любого юношу из свиты его высочества, и они даже не вспомнят про небольшой такой скандал в купальнях. Но, разумеется, ничего

подобного я вслух не сказала.

Если это предложение, – устало пробормотала я. – То я согласна. Свадьба сегодня вечером. Матушка подготовит пир. У меня к вам вопрос, Ива. Да?

Вы говорили, мы можем стать друзьями? Говорила, – нахмурилась я. Давайте станем. Давайте будем честны друг перед другом. В конце концов, добрая дружба в браке лишней не будет.

Мне на миг сделалось страшно. Что он от меня хочет? Какой вопрос сейчас задаст? Похолодевшими губами я только и сумела выдавить из себя:

Я не против.

Тогда скажи мне по-дружески: ты невинна?

Нет, не зря я боялась этого разговора. Покачала головой испуганно.

Ива, не нужно меня бояться, – тихо попросил Арман. – Я ничего от тебя не потребую, просто спрашиваю. У тебя были любовники здесь, в Ранолевсе?

Кивнула, пряча глаза. Был. Один. Ты. Но я тебе в этом не признаюсь, потому что сама совершенно запуталась в своем маскараде.

Так, – Арман смотрел на меня без злости, просто грустно. – Ты точно хочешь выйти замуж именно за меня?

Снова кивнула, судорожно сжимая пальцами одеяло. Ах, как гадко я себя сейчас ощущала! Именно такой, как он обо мне думал с самого начала!

Хорошо. В таком случае я буду настаивать, чтобы наши... брачные обязанности... были немного отложены. До тех пор, пока не будет ясно, беременны вы или нет. Только прошу, не пугайтесь! Я ничего вам не сделаю. Не выгоню, не опозорю. Просто я должен знать, мне так будет спокойнее. Даже если у вас будет первенец от другого – он все равно станет герцогом Шантором. Простите меня, – хрипло выдавила из себя я, не в силах больше молчать. Мне не за что вас прощать, мы никаких обещаний друг другу не давали. Пока. Но потом... Впрочем, потом ваша верность или неверность будет моей проблемой. Вы... жестоки, – прошептала я, понимая, что он ни на минуту мне не доверяет. Я рационален. Глупо требовать от бабочки, чтобы она не летала по полю, сидя только на одном цветке. Она не создана для верности. Так вы пришепите ее булавкой к листу бумаги, – зло вскинула голову я. – И бабочка будет только вашей! Отличная идея, я так и поступлю, – кивнул равнодушно Арман. – Сейчас вам принесут завтрак, потом платье. Готовьтесь, герцогиня. До вечера.

Он вышел, а я, заскулив от жалости к себе, спряталась под одеяло. Ну а чего я от него хотела? Сама всё испортила, сама виновата.

Нет, я не должна плакать! Все получилось, как я хотела. Даже если вдруг – ребёнок, то герцога Шантора я заполучила. Просто покажу Арману маски и всё. Ну что он мне сделает? Будет злиться? Кричать? Переживу. Уж от своего ребёнка он точно не откажется.

Ничего страшного не произошло, я поняла, что справлюсь, и сразу повеселела. Подскочила с постели, раздвинула тяжелые портьеры, впуская солнечный свет в спальню, накинула халат и кликнула верного Макеши, чтобы разжег мне камин. К моменту появления будущих родственниц я уже была умыта, причёсана и совершенно готова к битве.

Леди Волорье – не графиня, просто леди – выше меня на целую голову и значительно крупнее. Рядом с ней я кажусь себе ребёнком. И сестра у Армана

явно уродилась в матушку. Она долговязая и одного с ней роста. Длинные руки и тонкая шея, лицо совсем ещё детское. Кажется, ей семнадцать? Меньше? Но северные девушки созревают поздно, Элиссон не выглядит на свой возраст.

Леди Ива, – кивает мне будущая свекровь, прекрасно зная, что обращаться ко мне следует «ваша светлость». Просто Ива, пожалуйста, – «не замечая» ее промаха я. – Как хорошо, что вы пришли, матушка. Взгляните, такое платье подойдёт для свадьбы? Другого у меня нет.

О, как скривились ее губы от этого моего «матушка»! Нет, леди-почти-моя-свекровь меня нисколько не стала больше любить со вчерашнего вечера! И я не могу ее упрекнуть за это. Кто я? Выскочка, да ещё дочь ненавистной ей женщины. Право, она ещё достойно держится!

Детка, я как раз хотела тебе предложить, – совершенно спокойно говорит леди Волорье. – Когда-то в этом замке твоя мать бывала так часто, что на чердаке остался целый сундук ее вещей. Фасоны, конечно, устарели, но некоторые вещи совершенно очаровательны. Я взяла на себя смелость...

Она разложила на постели чудесное бархатное платье цвета слоновой кости, с корсажем, расшитым кружевом и бисером. Да, столь низкое декольте и узкие рукава сейчас совершенно не в моде, и ткань слишком плотная, и юбка чересчур пышна. Но все равно – красиво невероятно.

Ты очень похожа на Аду, – вздохнула Волорье. – Должно сесть идеально.

Я и сама видела, что платье словно на меня пошито. Только под него нужен был особый корсет. И нижняя рубашка. И юбки ещё. Словно угадав мои сомнения, женщина мягко сообщила:

В замке есть швея, а Лиса – прекрасная рукодельница. Предлагаю попробовать чуть распустить платье в талии и закрыть это дело поясом. И вставить кружево в декольте, – попросила я. – Если это возможно. Для свадьбы вырез слишком фриволен. Ничего, есть грудь – значит, любой вырез уместен, – отрезала леди Волорье, вздрагивая уголками губ. – К тому же у нас тут одни мальчишки, они оценят.

Я фыркнула невольно, а Элиссон, или Лиса, как называют ее тут, залилась краской. Хорошенькая она, хоть и нескладная.

Одевайся, – скомандовала леди Волорье. – Лиска, а ты носи ножницы, иголки и нитки.

Девушка кивнула и выскочила с явным облегчением. Почти-свекровь уставилась на меня с жадным любопытством.

Деточка, что ты вообще думаешь об Армане? – прямо спросила она. Он очень красив, – меланхолично ответила я, снимая халат. – И благороден. Просто прекрасен. То есть... тебе он нравится? Я в него влюблена по уши, и он это прекрасно знает. Вот как... – женщина выглядела задумчивой. – Интересно. Знаешь, мне не нравилась твоя мать, но любить она умела, как никто другой. И своим друзьям была верна. Где ты росла? В монастыре? В Ниххоне в семье Авелин, – вздохнув, призналась я. – Только это пока секрет.

И случилось чудо: суровая складка у губ леди Волорье разгладилась и она улыбнулась по-настоящему, искренне и добро:

Я очень люблю Авелин, – неожиданно сообщила она. – И тебя буду любить, как ее дочь. Вот что, я совсем не против, чтобы ты звала меня матушкой. Или просто Гленной. Впервые встречаю в Ранолевсе человека, любящего Авелин, – удивилась я. О, моя бывшая невестка умна и красива, – шепнула Гленна. – К

тому же она живет в Ниххоне – разве можно ее не любить?

И засмеялась весело.

Платье село на меня идеально даже без корсета. Не нужно было ничего ушивать. В груди все же широкогато, но там как раз можно сделать пару защипов. Декольте обшили кружевом, в волосы вплели тот самый мой жемчуг. Поахали восхищенно, уверяя, что такой красивой невесты Белый замок еще не видел. Я ответила, что это пока – еще просто Элиссон не выросла. Словом, мы остались довольны друг другом, а особенно тем, что я прямо сообщила свекрови, что планирую как можно быстрее из ее замка убраться, а дуэнья мне теперь и вовсе не нужна.

Лиса, впрочем, немного расстроилась, она хотела ехать с нами, но леди Волорье выдохнула с таким облегчением, что я улыбнулась. Понимаю ее: отпускать единственную дочь вместе с двумя десятками блестящих молодых людей и весьма избалованным принцем, который, кажется, уже забыл свою маркизу и с восторгом глядел на дочь хозяев замка, она совершенно не желала.

Призрак больше не являлся – видимо, Макеши его изрядно напугал. Причем не только призрака: отца Армана моя скромная персона тоже нисколько не интересовала, он даже не соизволил меня поприветствовать. У меня сложилось впечатление, что он пил и много, не замечая ни сына, ни гостей. А братьев Армана я так и не увидела: все они были на службе, даже самый младший, которому едва исполнилось восемнадцать. Будь свадьба не такой поспешной, за ними, разумеется, послали бы, но сейчас не стали даже печалиться их отсутствию.

Мамы нет, отца тоже. Зато я выйду замуж за того, кого хотела – и очень быстро. Гораздо быстрее, чем могла представить в самых смелых своих фантазиях. **17. Замужем**

Сама свадьба запомнилась мне смутно. Кажется, зря я поддалась уговорам принца и выпила пару бокалов вина. Он уверял, что я слишком бледна, я верила – волновалась так, что руки тряслись. А ведь с самого утра я даже не ела – просто не могла. Всё-таки я впервые выхожу замуж.

К счастью, Арман слишком благороден, чтобы как-то прокомментировать мой лихорадочный румянец и блестящие глаза. Он-то совершенно не волновался, кажется, даже скучал.

В маленькой часовне со стрельчатыми окнами какой-то дядька в белом спрашивал, согласна ли я стать женой графа Волорье и быть его... кажется, собственностью... на веки вечные. Как будто лошадь ему продавали, право слово! Я изо всех сил сдерживала смех. Ответила, кажется, правильно. А потом был пир, если это можно было назвать просто пиром. Я с изумлением разглядывала изобилие блюд на столе. Это нам – или полку солдат? Неужели мы должны вот это все съесть и выпить? Даже горошек и морковь?

Вы пьяны, – констатировал Арман. – Какая сволочь посмела? Его высочество, – с удовольствием наябедничала я, зевая, и попыталась встать. – Арр, право слово... Я пойду в спальню. Иначе просто усну тут за столом, и вам будет за меня еще более стыдно. Пойдемте вместе, – кивнул Арман. – Где там ваш Макеши? Пусть принесет нам еды. Вы думаете, на завтра не останется? – удивилась я. Нет. Всё, что не съедят, отнесут в деревню – чтобы и наши люди порадовались за нас. Примета такая – еда со свадебного стола приносит в дом

счастье. Ох, какая ваша матушка заботливая. Осчастливит кучу народу!

Арман усмехнулся, а потом поднялся и попросту подхватил меня на руки. Под улюлюканье и восторженные вопли “надежды и цвета Северных провинций” понес меня в спальню, а я тут же сделала вид, что заснула у него в объятиях. Очень уж мне хотелось, чтобы он сам меня раздел и уложил в свою постель. Где он будет спать – со мной? В конце концов – брачная ночь же. Не бросит же меня в одиночестве именно сейчас?

Нет, не бросил. Распустил шнуровку платья, переворачивая, снял его – снова неприятно царапнуло его умение обращаться с дамскими нарядами. Осторожно вынул украшения из волос. Дальше раздевать не стал, уложил под одеяло на огромную постель, в которой вчера Виро занималась любовью с Ю-Ве-ем, а сам уселся за стол, раскладывая перед собой листы бумаги. Когда появился Макеши с подносом, я уже практически спала и совсем не слышала, о чем эти двое тихо и увлеченно беседовали. Как я поняла – не обо мне, а значит, и вовсе о чем-то неинтересном.

Проснулась рано, с несказанным удовольствием обнаружив, что муж... да, уже муж... спит со мной в одной постели. На самом краю кровати, голый до пояса. Подползла к нему ближе, уткнувшись носом в спину, вдыхая его запах. Ах, как он пахнет – кожей, мужчиной, соленым ветром! Так бы облизала его всего с ног до головы, так бы и нюхала вечно. Он вздрогнул от моего прикосновения, я застыла. Только бы не проснулся! Потом ведь не позволит к себе прикоснуться. Снова расслабился, дыша ровно и глубоко. Повернулся на спину, позволяя себя разглядеть.

До чего он все-таки хорош собой: и большой породистый нос с горбинкой, и вихор золотистых волос на высоком лбу, и мужественный подбородок. Никакие ницхонцы с ним красотой не сравнятся. У Армана широкая волосатая грудь и сильные плечи. Мне так хочется вжаться в него всем телом, лечь на его грудь и слушать стук его сердца, но все, на что я решаюсь – прижаться лбом к его руке и замереть от счастья.

Как же я его люблю!

А он меня не любит нисколько, но я верю – моей любви на двоих хватит. Я буду ему самой нежной, самой покорной женой. Все, как он захочет, буду делать.

Заворочался, просыпаясь, потягиваясь – я еле успела отпрянуть, пряча глаза. Сел на постели, ероша светлые волосы и потягиваясь, обернулся на меня, поморщился:

Вы в порядке, Иветта? Голова не болит? Пить очень хочется, – призналась я. – А так – всё хорошо. Я отлично себя чувствую. Что ж, и каковы ваши дальнейшие планы, жена? Хочу в свой замок. Как можно быстрее. А ваши... муж? Дайте мне пару дней, я проверю счета и съезжу в деревню, а потом двинемся дальше. Все же матушка тут одна управляет, от отца толку мало.

Я кивнула. Мать Армана мне нравилась, а с сестрой я даже не поговорила толком. К тому же хотелось тут осмотреться и узнать, как всё устроено. Скорее всего, и в моем замке те же порядки, и во всех замках Севера живут одинаково. Мама Авелин учила меня многому: считать, писать, вести хозяйство, немного рукодельничать и разбираться в травах, а отец – видеть ложь и находить общий язык с людьми. В самом деле – он удивительный человек, достойный всяческого восхищения. Кажется, у него вовсе не было врагов, кроме óни,

даже с ёкаями некоторыми он находил общий язык. Ни мама, ни я, ни братья так не умели, только Янголь унаследовала этот его дар.

Говорят, что женщина выбирает себе мужчину, похожего на отца, но это неправда. Арман совершенно не похож на Акихиро Кио, это потому, что другого такого просто не может существовать. Маме невероятно повезло, да и мне тоже. Говорят, родные мои родители были совсем другие. Кем бы я стала, если бы росла с ними – второй Адой Шантор? И хотя мне с детства говорили, как сильно меня любила моя мать, какой она была самоотверженной и смелой, я уже начала ее стыдиться. В Ранолевсе, похоже, она оставила о себе очень плохую память!

Не утерпела, спросила Гленну, которая показывала мне замок, помнит ли она... Очень боялась, что свекровь расскажет то же самое, что Арман – про своего супруга и мою мать, но, как ни странно, леди Волорье не стремилась очернить Шанторов.

Аду я, конечно, помню, – сказала она. – Красивая она была невероятно, очень живая, яркая. Смеялась, танцевала, очаровывала. Маленькая такая яркая птичка. Шантора своего она обожала, это было видно с первого взгляда. Надеюсь, ты не будешь так же сильно любить моего Армана, с ним так нельзя. Он ужасный эгоист!

Я посмотрела на нее удивленно, не понимая, как можно любить вполсилы. Это ведь невозможно!

Никогда не растворяйся в мужчине, Ива, – тихо сказала Гленна. – И никогда не люби себя в нем. Будь самодостаточна. Поверь, я знаю, о чем говорю.

Я вежливо кивнула, пропуская ее совет мимо ушей. Видимо, леди Волорье никогда просто не любила, вот и говорит странные вещи.

Замок был основательным. Особенно меня впечатлили огромная библиотека и обсерватория в башне. Настоящая подзорная труба, да еще такая огромная!

Это телескоп, – пояснила запыхавшаяся Гленна, которой подъем на башню дался нелегко. – Арман любит. Он вообще с детства грезил морем и звездами. Перечитал множество книг. Не было ни малейшего сомнения, кем он станет. Удивительно, – я осторожно потрогала трубу, не решаясь даже в нее заглянуть – Арману явно не понравилось бы это. – У вас очень... надежный замок. Крепкий. Да. Обстоятельный. Он принадлежит нашей семье много веков. Когда-нибудь, возможно, и твои дети будут тут жить.

Промолчала, не напоминая, что у меня тоже есть замок и, наверное, ничуть не хуже этого. Спустились вниз, в столовую. Я поинтересовалась у Лисы, где принц.

Охотятся, – махнула она рукой. – Им скучно тут. А Макеши с ними?

Нет. Ваш... раб... Телохранитель.

А, да. Он был в кухне.

Я кивнула удовлетворенно. Макеши явно нашел самое теплое место, за него можно не волноваться. Отпустить его, что ли, в Ниххон? Нет, не пущу. Обещал быть рядом со мной по крайней мере до приезда родителей – пусть так и будет. К тому же с ним я спокойна и в безопасности. Не то, чтобы я сомневалась, что Арман может меня защитить, да только Армана рядом я что-то

не вижу, а Макеши – вон он, выглядывает из дверей кухни, довольный и явно накормленный до отвала.

Как тебе замок? – спрашиваю я его. Слабо. Башни полуразрушены, подземный ход запущен, колодец внутренний засорен. Запасов пищи не хватит и на полгода. Гарнизона нет вовсе. Приходи, кто хочет, бери, что хочешь. Непорядок. Так ведь мирное же время! – вскидывается Гленна. – Нет ни голода, ни угроз восстания. Шанторы тоже так думали, и чем всё это кончилось? – парировал Макеши спокойно. У нашего короля нет больше братьев. Это пока. А лет через двадцать будет другой король, у которого, кажется, еще даже целых два брата. Ну, через двадцать лет о гарнизоне пусть вон муж Лиски думает, – махнула рукой леди Волорье. – А насчет колодца – твоя правда, прикажу прочистить. И башни надо чинить, да некому. Сыновья разлетелись, муж пьет. Вот может, Арман осядет на Севере хоть на пару лет, займется.

Ее слова мне понравились, действительно: мне ведь надо сына родить, а для этого муж должен быть рядом. А ежели он еще восстановлением родительского замка займется, то и подождет его море. К тому же ребенок может появиться не сразу, а может, сначала и вовсе родится девочка. Широко улыбнувшись свекрови, я принялась ее расспрашивать, где она берет деньги на хозяйство, что здесь, в этих местах выращивают, какая дичь тут водится и каким ремеслом заняты люди. Новости меня радовали: в собственности рода Волорье были и железные шахты, и кузни, и плавильни, и даже один небольшой оружейный заводик, которым заведовал брат Армана.

А что касается соседних владений Шанторов, так там управляющий грамотный и честный, барон Регнар. Когда ему земли эти отдал прежний правитель, барон сразу сказал, что прав на замок и леса вокруг никаких не имеет, поэтому будет беречь вверенное ему имущество для истинных хозяев, то есть, получается, для меня. Слывет барон затворником, не женат, детей не имеет, живет вместе со своей сестрой и королю ежегодно о доходах отчитывается. Сама Гленна в замке Шантора не бывала ни разу, а Арман утверждает, что Регнар – мужчина честный до неприличия, стало быть замок я найду в полном порядке.

Что ж, меня это только радовало. Денег у меня много – и родители далеко не бедствовали, и на счетах еще золото Шанторов оставалось, за пятнадцать лет многократно банкирами преумноженное – я узнавала. Я была готова к тому, что замок придется восстанавливать из руин, но если он процветает – то тем лучше для меня. Вот поеду и посмотрю на этого самого Регнара, какой он из себя. Может, мне и делать ничего не нужно будет – просто довериться ему.

18. Дом

Арман закончил свои “неотложные” дела довольно быстро, я даже не успела соскучиться. И с Лисой познакомиться поближе не вышло – девчонка, кажется, шарахалась от меня, как от огня. Впрочем, она вообще была какой-то дикой, да это и не удивительно. Она родилась в этом замке и никуда отсюда не выезжала. А какое здесь общество? Вечно пьяный отец, сумасшедший дед (он умер всего пару лет назад), изредка наведывавшиеся братья и властная хозяйка-мать, против которой немислимо даже слова вымолвить? Я и то ее немного опасалась, а ведь я – не просто деревенская девчонка, я в клане Кио училась несколько лет. На самом деле я могла эту грузную тетку убить – меня

учили. Это знание помогало мне держаться уверенно. Ну – и я выше ее по статусу. Пустячок, а приятно.

Я честно пыталась найти с Лисой что-то общее. Может быть, она разбирается в вышивке? Или в геральдике? Или в ниххонских гравюрах? Но нет, девушка только моргала и молчала в ответ на мои рассказы. В конце концов я махнула на нее рукой. Делать мне больше нечего, как находить подход ко всяким странным девицам! Нет, мне невтерпех увидеть мой собственный замок.

Выехали поутру втроем: я, Арман и Макеши, на этот раз – верхом. Сундуки мои и Армана доставят следом. Владения Шанторов граничат с землями Волорье, уже к вечеру мы будем дома.

Дома!

Мой дом раньше был там, где родители. Я везде чувствовала себя преотлично: и в хижине на Островах, и в крошечном домике ниххонской деревушки, и в Эльзании в квартирке над аптекарской лавкой (каждое лето мы ездили в гости к маминой родне). В покоях императорского дворца, в придорожной гостинице, в замке Волорье – везде мне было хорошо. А своего дома у меня не было никогда, родители не сидели на месте. Такая уж у Акихиро Кио служба – постоянно он в разъездах, а мама вечно следовала за ним. Поэтому к замку Шанторов я подъезжала с трепетом в душе. Это – мой дом, настоящий. Я здесь родилась.

Старалась, впрочем, не думать, что тут убили моего отца и еще кучу народу. После призрака графа Волорье, конечно, меня это пугало. Но со мной был Макеши, который призраков этих мог легко изгнать. Он и Арману предлагал свои услуги, но Арр только рассмеялся, заявив, что Ральф – парень бесплотный, а значит – совершенно безобидный. Никому он не мешает, даже забавляет.

Ну-ну, мне как-то было невесело, но в конечном итоге призрак мне очень помог в реализации моих сложных планов, поэтому ладно – пусть остается. Не жалко.

Замок Шанторов построен гораздо раньше Белого замка, – неторопливо рассказывал мне Арман по пути. – Оттого от меньше, мрачнее, окна там узкие, стены – толстые. Зато зимой он теплый. Внутри много погребов, складов, несколько колодцев. Такой замок строился, чтобы выдерживать осады – даже несколько лет. Там высокие стены, ров, сторожевые башни. А потом люди изобрели пушки и мортиры, и стена была разрушена, и часть башен тоже. Замок буквально изнасиловали люди короля Люциуса. Конечно, Регнар – отличный управляющий. Он все восстановил, вот увидишь. А как вышло, что он живет в моем замке? После смерти последнего герцога Шантора, король Люциус подарил замок одному из безземельных дворян, надеясь таким образом завоевать его расположение. Регнар уже тогда имел репутацию невероятно честного и упертого человека. И он не подвел: когда стало известно, что дочь Шантора жива, он сразу заявил, что никаких прав на замок он не имеет, готов лишь жить в нем, как управляющий. Ада была не против.

Я кивнула. Мне был любопытен этот Регнар, он живо напомнил мне героев ниххонского эпоса, которые были вот так же нестигаемы и служили не правителям, а лишь своему народу и чести.

Что же, я слышала, что он не женат и детей у него нет? – с интересом спрашивала я мужа. Не женат, но... впрочем, сами увидите. У него есть воспитан-

ник, кстати. Вполне достойный молодой человек. Тоже живет в моем замке? – я ревниво хмурила брови. Не жадничайте, замок большой, на всех хватит. Уверен, что вы с ним подружитесь. Хотя... теперь уже я готов жадничать. Жерар – весьма интересный мужчина, а вы, Ива – молодая девушка... Если вы желали со мной поссориться, то вам это удалось, – ледяным тоном ответила я, закусив от злости губу. Полно, я ничего неприличного не имел в виду, – фыркнул Волорье, но я уже обиделась.

Остаток пути прошел в тягостном молчании. Пару раз Арман пытался мне что-то рассказать, но я отворачивалась надменно, и он перестал обращать на меня внимание, разговорившись с Макеши о всяческой нечистой силе, потом – об Ильенских островах. Их разговор был очень любопытен, я и не представляла, что Островов – много, и народы, их населяющие, совершенно разные, как по развитию, так и по внешнему виду. Есть невысокие племена ростом с десятилетнего ребенка. Есть людоеды. Есть, напротив, совершенно миролюбивые туземцы, которые даже животных не убивают, питаются одними фруктами и овощами. Ужасно интересно всё это, жаль, что на Острова я вряд ли теперь вернусь, ведь мой новый дом здесь, в Ранолевсе.

Да, вот этот серый приземистый замок с круглыми башнями по углам и есть замок Шанторов. Мы приехали.

Нас ждали, нас встречали: над воротами реял флаг – зеленый с белым листком клевера. И рядом, поменьше – алый с черным волчьим следом. Зеленый – официальный цвет герцога Шантора. Не спорю, мне было приятно то, что Регнар так явственно меня приветствовал.

Огромные деревянные, обшитые металлическими полосами ворота были открыты нараспашку. На крыльце замка стоял седой невысокий мужчина с военной выправкой, не иначе, как сам Регнар. На вид ему было лет шестьдесят, а то и больше.

Герцогиня Шантор, – он поклонился легко и изящно. – Приветствую вас. В замок вернулась хозяйка, это великое благословение. Вот уж шестнадцать лет, как эти земли осиротели. Благодарю вас, барон, – бойко ответила я. – Не представляете, как я счастлива быть здесь!

Он кивнул сурово, но, кажется, довольно благосклонно, и вперил мрачный взгляд в сопровождавших меня мужчин.

Арман, мальчик мой, а ты здесь зачем? Я – муж герцогини, – с кривой усмешкой отвечал Волорье. – Так вот вышло. Ловко! – в голосе управляющего раздражение пополам с восхищением. – Подсуетился? Боюсь, что это была моя инициатива, – немедленно бросилась я на защиту супруга. – Я его выбрала! Не стоило, – процедил сквозь зубы Арман, спешиваясь. – Учитесь молчать, Ива. Вам это пригодится в будущем. Что я опять сделала не так? – шепнула я, обиженно надувая губы и спрыгивая в его объятия. Вы унизили мое мужское достоинство. Чем? Тем, что я выбрала вас? Но это чистая правда! Утомонитесь, мы поговорим об этом после, – Арман сверкнул своим глазом как-то уже очень гневно. Пришлось замолчать, лишь виновато улыбнувшись.

Нет, я совершенно не понимаю здешних мужчин! В Ниххоне было честью стать избранником знатной дамы. Здесь, видимо, всё по-другому. Молча и нервно стянула перчатки, пройдя в просторный холл. Здесь, действительно, было куда теплее, чем в Белом замке. Не просто телу, а даже и глазам. Стены и пол обшиты светлым деревом, резные потолки побелены, на полу – красивый

яркий ковер. Никаких камней, никаких шкур и кабаньих голов над камином, как я боялась. Все просто и очень светло. Под потолком огромная люстра на толстой цепи.

Ремонт сделан довольно давно, – пояснил Регнар. – Но все здесь в достойном состоянии. Впрочем, если желаете... Мне все нравится, – с восторгом ответила я. – Кто выбирал материалы? Моя... сестра, леди Регнар. Где же она?

В столовой. Не желаете ли поужинать?

Поужинать мы желали. Скинули дорожные плащи, умылись и прошли в небольшую столовую – тоже светлую и с резным потолком. Там нас встречала светловолосая круглолицая женщина и молодой человек, столь явственно похожий на барона Регнара, что я сразу поняла все заминки Армана. Воспитанник? Как бы не так – сын. Бастард, скорее всего. Что ж, барон не женат, ему позволительно. Тем более, что от своего ребенка он не отрекся.

Ижен, позволь тебе представить герцогиню Шантор, а с ее супругом ты давно знакома.

Женщина приподняла светлые брови домиком, засмеялась удивленно. По ее лицу побежали морщинки, и я только сейчас поняла, что она, пожалуй, ровесница самого барона. С братом они были совершенно не похожи ни лицом, ни глазами, ни даже статью. Кажется, Ижен была немного выше Регнара.

Это Макеши, – представила я своего телохранителя. – Он с Островов. Макеши мне верный слуга, даже нянька, поэтому я настаиваю, чтобы в этом доме к нему относились с уважением. Что ж, тогда я принесу еще один прибор, – легко согласилась Ижен. – Прошу к столу, господин Макеши.

Тот кивнул, не став ее поправлять. Огляделся и снова кивнул. Очевидно, счел столовую местом безопасным.

Ужинали в неловком молчании, присматриваясь друг к другу. Если бы не Арман, который непринужденно завел разговор о снежной зиме и видах на урожай, и вовсе было бы тягостно. Регнар с готовностью тему подхватил, вывалив на наши неподготовленные головы кучу прогнозов: и капусту-то будут нынче сажать, а ниже, в долине, рожь, рапс и еще что-то там, я не запомнила. Арман выглядел немного ошарашенным, он все же морской адмирал, наверняка в местном земледелии не разбирался, а я уже просто засыпала на ходу. В другое время с радостью бы послушала и про то, что нынче будет яблочный год, и про неурожай прошлых лет, но сейчас у меня хватило сил лишь на то, чтобы спросить тихонько у Ижен, готовы ли для нас спальни и есть ли горничная, чтобы помочь мне искупаться.

Ижен заверила меня, что все готово, даже ванная наполнена. Вот только спален подготовили несколько, никто не ждал, что я так быстро обзаведусь супругом. Честно говоря, мне было все равно, с кем спать сегодня – только бы были простыни свежими, а камины протопленными. А еще – чтобы на постели не было балдахина.

Мне повезло: спальни тут тоже были достаточно современными. Никаких купидонов на потолках, никаких бархатных портьер и позолоты. Шелковые обои, простая и удобная мебель, занавески – легкие, воздушные.

В замке узкие окна и мало света, – виновато пояснила провожающая меня Ижен, видя, как я щупаю ткань. – Вот я и взяла на себя смелость... Но если вы пожелаете, можно найти более роскошные ткани. Нет-нет, – заверила ее я. –

Все прекрасно, мне очень нравится.

А вот ванная комната была весьма роскошна: большая фарфоровая ванна на золоченых львиных ножках, мрамор, красное дерево. И настоящий стульчак в нише, совсем как в ниххонских знатных домах (впрочем, в деревне Кио тоже всё было устроено крайне рационально) – не какая-то там ночная ваза! Мне всё здесь нравилось! Более того – я пребывала в восторге!

Едва не заснула в ванной, была выловлена, вытерта и уложена в постель двумя ловкими женщинами. В сон провалилась мгновенно, даже не вспомнив про супруга. **19. Ива против Виро**

Арман, как оказалось, пожелал для себя отдельную спальню. Наговорил всякого: дескать он храпит, лягается и кричит во сне. Все это мне поведала разбудившая меня Ижен. Она принесла несколько платьев моей матери, помогла мне одеться и с острым любопытством расспрашивала об обстоятельствах моего поспешного брака. Я вяло отбивалась, не желая об этом беседовать хотя бы до того момента, как обсужу эту тему с Арманом. Он ясно дал мне понять, что стоит придержать язык – что ж, я буду послушной женой.

Супруг мой нашелся в библиотеке, уже бодрый, веселый и, кажется, совершенно довольный жизнью.

Для чего вам отдельная спальня? – первым делом спросила я. Не желаю ни с кем делить свои сны, – усмехнулся он. – Вы обиделись? Напрасно. Так принято среди знатных семейств. У каждого из супругов своя постель, а встретиться они могут в любой из них. Поверьте, это очень удобно.

Я отвернулась, проведя пальцем по корешкам книг и совершенно не зная, как возразить. Я хотела спать с ним. Мои родители всегда спали вместе, но он, наверное, прав: просто в домах, где мы жили, было не так уж много места. Братья мои тоже спали на одной постели, а в Ранолевсе у каждого ребенка была своя комната, я уже знала. Разумеется – у аристократов.

И все же мне было бы спокойнее с вами, – тихо призналась я. – Особенно зная, что в этом замке убили моего отца. А вдруг тут тоже есть призраки? Никогда об этом не слышал, – пожал плечами Арман. – Но даже если и так, то у вас есть Макеши. Пусть охраняет ваш чуткий сон, это его работа. Это всё, для чего вы меня искали? На самом деле, нет, – я вздохнула и рассказала о вопросах, задаваемых Ижен. – Что мне ей сказать? Ничего не говорите, – равнодушно бросил Арман. – А если она будет назойлива, тоже спросите ее невзначай, чей сын – Жерар. Уверяю вас, больше она не задаст ни одного вопроса. Почему? А чей он сын?

Ижен, разумеется. Как – Ижен? – растерялась я. – Но... я думала, это бастард Регнара. Да.

Но... – мне стало трудно дышать, я никак не хотела верить. – Но они же брат и сестра! Ижен старше Регнара на пару лет. И она ему сестра только официально. На самом же деле ее мать была беременна, когда выходила замуж за отца Регнара. От кого – история умалчивает. Связь Регнара с его “сестрой” абсолютно недопустима по законам человеческим, но на самом деле ничего ужасного тут нет. Только никто бы их не понял. Вот и живут они в этой глуши – наверное, счастливо, кто их знает. Свои в курсе, а чужаки тут бывают

редко, и для них – Жерар лишь воспитанник Регнара. А титул?

На титул он права не имеет, даже на фамилию. Но, возможно, Регнар догадается признать сына бастардом и единственным наследником. Только для этого нужно выбраться из замка, а барон сидит тут, как крот, последние пятнадцать лет. Это ужасно, – покачала я головой. Это жизнь, птичка моя. Твои вопросы закончились? Ты уже решила, что будешь делать дальше? Осмотрю замок, наверное... Съезжу в деревню... Не желаете ли со мной? Избавьте меня от этого, – поморщился супруг. – Мне хватило матушкиных проблем с арендаторами. Пусть вам все покажет Жерар, его здесь знают и любят. Уверен, он скоро во всем заменит своего отца.

Я снова отвернулась. По дороге сюда Арман недвусмысленно дал мне понять, что не желает, чтобы я подружилась с Жераром, а теперь вот сам настаивает на том, чтобы он меня сопровождал. Как мне его понимать, как не опшиться? Это испытание, экзамен? Или ему в самом деле просто на меня плевать?

В замке было интересно. Столько комнат, столько кладовых! Казематы в подвале, сторожевые башни с арсеналом, три колодца, погреб. А еще два подземных хода и чердак. И везде – безукоризненная, безупречная чистота. Все финансовые бумаги идеальны, к домовым книгам не придраться. Барон Регнар держал хозяйство в твердых руках. Мне здесь было делать совершенно нечего, разве что гулять и развлекаться. А еще на мой счет ежегодно поступала весьма приличная сумма денег. Жалование сам себе Регнар выделил разумное, я, посоветовавшись с Арманом, велела увеличить его вдвое, да еще дабыла, что оно останется за бароном до самой смерти.

Места здесь красивые, мне нравилось. И лес, и горы на востоке и севере, и шахты, до которых я добралась в первую же неделю. Сопровождал меня Жерар, который во всех делах отлично разбирался. Вообще он был очень интересным молодым человеком лет двадцати пяти. Умный, спокойный, где-то даже ехидный, со мной он обращался чрезмерно уважительно, во всем соглашался. Какой контраст с вечно высмеивающим меня супругом! Жерар живо напомнил мне отца, Акихиро Кио, тот тоже никогда не повышал голоса и был очень терпелив с близкими людьми. Жерар мне нравился. Я ни в коей мере не рассматривала его как мужчину, он меня вовсе не привлекал, а вот дружбу с ним оценила. Никогда он не смеялся, даже если я задавала совершенно нелепые вопросы, все обстоятельно объяснял и не раздражался моей нетерпеливостью.

Арман и не думал меня ревновать, что было очень обидно. Не то, чтобы я давала повод – но когда твоя супруга от восхода солнца до самой темноты пропадает где-то с другим мужчиной – тут даже святой бы задумался. Возможно, Волорье ни о чем не волновался, потому что Макеши везде сопровождал меня молчаливой тенью, но я так думаю – супругу просто плевать, где я и с кем.

Когда у меня начались ежемесячные женские неприятности, я обрадовалась и немедленно ему об этом доложила, но от только вяло кивнул.

– Иветта, дайте мне еще немного времени, – попросил он.

Я все поняла. Я была ему совершенно не нужна. А Виро? Виро нужна?

Не удержалась, не смогла. Как только позволило самочувствие, надела ки-

моно и маску и пришла в его спальню. Даже не для того, чтобы заняться с ним любовью, а просто посмотреть, что из этого выйдет.

Он ждал, я поняла это по глазам, по нетерпению, с которым он подался мне навстречу.

– Я тебя звал, – упрекнул меня Ю-Вей. – Ты мне снилась, но как-то не так.

– Далеко ты спрятался, – усмехнулась я, подавая ему неизменный дурман-чай. – Насилу нашла тебя среди лесов.

– Иди ко мне.

Выпил чай, подхватил меня в объятия, отнес на кровать. Как всегда, был нежен и ласков.

Я потом рыдала до утра, не понимая, почему так. Почему я не могу спать со своим законным супругом? Почему он просто не потерпит? Нет, наверное, я не хотела, чтобы он, закрыв глаза и представляя другую, попросту исполнил супружеский долг, наверное, быстро, холодно и безучастно. Но и быть Виро я больше не хотела. Только почему-то через несколько дней снова... пришла к нему.

Так прошел месяц, до этих чудесных мест тоже добралось самое настоящее лето. С полями, цветущими травами, бабочками и поющими птицами. С овцами на лугах, с работами в шахтах, где теперь пропал Жерар, с первыми урожаями. Поначалу мне это всё ужасно нравилось, все было внове, но уже через пару недель я готова была выть от тоски. Неимоверно скучно, не с кем даже поговорить. Ни подруг, ни мало-мальского собеседника. Арман торчал в библиотеке с Макеши, рисуя какие-то карты, Ижен, после вопроса о том, где родители Жерара, разговаривать со мной вовсе не желала, ссылаясь на вечную занятость, а старик Регнар мне казался ужасно суровым. Я его побаивалась. Да и о чем с ним разговаривать – об урожаях что ли?

– Вы отвратительный муж, Волорье, – сообщила я как-то Арману за завтраком.

– Аргументируйте.

– Мне скучно. Даже поговорить здесь не с кем. А вы совершенно не уделяете мне внимания.

– О чем мне с вами разговаривать? О вышивке или о мужчинах? Что вам интереснее?

– Если выбор так скуден, то, пожалуй, о мужчинах, – смотрела на него прямо, не пряча глаз. – Поговорить нам давно стоит откровенно, вы не думаете?

– Возможно и стоит, – криво усмехнулся граф. – А кстати, не хотите ли съездить в Белый замок, развеяться?

– К вашему бесплотному предку в гости? Благодарю покорно. В столицу хочу, – неожиданно для себя заявила я. – Там давно уж прибыла ниххонская делегация, там танцы, гулянья, а я тут от мух отбиваюсь.

Понимала, что это было дерзко, даже нагло, но мне было уже всё равно. А муж неожиданно задумался.

– А почему бы и нет? – пожал он плечами. – Мне в вашем замке, признаться, тоже наскучило, слишком уж тут... чисто и благородно, – он кивнул к прислушивающемуся к нашему разговору Регнару. – Мы здесь и не нужны вовсе, и без того все как по маслу. Барон, как бы мне переманить вас в Белый замок? Там всё гораздо печальнее.

– Не выйдет, – усмехнулся старик. – Я здесь так давно хозяйничаю, что врос

уже в эти стены. Видимо, буду как призрак прошлого графа Волорье – навеки тут обитать.

– Никаких привидений в моем замке, – поспешно попросила я. – Я – натура нервная, чувствительная. Прикажу ведь разнести по камушкам замок и заново сложить! К тому же вы мне нужны, барон. Здесь еще моим сыновьям расти, а вам – учить их вести хозяйство.

– И какую же роль вы отводите мне, драгоценная моя жена? – прищурился Арман.

– А вы будете в плавании, мой нелюдимый супруг, – бросила я небрежно. – Кажется, это всех более, чем устроит. Спасибо, я сыта.

Бросила на стол ложку, встала и удалилась. Как же я была на него зла! Не будь у нашей беседы свидетелей, я бы еще много чего сказала: и про то, что отцом моих детей вполне себе может быть другой мужчина, и про развод, мысль о котором уже приходила мне в голову, и про мужскую несостоятельность моего супруга. Может, и хорошо, что сумела промолчать: вряд ли бы Арман так просто спустил мне эти оскорбления. Ответил бы, я бы еще что-то сказала... Рассорились бы насмерть, это я умею.

А вообще, конечно, он не виноват. Это я затеяла брак, в котором он не нуждался, это я ему навязывалась. Он меня любить вовсе не обязан. Наверное, я вот такая – глупая, никчемная и непривлекательная. **20. Уроки любви**

Арман к вечеру снова закрылся в библиотеке. Мы не разговаривали весь день, избегая друг друга. Если и сталкивались в коридоре, то молча проходили мимо. Мне хотелось выть, хотелось бежать отсюда прочь – к маме и папе. Хотелось снова стать ребенком, маленькой девочкой. Как нужны мне те большие руки, в которых можно укрыться!

Вечером приказала горничным собирать мои вещи: хочет Арман или нет, а я возвращаюсь в столицу. Я сама себе хозяйка, тем более мужем он мне так и не стал. Или стал, но не он, а Ю-Вей. Или не мне, а Виро. Я запуталась!

Надела в очередной раз кимоно и маску, выскользнула в коридор. Макеши уже даже не комментировал, просто выразительно закатил глаза. Плевать. Мне сейчас так нужно тепло! Объятия нужны, в которых можно забыться. Самообман? Что ж, пусть так!

Он ждет. Говорил – каждую ночь обо мне мечтает.

– Виро, ты пришла, – в голосе Армана звучит непривычная мне нежность. Это одновременно и приводит меня в трепет, и злит. Увлёкся глупой девчонкой из лунного дома. А жена ему не нужна!

Молчу, как всегда, спокойно развязывая пояс кимоно, но Арр в этот раз удивляет.

– Нет, у меня другие планы, качает он головой. – Сегодня ты снимешь маску.

Понятно. Нет, боюсь – это плохой вариант. Мне не нравится. Завязываю обратно пояс. Отворачиваюсь, берусь за ручку двери.

Он смеётся.

– Постой, загадочная! Ночь за окном, слышишь? Я задую свечи. Закрою портьеры. Обещаю, мы не увидим друг друга. Только наощупь.

– Поклянись, – шепчу я.

– Клянусь.

Я киваю. Хочу! Хочу целовать его везде, ласкать губами. Сегодня мне это мучительно нужно, кажется, я умру, если не прикоснусь к нему, не впитаю его силу и спокойствие. Он, улыбаясь, гасит свечи. Комнату наполняет такой густой мрак, что что я даже пальцев своих не вижу.

– Ты где? – тихо зовёт меня Арман. – Ты исчезла? Сбежала?

– Нет, я тут, – пошла на голос, натываясь на его тело.

Он тут же обхватил меня руками, сминая шёлк кимоно в складки. Прижал к сильной груди и шепнул:

– Ну же, снимай маску. Мне не терпится тебя поцеловать.

Я застыла. Целоваться-то меня и не учили. Не принято это в Ниххоне. Я целовалась лишь однажды – с ним. В тот день, когда он меня отверг в первый, но далеко не в последний раз.

– Что не так, птенчик?

– Я...

– Не умеешь? Я так и думал, – усмехнулся Арман, пальцами поглаживая мои губы. – Буду учить. Сегодня – только поцелуй.

– Нет! – возмущённо шепнула я.

– Да. И не спорь. Будешь послушной девочкой – получишь награду.

Сам развязал ленты. Взъерошил мои волосы пальцами. Покрыл поцелуями лицо – короткими, нежными, такими... любящими? Он словно ощупывал меня губами. Потянул зубами за нижнюю губу. Я всхлипнула, обвивая руками его шею. Я очень хотела, очень! Люблю его отчаянно. И кричала бы, признавалась бы постоянно, но слов таких нет, чтобы передать все мои чувства, да и не нужны ему эти слова. Я для него – лишь игра. Зато... зато он мой – весь. В этой вязкой темноте, где смешивается дыхание, где каждое прикосновение – как удар. Подталкиваемая Арманом, я вдруг спотыкаюсь о постель и падаю, взвизгивая. Он падает сверху, вышибая из меня дыхание. Тяжёлый, как камень. Такой... желанный. Поднимается на руках, нежно, легко находит на ощупь мои губы, прихватывает их губами. И внутри меня расцветает огненный цветок. Поцелуи – это сладко. Горячо. Он раздвигает мои губы языком, бесстыже берет меня одной только этой лаской, медленно, упоительно, наслаждаясь каждым миготом. Я царапаю его плечи, прижимаюсь бёдрами к его паху, явственно ощущая его желание. Губы, терзавшие мой рот, вдруг поплыли ниже. Подбородок, шея, ямочка между ключицами. Шёлковый пояс, наконец, развязан. Его руки везде. Он словно укутывает меня в поцелуи. А потом раздвигает мои бедра и приникает горячим ртом к самому центру моего возбуждения. Это как удар, как молния. Меня учили, что женщина не должна терять себя в мужских руках. Что она должна отдавать, а не отдаваться. Но сейчас именно я извиваюсь и жалобно мяукаю от невероятных ощущений.

Отрываясь от меня, Ю-Вей тихо смеётся.

– Что ты теперь думаешь о поцелуях, птенчик?

– Я думаю, что тоже... умею.

– Что ты умеешь?

Я фыркнула, нашла пальцами его достоинство, так явно и недвусмысленно свидетельствующее о том, что он тоже... хочет. Пробежалась по всей длине, а потом стекла вниз, обхватывая его губами. Впервые – не холодный каменный член, как нас учили в лунном доме, а настоящий, живой, горячо пульсирующий в моей ладони. Ю-Вей вздрогнул, сдавленно вздохнул, словно захлебыва-

ясь стоном. Теперь была моя очередь хихикать. Прошлась языком по всей длине, вобрала глубоко, почти до самого основания – умела.

– Боги, ты невероятная, – прошипел мой мужчина, а потом вдруг изогнулся, подхватил меня за бедра и поставил на колени – над собой. – Продолжай, не останавливайся, мне очень нравится.

Я не понимала, что он делает, но послушно продолжила – а потом вдруг замычала возмущенно и испуганно, когда его пальцы, а следом язык и губы скользнули внутрь меня.

– Не останавливайся, – приказал Ю-Вей, когда я изогнулась, пытаюсь ускользнуть.

Да как не останавливаться? Бедрa у меня тряслись от напряжения, все тело пульсировало. Зачем, как? Он не должен! Но Ю-Вею всегда было плевать на то, что он должен или не должен. Он просто ласкал меня так остро и так сладко, что я стонала, всхлипывала и едва удерживала его мужество в руках.

– Горячая девочка, – мурлыкнул он. – Тебе так нравится?

Да. Я – вдруг ощутила себя неумехой. Совершенно потерялась, позабыла все тайные приёмы и методики. Всё, что могла – только целовать его, отчаянно пытаюсь передать свои ощущения. Он ускорялся – и я ускорялась тоже. Он замирал – и я замирала, скользя по стволу пальцами и позволяя ему войти до самого предела. Все это не могло длиться вечно: я взвыла, вцепившись в его член руками и губами, застыла, звеня как струна, удерживаемая от падения лишь его сильными пальцами, а он зарычал гулко и глухо, дернувшись и оставляя на моем языке терпкое семя.

Да. Научил он меня поцелуям, и возразить нечего.

Совершенно без сил я распласталась на его теле.

– Молчаливая, что же ты так долго не приходила ко мне? Я скучал.

– Это был последний раз, Ю-Вей, – тихо отвечала я. – Моё время истекло, я возвращаюсь домой, в Ниххон.

– Не вздумай! – подскочил он, но я знала, что пора заканчивать эту глупую игру, пока она не свела меня с ума. – Виро, я... не хочу без тебя.

– У тебя есть жена.

– Я ее не люблю.

– Ты и меня не любишь, Ю-Вей, – жестко ответила я. – Любишь лишь одного человека – себя. Пора взрослеть. У тебя есть долг, обязанности, служба, наконец. Ты не ребенок, чтобы прятаться за маской...

– Злая, злая Виро!

– Очень злая, Ю-Вей. Я же ёкай, мы такие. Прощай, я выпила тебя до конца.

– Я приплыву в Ниххон и найду тебя! – выкрикнул он. – Не спрячешься!

– Попробуй. Буду ждать.

Вот зачем я это сказала? Чтобы он и в самом деле – поплыл? Бросил всё и рванул искать свою несуществующую любовницу-ёкай? Смешно.

Коснулась его волос наощупь, поцеловала в губы – как он учил. Уложила его, уже почти уснувшего от моего зелья, в постель, укрыла одеялом. Прислушалась к ровному глубокому дыханию. Спит, кажется. Отодвинула портьеру, впуская в комнату неверный лунный луч. Нашла кимоно и маску. Вышла.

Нет, я больше не вернусь. Надо учиться жить в реальном мире.

Боясь растерять всю решительность, я сожгла и кимоно, и маску в камине. Вот так. Нет больше Виро, есть только Ива Шантор и ее глупые бессмыслен-

ные мечты.

Наутро Арман был молчалив и сумрачен. Приказал мне собираться: едем в столицу. Там у него тоже немало дел.

– Одно только продумайте, – устало сказала я ему в ответ. – Когда его величество спросит, почему я не в положении – что вы ему скажете?

– Не волнуйтесь, будет вам ребенок, – вздохнул Арман.

И почему мне так не понравились его слова? Это ведь – капитуляция? Я победила? Или нет? Как все сложно – и, главное, я сама всё усложнила.**21. Ниххонские гости**

Я была права: делегация из Ниххона уже прибыла. Вся столица гудела – на родину вернулась Авелин Кио, известная в высшем свете как Эва Волорье.

Время было над ней не властно, она была по-прежнему невероятно хороша собой: светлые волосы, тонкая, несмотря на троих детей, талия, светлые глаза, кожа без морщин и изъязнов. Супруг, ниххонский посол, ей под стать: высокий, прямой, с длинными черными волосами и ехидными узкими глазами. То есть это я вижу, что папа Хиро смеется про себя, а прочие дамы вздыхают и млеют от его невозмутимости.

Ниихонцы красивые, этого у них не отнять. Вся делегация — как на подбор. На самом деле внешность была одним из критериев отбора, Императору нравится создавать о Ниххоне такое вот впечатление: что подданные его сплошь все красавцы, отменные воины и знатоки искусств. Других за пределы Ниххона стараются не выпускать. На самом деле в стране есть и кривоногие лысые коротышки, и глупцы, и совершенно необразованные крестьяне. Но при дворе ранолевского короля вы их точно не увидите, да и в открытых для чужеземцев районах Ниххона тоже.

Поэтому все дамы при дворе сегодня мечтают о ниххонских послах, а я только посмеиваюсь. Самый великолепный из них, Акихиро Кио, глава делегации — для них точно недоступен.

Арман не раз мне говорил, что нравы при дворе Вазилевса стали строже, чем пятнадцать лет назад, но я этого совершенно не замечаю. Дамы так увлечённо обсуждают гостей, что у меня начинают пылать щеки. Некоторые из членов делегации уже опробованы. Боги, пожалуй, я прогуляюсь в саду. Слышать, кто «достоиннее» – местные придворные или ниххонцы – я больше не в силах. Интересно, а где Арман? Я не видела его с того момента, как мы приехали утром ко двору. Хотелось бы его найти, конечно. А что, если он с другой? Именно эта мысль первой пришла в голову, несмотря на то, что в моего мужа могло быть так много других дел тут. Несмотря на то, что он рассказывал о святости брачных уз, я отлично знала, что мой муж способен на измену. Виро он больше не увидит, но при дворе полно других женщин.

Злясь, ревнуя, успокаивая себя, я вышла в сад и побрела по одной из тропинок. Специально углубилась в лабиринт, желая побыть одна — и моя настойчивость была вознаграждена. У одного из крошечных прудов я разглядела знакомую фигуру в чёрном кимоно.

Как всегда — от отца всегда веет спокойствием. Если мама – птица, я – ветер, то он – просто океан. Океан мудрости и любви.

Оглядываюсь, убеждаясь в отсутствии свидетелей, и шагаю к нему, осторожно касаясь кончиками пальцев рукава.

— Маленькая моя птичка, — уголками губ улыбается отец. — Я по тебе скучал. Ты в порядке?

— Нет, — честно отвечаю я. Я знаю, что некоторые вещи приличные девушки не обсуждают с отцами, но мамы нет – а он здесь, рядом.

— Тебе нужна помощь, Ива? – спрашивает у меня Акихиро Кио, и я решаюсь.

– Нужен совет, папа. Я сама себя загнала в ловушку, а теперь не знаю, что делать.

– Я могу тебе помочь?

– Да. Обними меня.

Он без тени сомнений раскрывает объятия, а я ныряю в его руки, прижимаюсь к груди и вдыхая родной запах. У меня был самый лучший отец. Не знаю, мог бы герцог Шантор подарить мне столько любви и внимания, как Акихиро Кио. Папа учил меня читать и писать, когда я сломала ногу, грохнувшись с дерева, мама сказала что-то вроде «сама виновата», а потом обернулась птицей и помчалась за лекарем, а отец вытирал мои слезы и шептал, что все будет хорошо. Когда я в десять лет выразила желание учиться в деревне Кио – он не стал говорить, что я слишком мала, что я не знаю, о чем прошу, а просто отвез меня туда, правда, настоял, чтобы со мной остался Макеши. Мама сильно ругалась, потом плакала, потом умоляла меня одуматься, но я была непреклонна. Уехала, даже не думая о том, что я буду там совсем чужая. Впрочем, родители вскорости перебрались в деревню вслед за мной.

Вот и сейчас я уверена, что отец не станет меня укорять в распутстве, а просто выслушает и успокоит.

— Мой муж мне изменяет, — тихо сказала я отцу.

— Откуда ты знаешь?

— Я... так вышло, что он изменяет мне со мной же. Только он не знает, что это я.

— Поясни.

— Когда я сдавала экзамен в лунном доме... помнишь, ты еще был против... после танца некий господин Ю-Вей пожелал выкупить меня за пять тысяч риссов. И я согласилась.

Плечи отца напряглись. Я могла себе представить, как он сдвинул брови и сжал губы.

— Я подлила ему в чай одного из маминых зельев. Он заснул. В общем, Ю-Вей – это и был адмирал Волорье. Мне он понравился еще тогда. И когда я встретила его здесь, в Ранолевсе – я была потрясена и обескуражена. И влюбилась. Оттого и у короля его просила. А он меня не любит, совсем не любит. Мы стали с ним друзьями, но мне этого мало.

— А кого же он любит? – задал правильный вопрос отец.

— Не знаю, кого уж он любит, но спит он с Виро, девушкой из лунного дома. Я надеваю маску и кимоно, беру дурманящий чай и прихожу к нему...

— Довольно подробностей, — отец погладил меня по волосам. – Забавно ты завернула. Он спит с одной, а жениться пришлось на другой. А ребенка он тебе должен сделать по дружбе?

— Он просил подождать, а я согласилась.

— А если забеременеет Виро, как ты объяснишь это мужу?

— Не знаю, — тихо ответила я. – И не хочу знать.

— Что ж, я советую просто ждать. Не руби сейчас сгоряча, не беги признаваться. Не оценит, будет злиться. В любом случае, все станет явным, и камень может проговориться.

— Какая чудесная сцена, — внезапно раздался холодный голос от кустов. — Моя жена в объятиях ниххонского посла. Иветта, когда я говорил, что времена изменились, я имел в виду именно подобные ситуации.

Я молча сделала шаг в сторону. Как объяснить то, о чем нельзя говорить никому, я не знала. Не было ни страха, ни волнения, только какое-то тупое равнодушие.

— Что, не будет цирка с заламыванием рук? Не будет уверений в своей непорочности? — издевательски спрашивал меня Арман. — А вы, господин Кио? Вам, пожалуй, объясняться перед супругой будет сложнее!

— Не судите по себе, молодой человек, — спокойно ответил ниххонец. — У моей жены нет никаких причин подозревать меня в неверности. Как, впрочем, и у вас.

— Хотите сказать, что мои глаза меня обманывали? — покраснел Арман. Я со смутной тревогой следила за его губами, говорившие немисливо мерзкие вещи. — Ах, я понял! Вы чисты и невинны, это маленькая шлюшка Шантор пыталась вас соблазнить! В это я поверю без труда.

— Граф Волорье, вы не представляете, с каким удовольствием я сейчас надеру вам задницу, — выдохнул Акихиро Кио, быстро извлекая из-за спины катану. Между прочим, ему единственному из посольства позволили носить оружие, оказав немислимое доверие. — Я, можно сказать, двадцать лет мечтал...

— Переносите свои желания на невинных людей, господин Кио? — усмехнулся Арман, вытаскивая из ножен шпагу. — Жаль, оружие у нас неравноценно. Как насчет пистолетов? Нет? Жаль. В таком случае, извольте подождать пару минут. Эй, Гвирон!

Из кустов мгновенно выглянул мальчишка с рыжими вихрами. Ах вот как? У господина графа тут шпионы? Наверняка и моем разговоре с ниххонским послом супругу было доложено незамедлительно, почему он и явился так вовремя.

— Найди Жозефа, пусть принесет мне катану. Немедля.

Мальчишка кивнул и убежал.

Арман же небрежным жестом оправил кружева на манжетах и заговорил светским тоном:

— Так как вы находите Ранолевс, господин Акихиро? Помнится, вы раньше бывали и на Севере, и в Белом замке?

— В иные времена мало кто осмеливался бросить мне вызов, — насмешливо отвечал ему отец, не поддаваясь на провокации. Он был очень зол, я видела это по его глазам. — Единственный, кто мог сравниться со мной в искусстве фехтования — это его величество Вазилевс.

— Те времена давно прошли, — пренебрежительно фыркнул мой супруг. — Да и вы не стали моложе. Сколько вам лет? Пятьдесят? Больше?

— Сорок три, — сквозь зубы процедил ниххонец, гневно прищуриваясь.

— Старик...

— Вы ведь знаете, что катана запросто разрубает человека напополам?

— Разумеется! Я обучался в Ниххоне...

– Пару лет... Нет, я не буду с вами сражаться. Это будет избивание младенца. Да и не заслуживает такой щенок поединка чести. Я просто набью вам морду, как изволят выражаться здесь, а Ранолевсе.

– Не надо, – тронула я отца за рукав. – Пощади его.

Я-то знала, какой он в бою. У Армана нет шансов.

— А ты трогательно уверена в своем муже, птичка моя, — насмешливо бросил мне муж. Отец нахмурился и развязал пояс, скидывая тяжелое парадное кимоно с плеч.

— Да прекратите же, — в отчаянии закричала я. — Арман, пусть будет по-твоему! Считаю меня шлюхой, гулящей девкой, кем угодно, только прекрати этот фарс! Ты с ним все равно не сравнишься. Господин Кио, умоляю...

— Ива, заканчивай истерику. Я постараюсь твоего любимого супруга не искалечить, несмотря на то, что он ведёт себя, как Они.

Я посмотрела на одного, на другого и поняла: да они счастливы, как мальчишки! Оба хотят драки, распушили перья как два петуха перед курицей! На самом деле даже не я тому причиной, а их собственная гордость. Они... будь я в обществе мужчин из клана Кио, то сказала бы прямо: меряются мужскими признаками, теми, что между ног. А здесь как подобрать слова? Да и нужно ли?

Ай, отец обещал Армана не калечить, этого мне достаточно. Пусть делают, что хотят.**22. Маски сброшены**

– Когда-то этот дом был моим, – мягко заметила Авелин Кио, неожиданно обнаружившаяся в гостиной столичного особняка Волорье. – Я ждала тебя, милая. Ты одна? Где твой блестящий муж?

– Полагаю, дерется на дуэли с моим блестящим отцом, – невозмутимо ответила я, падая в кресло и жестом подзывая лакея. – Чай и булочки, пожалуйста.

Светлые глаза мамы Авелин на миг стали совершенно круглыми, она вздрогнула и вцепилась пальцами в подлокотники кресла. Потом, правда, успокоилась: всё же она привычная к такому роду неожиданностям. Работа отца всегда была опасна, и уж точно Охотник на ❖ни рисковал сейчас куда меньше, чем в ниххонских лесах.

– Что не поделили? – светским тоном спросила мама.

– Полагаю, тут старый конфликт между Волорье и Кио, – пожалала я плечами. – Ну, а вообще... Арман увидел меня с отцом, и его обуяла ревность.

– Это хорошо, – усмехнулась Авелин. – Ревность – это полезно для любви, особенно – вот такая, без повода. Думаю, Хиро ему всё объяснит.

– Нет тут никакой любви, – мрачно сказала я, глядя на обтянутые шелком колени. – Я ему не нужна. Я его не интересую, как женщина.

– Он так сказал?

– И не один раз.

– И что ты собираешься с этим делать?

– Я не знаю. Наверное, буду ждать, пока он меня полюбит.

Авелин прищурилась, открыла было рот, потом закрыла и покачала головой.

– Я хочу поглядеть на этого прекрасного человека, – наконец, сказала она. – Мне кажется, он разительно отличается от Ральфа. Гвен, в конце концов, удивительно благоразумная женщина, не могла же она воспитать идиота? Кста-

ти, ты ведь была на севере? Как там Белый замок? Стоит?

Ох, сколько я могла рассказать о Белом замке и его обитателях – как живых, так и не слишком! Мы проговорили до вечера, смеялись, решили, что не хотим больше возвращаться в замок Волорье. Мама рассказала про Ниххон и успехи моих братьев и сестры, про то, как встретили ее тут, в Ранолевсе. Говорила все медленнее, не сводя глаз с двери. С каждой минутой волнение возрастало, времени прошло немало, а мужчины все не возвращались. Не натворили ли они чего-то недопустимого? И уже Авелин встала и решительно заявила:

– Ну всё, я пошла их искать.

И тут раздалось пение, и весьма, надо признать неплохое. Пели явно двое – к тому же на ниххонском. Баритон пел с акцентом. Я и не предполагала, что у Акихиро Кио такой великолепный голос. Конечно, он когда-то напевал колыбельные мне и мальчишкам, но не так громко и не с таким явным удовольствием.

Они ввалились в гостиную в обнимку и, кажется, по-одиночке стоять на ногах уже не могли. Такие разные – но оба высокие и красивые. Засмеявшись, они разжали руки и, шатаясь, повалились на диван.

– Твой отец, птичка, совершенно не умеет пить, – обиженно заявил Арман. Да, он внезапно казался почти трезвым. – Ох уж эти ниххонцы!

А Акихиро в ответ разразился целой речью на родном языке, где обвинил своего собутыльника в спаивании представителя дружеской страны и нарушении дипломатической неприкосновенности. Будь Арман ниххонцем – ему следовало немедленно покаяться и сделать сеппуку, чтобы смыть с себя позор. Но Волорье не был ниххонцем, поэтому только тяжело вздохнул, а потом взвалил расплывшегося на диване тестя на плечо и потащил наверх в спальню.

– Я так понимаю, сегодня мы ночуем здесь, – совершенно спокойно сказала мама. – Да, ниххонцы очень быстро пьянеют, Ферны тоже всегда пытаются напоить бедного Хиро, но он обычно ускользает от них. А Волорье... Ну, они всегда славились своей настойчивостью. Так ты говоришь, что он тебя не любит, Ива?

Я кивнула, совершенно не понимая, что мне делать дальше.

– Чтобы Волорье и женился на женщине, которая ему не нужна? – мама покачала головой. – Не бывало этого никогда. Я, пожалуй, пойду помогу раздеть Хиро. Надеюсь, они не покалечили друг друга.

Я поежилась. Оба показались мне невредимы, но мне ли не знать, как отец может драться? Воины клана Кио умели убивать одним прикосновением пальца, не все, конечно, это очень древнее искусство. Отец не умел. А вот бездвижить нажатием на нужные точки у него получалось неплохо. Для этого нужно только приблизиться вплотную к противнику. Ничуть не удивлюсь, если именно для этой цели он висел на моем выносливом муже.

Наверх мне идти очень не хотелось, было страшно. Доела пирожные, налила себе еще чаю, молча глядя на темноту за окнами. Четвертая чашка чая в меня уже не лезла, к тому же было так тихо... Наверное, Арман уже уснул. Он все же был нетрезв. Надеюсь, он не ждет Виро. Потому что если ждет – этого больше не будет.

Тихо, совершенно неслышно – как я всегда передвигалась в волнении (сказывались уроки в клане Кио) – я прошла в свою комнату и остановилась на по-

рогу в смятении. Все мои вещи были разбросаны по полу, сундуки выпотрошены. На постели восседал мрачный Арман с птичьей маской в руках. Про нее я совсем забыла, давно не доставая. Да и рука не поднялась бы ее сжечь, это ведь – память. Глядя в его очень злое лицо, я невольно попятилась... И вот тут-то узнала, что Арман не зря — военный капитан. Он мог быть невероятно быстрым и сильным. Вскочил, подлетел ко мне одним большим прыжком, втолкнул в комнату и захлопнул тяжелую дверь.

– Объяснишься, Ива? – рыкнул он.

Я молча и испуганно покачала головой. Что тут объяснять?

– Чья это маска?

– Ав-велин Ферн, – пискнула я.

На его лице отразилось глубокое изумление, потом ужас.

– Нет, ты не так понял, – быстро исправилась я. – Это фамильная маска Фернов, мама мне ее... дала на время. В ней каждый из Фернов находил свою судьбу... каждая... – мой голос звучал так жалко, что Арман закатил глаза.

– Фу, Иветта, ты еще заплачь тут, – язвительно заявил он. – Разрыдайся с соплями и заламыванием рук, скажи, что ты не хотела меня обманывать, что это случайно вышло.

Его тон стегнул меня словно кнутом, я тут же вздернула подбородок и прищурилась:

– Совершенно случайно. Или вы думаете, что я бросилась за вами в Ранолевс, охваченная угрызениями совести?

Он расхохотался.

– Ну ты и лисица! – выдохнул... с восхищением? – Умеешь держать удар. Истинная воспитанница Акихиро Кио, теперь верю.

– Он... всё рассказал? – неужели отец открыл ему мой секрет? Это... больно.

– Он сказал, что растил тебя с младенчества как свою дочь. В Ниххоне, разумеется. И вот тут то у меня пасьянс сошелся. Я же не совсем идиот, Ива, хотя ты вправе считать иначе. Запах, телосложение, голос... я, впрочем, думал, что мне это кажется, что Виро и в самом деле ёкай. А они могут принимать любые обличья. Но все куда проще, верно?

– Вы не злитесь? – в моем голосе снова слышится страх, и как я себя за него ненавижу!

– Злюсь? – удивляется Арман. – Да я в ярости! Я хочу вас задушить!

Он снова перешел на “вы”, и я вдруг понимаю, что гроза прошла стороной. Ничего он мне не сделает. Да и не такой человек Арман, чтобы как-то обидеть женщину. Все наши перепалки всегда доставляли удовольствие обоим, а если его и заносило – то в том была и моя вина тоже. Поэтому я совершенно успокоилась, подошла к нему вплотную и нахально запустила пальцы в светлые волосы – как могла позволить себе только Виро. Он поднял лицо. Я впервые видела вот такой странный его взгляд при свете: один зрачок у него расширился, и глаз потемнел, а второй, неживой, оставался мутным.

– Только задушить? – мурлыкнула я по-ниххонски.

– Теперь – непременно, – рыкнул он, обхватывая меня за талию и толкая на кровать. – Теперь я тебя просто убью, Ива!

Платье затрещало в его руках – мое безумно дорогое и такое красивое платье: из нежно-голубой саржи с белым кружевным чехлом. Я вскрикнула возмущенно, но он зажал мне рот ладонью левой руки, а правой дорывал мой на-

ряд окончательно. Ну и пусть, купит еще! Приподняла бедра, позволяя ему стащить лохмотья шелка, потом стянуть белье. Кажется, сейчас у меня будет брачная ночь!

Пришпиленная его тяжелым телом к постели, словно бабочка к листу бумаги, я вся трепетала, пока он жадно ощупывал губами мою шею и плечи.

– Ты так хотела этого, верно, лисица?

– С того танца, Ю-Вей.

Зря я вот так осмелела – он мгновенно напрягся, сильная рука взметнулась, ухватив меня прямо под подбородком. Сжал слегка пальцы, заглядывая в лицо. Я улыбалась дрожащими губами, вдруг учуяв, как сильно от него пахнет спиртным духом. Он явно нетрезв. Что сейчас со мной сделает?

Оттолкнул, поднялся, пошатываясь.

– Простите, Иветта, поговорим завтра.

– Нет, сегодня! – тут же взвилась на постели я. – Не вздумайте сбежать с поля боя, бравый адмирал! Это слишком похоже на капитуляцию!

– Женщина – это единственный трофей, который способен убивать охотника...

– Ясно. Вы все же меня наказываете вот так.

– Как?

– Отлично это у вас получается! – я почти кричала, вспомнив вдруг, как он оставил меня в тот самый первый раз. Ничего не поменялось. – Сначала даете авансы, а потом сбегаете, как последний трус! Даже от законной супруги! А как мне по-вашему еще было заполучить от вас ребенка, вот скажите?

Он замер, окаменел, оглядываясь.

– Только ради ребенка? – тихо спросил он. – Все это было ради ребенка?

– Убирайтесь к черту! – я с силой швырнула в него подушкой. – Видеть вас больше не хочу!

– Ну уж нет. Теперь – не уйду. Вы бесконечно правы, моя дражайшая супруга. Мне стоит сделать вам ребенка, пока его не сделал кто-то другой.

Он принялся стягивать с себя рубашку, окидывая меня задумчивым взглядом, а я на всякий случай прикрылась одеялом. Кажется, мне все же удалось разбудить зверя. Лицо Армана было совершенно равнодушно, глаз больше не темнел. Вот теперь мне сделалось по-настоящему страшно. **23. Да!**

Он раздевался нарочито медленно, словно и не торопился никуда. Впрочем – куда ему спешить. Я никуда не денусь, он может делать всё, что захочет – Волорье в своем доме и в своем праве.

Он спокойно уронил на пол рубашку, стянул штаны – ничуть не смущаясь. Оперся коленом на постель, резким движением сдергивая с меня одеяло. Я зажмурилась.

– Ну полно, вы еще закричите, – шепнул он, ухватывая меня за щиколотку и тяня на себя. – Обычно Виро так не трусила.

– С Виро вы были нежным и терпеливым, – пискнула я.

– Вы боитесь? – угадал он.

Я только кивнула.

– Не бойся. Никогда я еще не причинил боли ни одной женщине.

Притянул меня еще ближе и осторожно провел языком по косточке на щиколотке. Не сводя глаз с моего лица, прикусил. Я судорожно вздохнула. Его

взгляд не отпускал, мы словно связаны оказались вот так – глаза в глаза. Губы обжигали, руки закинули и вторую ногу ему на плечо. Я явственно ощущала уже его возбуждение, ерзала, подавалась бедрами навстречу, но он мучительно медленно облизывал мою щиколотку, тяжелой ладонью на животе прижимая меня к постели.

Я ощущала себя совсем маленькой и такой слабой, беспомощной рядом с ним. Все, что у меня выходило – это тихонько поскуливать. Его пальцы нежно гладили внутреннюю поверхность бедра, спускаясь все ниже.

Попыталась поймать его взгляд: что вообще происходит? Чего он добивается, а главное – что я от него сейчас хочу? Прикусила губу, внимательно его рассматривая, забывая и про руки его, и про дрожь, и про свое не самое простое сейчас положение. Мужская рука замерла, застыла. Даже единственным своим глазом этот мужчина успел уловить мое настроение. Ухмыльнулся, словно был удивлен.

– Что же ты, Ива? Где вся твоя страсть, где восторженные крики и томные стоны?

И словно бы в подтверждение своих слов очень медленно развел мне колени, как занавес на сцене театра. Я сегодня была на этой сцене одна. Смотрел так насмешливо и глазом своим совсем не сверкал – словно он и в самом деле посторонний зритель, нет – равнодушный кукловод, отыгрывающий надоевшую уже партию. Нет, не хочу! Так я не согласна! Дернулась, с ненавистью глядя в любимое лицо, попыталась подняться, уйти, сбежать. Не позволил. Пресек на корню мой трусливый порыв, с силой прижимая к простыням мое тело. И в этот момент я осознала: это Волорье. Весь их род славился упрямством и жестокостью.

– Я тебя не отпускал, моя лисица, – прищурился граф. – И мы еще даже не начали.

Нарочито-порочно облизнул свои пальцы, горячо и влажно, едва касаясь, провел по самому краю средоточия всех моих желаний. Смотрел внимательно, пристально всё подмечая: и вспыхнувшие мгновенно щеки, и твердеющие на глазах темные камешки сосков, и вздрагивающий от его прикосновений живот. Круг, еще один, ближе, ближе. Перебирившие нежные складочки пальцы скользили, не нажимая – дразня. Ближе, ближе.

Я прикусила губу и зажмурилась, признавая поражение, как всегда в битве с ним. Несмотря на все уроки, на то, чему меня учили — я рядом с ним всегда чувствую себя абсолютным профаном, дебютантом в любовных делах. Как он так играет на моем теле, откуда знает все чувствительные точки?

— Твои родители в соседней спальне, Ива, – шепнул, усмехаясь, Арман, лаская меня так сосредоточенно и умело. – Будешь громкой как и обычно?

Широко раскрыла глаза, возмущаясь его наглостью. Всклипнула жалко, когда пальцы коснулись заветного. Как барабан ударил — оглушая, заставляя все тело вибрировать. Ах! Меня выгнуло в тугую дугу, попыталась свести колени, закрыться, прервать эту муку.

– Да! Вот так, Ива, еще.

Снова раскрыл меня как морскую раковину – одним рывком. Погрузил в лоно пальцы, молниеносно поймав попытку моего бегства.

– Да, ты же хотела этого? Получи!

Глубже, слаще, ярче. Раздвигая меня, как тугую преграду, наполнял. Касал-

ся самого сокровенного, играл на мне, как на гитаре – так, что горло перехватывало. Только не кричать, не выдать себя! Задыхалась, широко раскрывая глаза, хватая губами воздух. Царапала пальцами простыню – беззвучно.

Он же хотел безоговорочной капитуляции. Ему было мало. Арт-подготовка была окончена, адмирал шел на абордаж.

Горячие губы взяли во влажный плен мою грудь, тугие движения языка обволакивали, дразнили, обещали неведомое. Торопливые дорожки поцелуев вели ниже, ниже. Прикусывая кожу бедер, облизывая бесстыдно все изгибы моего тела, он словно играл со мной, ловя за секунду до пика, доводя до умопомрачения, до изнеможенья. А еще его пальцы... меня трясло, я извивалась, скулила, выгибалась и бессовестно подавалась навстречу этим безжалостным рукам.

– Хочешь, чтобы я тебя взял, Ива? – его голос звучит очень строго, даже сурово.

– Да... – еле слышно и хрипло в ответ прошептала я.

– Я не расслышал, громче. Или мне встать и уйти?

– Да, да, да!

Будь ты проклят, мучитель!

Он отстранился, осиротив меня, заставляя скулить на кровати, как брошенную ночью собаку. Холодно и страшно.

Одним сильным движением рук поставил на четвереньки, развел ноги. Я затаила дыхание. Вот, сейчас! Медленно заполнил до самых краев, никуда не спеша: глубже, полнее. Казалось, с этой секунды меня больше нет, Ива стала лишь наконечником для огромной стрелы, что улетит сейчас в небо.

Чистый восторг, ослепительное счастье. Каждая частица гудит от ощущения правильности происходящего. Он во мне, он со мной, я его наконец-то поймала в свой крепкий капкан. Твердый и горячий мужской живот уперся в ягодицы. Могучие руки меня подхватили, поднимая, прижимая к крепкой груди, как к стене приковали.

Прикусив мое ухо, мой покоритель прорычал:

– Так?

– Да!

Мощный удар бедрами, выбивающий дух и мысли, поднимающий из самых глубин моего тела всех страшных демонов-покровителей плотского наслаждения.

– Хочешь?

– Да!

Опустошение. Пальцы на складочках плоти, снова удар, очень медленно, неторопливо. Еще, и еще. Он разгонялся, как конь, уходящий от волка. Я скулила от каждого рывка плоти, от каждого выхода... глубже, быстрее, сильнее.

– Ах!

– Кричи, Ива.

– Да-а-а!

Удары, как в гонг, быстро, звонко, гулко. Меня втягивало в крутую воронку страсти и наслаждения, я гудела, как колокол.

Да! Мое тело свернуло в немыслимый узел, свет померк, мир пульсировал в ритме безудержной скачки мужчины.

Да! Последний удар, и муж с хриплым рыком излился, вжимаясь в меня,

будто желая пробить меня насквозь своим грозным оружием. Бригантина моя затонула. *А он пошёл на дно вместе со мной*, утягивая меня на плоскость постели, накрывая всей тяжестью тела, словно океанской толщей воды.

Кто победил? Оба ли погибли в битве страсти, или оба получили, что хотели?

Он молчал, только повернулся на спину и увлек меня за собой. Не отпустил, когда я попыталась ускользнуть – о, исключительно к тазику с водой! Силой прижал мою голову к своей груди, гладил спутавшиеся кудри, глаз не открывая. Я слушала стук его сердца, по началу торопливый, но постепенно все более спокойный. Дыхание Армана стало глубже, рука в моих волосах расслабилась и соскользнула на шею, но мне уже не хотелось убежать. Я все же заполучила своего Арра целиком и полностью, но теперь кусала в волнении губы и никак не могла заснуть. Было отчего-то очень страшно.

Что он скажет мне завтра?

И как смотреть в глаза родителям теперь?

Проснулась от бесцеремонного тычка в бок.

– Просыпайся, лисица, ты мне руку отлежала.

Я мгновенно откатилась в сторону, села на постели, моргая.

– И сорочку накинь.

Арман выглядел неважно. Красные глаза, белесая щетина, и лицо такое недовольное.

— Вы в порядке? — осторожно спросила я, оглядываясь. Нашла сорочку на кресле, поднялась, потянулась к ней.

— Вот так и стой, — хрипло скомандовал Волорье неожиданно. — А ну, наклонись. Руки на спинку.

Я обернулась, ничего не понимая, захлопала глазами. Он крался ко мне, как тигр, весь напряжённый и сверкающий глазами. Тигра я видела несколько раз в Ниххоне — большой и очень опасный, но все же кот.

— Ив-ва!

И тут я вспомнила, что совершенно голая. Ах! Котик хочет поиграть? Вчера не наигрался?

Уперлась ладонями в спинку кресла, коленку поставила на сиденье, прогнулась в пояснице, отставляя зад. Так, любимый? Ты так хотел?

Судорожный вздох у меня за спиной, легкое прикосновение пальцев к ягодицам. Чего он ждёт? Я уже вся в нетерпении! Но нет, Арр только гладит меня кончиками пальцев, по спине, по бёдрам, ниже. Поднимает и вторую ногу так, что я полностью оказываюсь на кресле. Нажимает ладонью на поясницу, ещё больше прогибая. Его руки обжигают, а предвкушение, смешанное со страхом — такое сладкое.

— Красивая, — еле слышно шелестит он, осторожно прижимаясь ко мне бёдрами и всем тем, что я сейчас жажду ощутить не снаружи, а внутри. — Скажи, почему?

— Что почему? — жалобно поскуливаю я, подаваясь ему навстречу.

Он чуть отстраняется, снова рисуя пальцами странные узоры на моем теле. Мне хочется уже взвыть от желания.

— Почему ты выбрала меня, Ива?

— Я тебя люблю, болван! — рыча я, пытаюсь обернуться. — Ты до сих пор

этого не понял?

— Ты или Виро? — очевидно, этот ответ его удовлетворил, потому что его член осторожно толкнулся внутрь.

— Я и есть Виро, — выдохнула, резко вихляя бёдрами и принимая его всего полностью.

Рывок, другой — и он снова покидает меня, заставляя всхлипывать.

— Ты училась в лунном доме, жена? — снова удар, глубокий стон (мой), еле сдерживаемая дрожь (его). — И много мужчин прошли через твои руки и губы?

— Нас учили на каменных фаллосах, — отвечаю я, выгибаясь и вздрагивая. — Единственный мой мужчина — это ты.

— А знаешь, я верю, — неожиданно сменяет гнев на милость он. Рука скользит вверх по позвоночнику, плотно обхватывая горло.

Он поднимает меня к себе, укладывая на грудь, двигается так мягко и неторопливо. Я вся дрожу и хочу быстрее и глубже, но ладонь на шее словно намекает — не стоит дергаться. Все, что я могу, это прикусить пальцы почти до крови, чтобы не рыдать и не выть в нетерпении. Ещё, ещё! Нет, только не останавливайся!

К завтраку мы безнадежно опоздали. Мне было ужасно неловко за это, и за то, что было ночью, и вообще... родители же. Теперь они все знают, все понимают. Ничего не скажут, конечно, но сидеть с ними за одним столом...**24. Семейная жизнь**

Я спустилась, краснея и пряча глаза. Пододвинула себе чашку с кофе. Родители смотрели совершенно невозмутимо, ни словом, ни видом не показав, что слышали наше ночное сражение. А ведь слышали, Волорье своего добился. Разговаривали тихо о погоде, о новых договорах на шелк, вспоминали общих знакомых. Арман вел себя, как гостеприимный хозяин, предлагая своим родственникам (а учитывая, что Авелин была вдовой его родного дяди, как ни крути, это были его родственники) жить у нас, сколько они пожелают.

— Спасибо, конечно, — тихо сказал отец, чуть морщась и касаясь пальцами виска. Выглядел он не слишком здоровым. — Но мы сняли дом за городом. Там тихо... особенно по ночам.

Я широко раскрыла глаза, чувствуя, как неудержимо краснею, а Арман ухмыльнулся самодовольно.

— Да, в центре города даже окна не открыть, — немедленно попыталась исправить ситуацию мама. — А мы сняли дом с большим садом, даже парком. Акихиро любит упражнения в саду, он ведь воин...

— Я вчера заметил этот факт, — серьезно кивнул Арман. — И левша. Слева бьет очень ловко.

Отец взглянул на него с насмешкой.

— И это я еще не слишком старался. Всё же морской крысе не сравниться с лесным охотником, хотя для Волорье парень совсем неплох.

— Давайте называть вещи своими именами, — живо откликнулся мой супруг. — Рядом с ниххонским охотником мне лучше даже не открывать рот.

— Ну полно, — довольно усмехнулся Акихиро. — Вы весьма ловко движетесь, но практики в рукопашном бою вам не хватает.

Мужчины явно нашли общий язык, с упоением обсудив сначала вчераш-

нюю драку, потом прогулку по всем кабакам столицы. Отец предложил даль графу пару уроков, а тот с пугающим энтузиазмом согласился.

После завтрака родители, распрощавшись, покинули наш дом, а следом за собиравшимся и Арман.

– По делам, – скупой ответил он на мой вопросительный взгляд.

Что ж, не смею мешать. Мне бы тоже сейчас в одиночестве подумать о произошедшем.

А вот интересно, “по делам” – это на сколько? Час, два? До вечера? Муж не вернулся, даже когда стемнело. Я надумала себе всякого, конечно, подозревая, что он просто мстит мне за вчерашнюю ночь. Наказывает.

Он не вернулся и к полуночи. Я не находила себе места. Металась по дому, выглядывала в окна. Могла бы – отправилась бы его искать. Попыталась лечь спать – все же было уже очень поздно, но даже глаз закрыть не могла. Головой я понимала, что ничего с Арманом случиться не могло: он в своём городе, в своей стране, он сильный здоровый мужчина, которого к тому же знают здесь в лицо. Он сам кого угодно обидит. Но глупое сердце рисовало картины одна страшнее другой. Где он, с кем он?

– Часто граф так задерживается? – спросила я у камердинера Армана, который тоже не спал – сложно уснуть с такой чокнутой хозяйкой.

– Случается, – дипломатично ответил тот.

– А он может не вернуться до утра? Или вообще... пропасть на нескольких дней?

– Хотите, я пошлю лакея его искать? – спросил пожилой мужчина, с жалостью глядя на меня. – Или вашего Макеши. Не так уж много мест, где может быть граф.

Я покачала головой, сцепив руки. Нет, только этого ещё не хватало! Чтобы все вокруг судачили, что герцогиня Шантор настолько озабочена верностью своего супруга, что следит за ним? Очень хочется послать Макеши. Разве что – тайно? Так, чтобы Арман не узнал?

Стыдно. Стыдно даже Макеши признаться в своих переживаниях. От отчаяния я схватила книгу, бросила её. Накинула стеганный халат и выскочила в сад в надежде, что ночной воздух остудит пылающую грудь. Замерла, сотрясаемая дрожью и стуча зубами, вернулась в дом. Забралась с ногами в кресло в гостиной, откуда было видно холл, закуталась в одеяло и, наконец, задремала, то и дело просыпаясь и прислушиваясь к тёмному дому. Тяжело быть нелюбимой, да, Ива? Отец тоже, бывало, пропадал ночами, но всегда говорил матери, где он и с кем. Не хотел, чтобы она волновалась. Арману же было откровенно плевать на мои чувства.

Входная дверь хлопнула уже под утро. Зашуршала одежда, скрипнул пол, зажегся газовый рожок. Я вскочила, кутаясь в одеяло, выбежала в коридор.

– Где вы были? – требовательно спросила я мужа.

Он смотрел на меня странным взглядом – не злым, не удивленным. Я не могла понять, что написано на его лице. Цел. Трезв.

– Почему вы не в постели? – наконец, спросил он.

– Где вы были всю ночь? – повторила я уже громче.

– У шлюх, конечно. У честных шлюх, которые честно берут деньги за своё постельное ремесло.

У меня перехватило дыхание, задрожали губы. Слезы, которые я старатель-

но подавляла всю ночь, наполнили глаза. Арман нахмурился, разглядывая меня, а потом пожал плечами со вздохом:

– Успокойтесь, Иветта. Единственная женщина, с которой я вам изменял – это Виро. Я был на совещании по вопросам торговли.

– Ночью? – не поверила я.

– Его величество крайне работоспособен. А еще у него бессонница. Он нередко назначает совет поздним вечером. Не верите – спросите у Акихиро, он тоже там был.

– А зачем там вы? – сомневалась я. – Какое отношение имеет морской адмирал к торговле?

– Самое прямое. Я лучше многих знаю обычаи Ниххона и Эльзании. Иветта, в отличие от Вазилевса, у меня нет бессонницы. Идите спать, и я пойду. И прекратите рыдать, ради всех богов, вот ещё выдумали!

– Я не рыдаю, – буркнула я, отворачиваясь. Слезы сами собой текли по лицу, вопреки моему желанию. – Я волновалась. В следующий раз извольте предупредить, где вы.

– Семейная жизнь такая хлопотная, вы не находите? – усмехнулся Арман. – Не желаете ли развестись с таким легкомысленным супругом?

– Только после рождения сына, который унаследует мой титул, – резко ответила я. – Сделайте мне ребёнка, а потом идите на все четыре стороны.

– Не сегодня, нетерпеливая моя. Сегодня, кажется, ребёнка делали мне. В смысле, Вазилевс вытрахал мне весь мозг со своими планами.

Я слабо улыбкунулась, а потом запахнула одеяло у себя на груди и прошлепала босыми ногами в спальню. Постель в неверном свете газового светильника показалась мне похожей на смертный одр – холодная, мрачная, донельзя одинокая. Вчера, когда он спал в моей спальне, здесь было гораздо уютнее. Стараясь не думать, что скажет на это Арман, кусая губы от волнения, я приоткрыла дверь в смежную спальню.

– Иветта? – сонно буркнул он. – Что ещё?

– Можно мне спать с вами? – робко шепнула я. – Холодно. И от волнения уснуть не могу.

– Черт с вами, спите где хотите. Только не приставайте ко мне.

Довольная полученным разрешением, я сбросила одеяло и тут же скользнула к нему в кровать. Обхватила ледяными ладонями горячее тело, прижалась к его спине. Он дернулся и зашипел от холода моих рук, развернулся, укладывая мою голову себе на грудь.

– Вы и в самом деле замёрзли, – констатировал он. – Давайте сюда ноги. Грейтесь, я тёплый. Не хватало ещё, чтобы вы простыли.

Я блаженно распласталась на нем, потирая ступнями о его волосатые лодыжки и едва не мурлыча от удовольствия. Провела пальцами по торсу, вдохнула его запах. Как рядом с ним хорошо... Как я его люблю...

Прикрыла глаза, желая только не заснуть, подольше наслаждаясь его теплом и силой, а он едва уловимо (я даже не уверена, что мне не показалось) поцеловал меня в волосы и шепнул:

– Простите меня, Ива. Я не думал, что вы будете так волноваться.

Его пальцы осторожно погладили меня по плечу, и я выдохнула. Буря внутри улеглась. Стало так тепло и спокойно, что я сама не заметила, как уснула.

Проснулась в одиночестве – но в его постели, села, жмурясь и расчесывая

спутанные кудри пальцами. В уборной слышался плеск воды. На полу валялись кальсоны. Сообразив, что муж там, за дверь, голый, я мгновенно подскочила и бросилась подглядывать, но скрипнувшая дверь выдала меня с головой. Собственно, какого черта? Плевать на приличия, мы с Арманом жены-ты! И не раз уже занимались любовью. Почему я должна скрываться, как тать?

Толкнула дверь, оперлась плечом на косяк и уставилась во все глаза на обнаженного мужчину, лежащего в ванной. Он едва в неё помещался, ноги были закинута на бортик, плечи и грудь над водой. Остальное, впрочем, тоже прекрасно просматривалось.

– Бесстыжая девчонка, – скосил на меня глаз Арман. – Ведёшь себя...

– Как шлюха? – не утерпела я, возвращая ему его слова. – Бесчестная шлюха?

– Формально я теперь не имею права называть тебя шлюхой, – невозмутимо ответил Арман. – Ты была девственницей. Я всё помню.

– Жаль, что я не могу утопить вас в ванной, – мрачно заявила я. – Очень хочется.

– Не рационально, – легкомысленно усмехнулся Арман, запрокидывая голову. – Тебе ещё от меня нужен ребёнок. Кстати... как бы ты объяснила графу Вольфрему ребёнка от Ю-Вея?

– Никак. Я принимала пилюли. Я, конечно, дура, но не настолько.

– Больше не принимай.

Я слотнула, разглядывая его шею. Мне хотелось провести по ней языком, собирая капельки воды. Разумеется, я не собиралась его слушаться. Ребёнка пока рано. Я намереваюсь долго-долго наслаждаться самим процессом. Боги и демоны, мне девятнадцать лет! Какой мне ребёнок...

Хотя... жизнь меня ничему не учит? Кажется, он готов простить мне один обман... простит ли второй раз?

Арман поднялся во весь рост, встряхнувшись, словно мокрый пёс, потянулся за простыней. Я облизнула губы: он чертовски хорош собой и знает это. Столько шрамов расчертило идеальное на мой взгляд, тело: невозможно устоять. Я подхожу ближе и нагло провожу пальцем по самому большому – на левом боку.

– Откуда? – хрипло спрашиваю я.

– Абордажная сабля, – спокойно отвечает он. – А вот тут, на спине – след от пули. Мне выстрелил в спину человек, которого я считал другом.

– Ты его убил?

– Нет. Я выжил чудом. Не должен был. Ниххонцы спасли меня... выходили.

– Сколько тебе было лет?

– Двадцать три... или двадцать четыре. Не помню. Я только-только получил свой первый корабль. Иветта... ты ведь понимаешь, что я не могу без моря? Зачем ты вышла за меня замуж? Разве нужен тебе муж, который бросит тебя на берегу с ребёнком и уйдёт в плаванье на несколько лет?

– На несколько лет? – сдавленно переспросила я.

– Да. Я давно хочу переплыть океан. Что там, за Островами? Новые земли?

– Там Фреал и Годрийские земли. И Зимбия.

– А дальше?

– А дальше не знаю, – вздохнула я. – Зимбия – дикая страна. Там черноко-

жие люди, а еще, говорят, они едят себе подобных.

– А еще говорят, что там алмазы под ногами валяются, – мечтательно протянул Арман. – Я должен это увидеть сам, понимаешь?

Я вздохнула. Я прекрасно понимала. Мне тоже не хочется жить здесь... путешествия и новые страны гораздо приятнее. Но я женщина, и мой удел – сидеть дома и воспитывать детей. **25. Будущая мать**

Внезапно семейная жизнь мне начала нравится. Муж перестал грубить, а по вечерам искал моего общества: настойчиво, порой даже требовательно. Кажется, один раз “распробовав” все прелести любовных игр, он твердо решил извлечь из своего не самого желанного брака максимум удовольствия. Я, конечно, не жаловалась, хотя иногда его энтузиазм меня смущал. Каждую ночь... иногда утром... мы больше не ночевали порознь. Смысла не было. Да и с ним было так хорошо, так спокойно, не говоря уж о том, что будь моя воля — я бы вообще от него ни на шаг не отходила.

Безраздельно моим Арман был только в спальне. В другое время находил кучу дел: то пропадал на пристани, то бегал по мануфактурам и искал обои и ткани для Белого замка, то сидел на совещаниях в королевском замке.

Мне тоже приходилось появляться при дворе, но теперь уже я была в явной милости у королевы, которая считала себя едва ли не виновницей нашего с Арманом брака. Дескать, именно она подговорила сына, а тот уже вовремя вмешался. Я не спорила, к чему? Главное, что обласканная Женевьевой, я совершенно не попадалась на глаза его величеству. Возможно, со стороны королевы это был тонкий расчёт, но мне это было только на руку.

Беззаботное, самое счастливое в моей жизни лето! Упоительные ночи и веселые дни, рядом Арман и родители. Отец не упускал случая для тренировок, очень часто Арман учился у него, а когда огибал занят, с Акихиро тренировались и мы с Макеши. Не то, чтобы мне это было необходимо в Ранолевсе, но терять сноровку не стоило. Да и от того, что я попрыгаю в закрытом саду, никому хуже не будет. Я прекрасно теперь понимала, отчего Мама выбрала именно это имение: сад большой и до того запущенный, что никто чужой не рискнёт здесь появиться.

Все было так хорошо, что я начала разумно опасаться будущего. Ещё немного, ещё пару недель! Здесь солнце и небо, и лето, которое подходит к концу. Самое последнее мое беззаботное лето.

Головокружение и слабость я старательно игнорировала, предпочитая списывать их на усталость и жару. Но увы, в один далеко не прекрасный день мне стало дурно с самого утра. Проснувшись в холодном липком поту, прислушалась к себе... и помчалась в уборную, где меня стошнило. Сразу стало легче, в голове прояснилось.

Все, Ива. Больше не выйдет закрывать глаза. Ты беременна.

Я хотела ребёнка, очень хотела. Но куда больше я боялась, что Арр теперь уедет от меня. Он ведь не раз говорил, что ждёт только моей беременности, а потом – море. Он из тех людей, кто не может долго сидеть на одном месте. У нас только-только начало всё налаживаться, а теперь вот – ребёнок. А еще даже не осень! Не пришли еще шторма, корабли запросто выходят в море. Арман просто уплывет теперь, оставив меня одну!

Зажимая рот ладонями, я вся дрожала. Не хочу! Очень хочу, но не хочу. Из

груди вырывались рыдания, но я пыталась их давить, глушить. Съехала на каменный пол, сжалась в комочек, зажмурилась. Сквозь невесомую ткань ночной сорочки холод напознал на меня, затягивая и немного успокаивая. Но я хотела сейчас холода, чтобы он овладел моим сердцем, чтобы не было страшно.

Горячие руки неожиданно подняли меня. Я не слышала, как подошёл Арман.

– Маленькая, ты чего тут? – невыносимо нежно спросил меня муж, легко перенося в постель. – Болит что-то? Ты плачешь?

– Арр, – выдохнула я, цепляясь за его плечи и вжимаясь в сильное теплое тело. – Арр, не покидай меня.

– Не покину, – засмеялся он. – Солнце едва взошло, о чем ты!

– Арр, я беременна, – выпалила я, не позволяя себе передумать. Он окаменел. – Я так тебя люблю! Мне страшно, что ты теперь уедешь и оставишь меня!

Тяжёлая рука легла мне на волосы и осторожно погладила.

– Ну, пару месяцев я точно буду с тобой, – спокойно сказал муж. – А там посмотрим. Это когда тебе рожать, получается?

Я попыталась посчитать, сгибая пальцы, но все время сбивалась.

– Предположим, сейчас срок месяц-полтора, – помолчав, заговорил Арман. – Весной, выходит. Что ж. В этом году займусь ремонтом Белого замка. Не могу же я остановить тебя одну, ты же с ума сходить будешь, а волноваться – вредно для ребёнка.

Я громко шмыгнула носом. Он не уплывет сейчас, а там— ремонт, строительные работы, это все не быстро! К тому же ребёнок родится, не оставит же он меня одну? Год, даже больше у меня есть! Я знаю, как быть – успею забеременеть вторым. И тогда он снова останется!

– Глупая маленькая девочка, – шепнул Арман, укутывая меня в одеяло. – Не понимаю, зачем выдавать замуж детей и заставлять их рожать детей? Куда торопиться?

– Я не ребёнок! – приглушенно возмутилась я. – Я взрослая женщина!

– Ты как моя сестра, – вздохнул Арр. – Лиса тоже считает себя взрослой. А я её с рождения нянчил. Она для меня всегда ребёнок, даже в шестнадцать. Хочешь, поедem в Белый замок к ней, вы вроде подружились?

Я кусала губы, потому что понимала, к чему он клонит. Если у меня будет подружка, не так уж и страшно будет меня здесь бросить, я же не одна останусь. Расчетливый он, недаром – адмирал. Всё продумывает на несколько шагов вперёд.

Ну так и я не дура. Не отпущу.

Запустила ледяные ладони под его рубашку – и когда только он успел её накинуть? Ощупала бока, водя пальцами по шрамам. Провела губами по ключице.

Арман выдохнул, сминая мою сорочку.

– А тебе можно? – хрипло спросил он, поглаживая большими пальцами мой зад. – Или теперь стоит воздерживаться от любовных утех?

– Я же не больна, – ответила я между поцелуями. – И чувствую себя отлично.

Его руки быстро стянули с меня сорочку, зарылись в распущенные волосы,

оттягивая голову назад, заставляя прогнуться. Руки были грубыми, наглыми, а губы – нежными, очень осторожными. Чувствительная до боли грудь терлась о волосы на его теле, бедра дрожали от нестерпимо уже желания, но сама я проявлять инициативу боялась. После той ночи, когда он изощренно заставлял меня кричать, все было по-другому. Арр был неизбежно нежен, терпелив и осторожен, а я скромна и тиха. Я даже стоны старалась сдерживать, я не Ви-ро, мне не положено.

Муж целует мою шею, облизывает ключицы. Мне ужасно хочется, чтобы он прикусил кожу, оставляя след. Хочется огня, страсти, жаркого сплетения тел. Но он нетороплив, как всегда. Укладывает на постель, разводя мои колени и проникая аккуратно, мягко. Я всхлипываю, цепляясь за его плечи. Так хорошо, так сладко... и так мало! Словно угадывая мои желания, Арр движется чуть быстрее и резче, я подаюсь ему навстречу, постанывая. Он тяжело дышит, то и дело замирая и вздрагивая, приподнимается на локтях, опасаясь меня задавить, и я схожу с ума от того, что ему хорошо со мной. Вжимаюсь губами в его плечо, сдерживая стоны, раскрываюсь до конца, позволяя ему запульсировать внутри меня и захлебываясь его удовольствием.

Ему хорошо со мной! Разве это не счастье? Разве не лучшее, что может быть в жизни? Слушать его дыхание, смотреть на него спящего, наслаждаться его объятиями – мне ничего больше не нужно. Он со мной, это главное.

Я прячу слезы, текущие из глаз. Он не замечает. А если и замечает, то не комментирует. Ладонь Армана лениво гладит мне волосы, и я вытягиваюсь под его лаской, как кошка. Впереди новый день, полный света и веселья. Впереди – почти целый год счастья, год рядом с ним.

– Стало быть, я заканчиваю здесь свои дела, – помолчав, сообщает мне Арман. – И вернемся на Север. Вам будет лучше там, спокойнее. И чужих там меньше, и моя семья рядом. А ниххонцы все равно уже собираются домой. Или вам больше по душе столичная жизнь, Иветта? Можете не скрывать от меня, сейчас я сделаю всё, чтобы вам угодить.

Я задумалась. Здесь, конечно, весело, но не для будущей матери. К тому же я хочу, чтобы мой сын родился в замке Шанторов. И там Арман будет безраздельно принадлежать мне, не будет ночных отлучек и всяких придворных дел. И да, я не хочу, чтобы при дворе видели мою беременность. Женщина в положении нехороша и капризна: сначала тошнота и сонливость, потом расплывшаяся талия, отекающие ноги и подурневшее лицо. Мама Авелин, впрочем, была почти красавицей, когда носила Янголь, но капризы ее мог вытерпеть только Акихиро Кио, остальные мечтали, чтобы она как можно скорее родила.

Ниххонцы считают, что слабости человеческие нужно скрывать, а уж будущей матери и вовсе нельзя переживать. Нужно проводить время в покое, много гулять, слушать музыку и наслаждаться природой. Я на миг зажмурилась, представляя великолепие северных лесов осенью: столица никак с ними не сравнится. Решено. В замок Шантора – гулять и наслаждаться своим положением.**26. Авелин**

Отъезд на Север пришлось немного отложить: испортилась погода, похолодало, начались дожди. На море шторма, всяческие прогулки пришлось прекратить.

Ива чувствовала себя неважно, плохо ела, много спала. Ее уже тошнило не только утром, но и днем, и вечером, и ночью, и даже зелья ниххонские ей не помогали. Всё это нужно было пережить, и Авелин с радостью бы побыла еще немного рядом с дочерью, вот только дома ее ждали другие дети. А Ива была совсем уже взрослой, самостоятельной. Впрочем, видят боги, за Янголь Авелин волновалась гораздо меньше. Знала, что Иветта могла натворить глупостей, и сердце матери, хоть и приемной, было беспокойно.

Зятя своего, по иронии судьбы – еще и ее родича, племянника покойного мужа, она не любила. Он казался ей похожим на Ральфа. Нет, не внешне. Внешне он был совсем другой – высокий красавец-блондин, хоть и со шрамом через все лицо. А внутри она подозревала в нем эгоизм и черную тоску. Нет, он не сделает свою жену счастливой.

А поговорить всё же с ним стоило, может – хоть немного прислушается к голосу разума. Она пригласила его на прогулку, благо дождь почти уже прекратился, и тучи местами уже рассеивались. Не отказал, не нашел повода, хотя было заметно, что радости от общения с ней он не испытывает. Взаимно, впрочем. Волорье и Кио давно друг друга не любили.

Арман смотрел на свою тётку (как о теще он предпочитал о ней не думать) и не мог не восхищаться ей. Красивая женщина. И не скажешь, что ей уже за сорок. Нет, выглядит моложе. В светлых волосах, убранных в узел на ниххонский манер, не видно седины. Фигура, сейчас скрытая под тяжелым плащом, безупречна. Морщинок совсем немного. Глаза ясные, чистые. Вот только выражение лица ему совсем не понравилось.

– Буду откровенна, я желала своей дочери совсем другого мужа, – холодно заявляла Авелин Кио.

– Ива – не ваша дочь, – пожимал плечами Арман, понимая, что от слов названной тётки холодно в груди. Нет, он знал, что не красавец, что герцогиня Шантор его выше титулом, но все равно... неприятно.

– Ива – моя дочь с трех лет и до сего дня, – отрезала Авелин, прищуриваясь и мысленно разделявая его на кусочки – о, Арман хорошо знал эти взгляды! – Я никогда не делала разницы между ней и остальными своими детьми.

– О, разве я вас в чем-то обвиняю? Просто напоминаю... что в жилах Ивы течёт древняя кровь герцогов Шантор. А не аптекарши из Эльзании и ниххонца.

Волорье и сам понимал, что его несёт, но остановиться не мог и не хотел. Слишком уж его раздражала эта женщина, глядящая на него с таким превосходством и снисходительностью. Он тут же вспоминал, что именно благодаря ей он – граф. Не откажись она от титула, не покинь так вовремя Ранолевс – и не был бы он никаким графом, и замка бы у него не было, а, возможно, и жизни бы вовсе не было, если бы принц Вазилевс в свое время не отобрал власть у брата. Арман много читал про те времена, и мать рассказывала, и он догадывался, что король Люциус рано или поздно истребил бы их род под корень... как род Шанторов.

Перед ним же сейчас стояла живая свидетельница тех времен. Победительница. Да и просто – женщина, которая заплатила за право смотреть на всех свысока своей кровью. И тем не менее она казалась чистой и невинной, будто ангел, и это злило ещё больше.

– Вы не любите Иву, – грустно сказала Авелин. – А она любит вас. Неважно, какая в ней кровь. Хотя, наверное, важно. Ада, её мать, любила мужа превыше

всего на свете. Я очень боюсь, что Ива унаследовала это качество от неё. Такая любовь сжигает дотла. Вы разобьёте ей сердце, сломаете её. Вы уже это делаете...

– Ада Шантор была шлюхой, скакавшей по чужим постелям, – резко заметил Арман. – Что вы говорите мне о любви!

– Вы ничего не знаете, – поджала губы Авелин. Она все же начинала злиться, и Арману это нравилось.

– Я знаю факты, – отрезал Волорье. – А они не врут. А еще принц Вазилевс был влюблен в вас, но спал с Адой. И это тоже говорит не в её пользу.

– Ада мертва, и своей смертью она спасла меня, закрыв от арбалетного болта, – холодно сказала женщина. – И я не позволю вам оскорблять её память. Что ж, вы достойный представитель рода Волорье. Умеете извратить все, к чему прикасаетесь. Бедная Ива!

– Бедная Ива не жалеет, что стала моей женой, – нервно дернул щекой Арман, не представляя, как прекратить поединок, который сам же и затеял. Слова Авелин больно кололи в самое сердце, потому что были правдой.

– Она смотрит на внешнее, – вздохнула женщина. – Маленькая ещё.

– На внешнее? – расхохотался Арман. – Да на что тут смотреть?

Он откинул волосы с лица, демонстрируя уродовавший его шрам во всей красе.

– Вы очень красивый мужчина, граф, – спокойно ответила Авелин. – Уверена, что и сами это знаете.

– Я?

– Простите, я, кажется, наговорила лишнего, – женщина опустила ресницы, очаровательно смущаясь. – Как бы то ни было, дело сделано. Ива – ваша жена. Она вас любит. Ждёт ребёнка. Берегите её, пожалуйста. Я уеду, мы все уедем... у меня дети в Ниххоне. Но видят боги, я оставляю тут старшую дочь с беспокойным сердцем.

– Я буду ей хорошим мужем, – почти равнодушно ответил Арман, принимая ветвь мира. – Заботиться буду. И можете не волноваться – я не из тех, кто ищет любви в чужих спальнях. Изменять Иве не буду. Но и от неё жду верности.

Авелин открыла было рот, но замолчала, только кивнула. Не то не придумала новую гадость, не то просто решила закончить разговор.

Арман отвернулся. Ему было почти физически больно от всех её слов. Женщины умеют находить слабые места мужчин, а красивые женщины – особенно. Да, он не любит Иву. Он вообще не знает, что такое – любить женщину. Не теряет головы. Не сходит с ума. Не скучает, не думает о ней по ночам.

Арман любил мать, братьев, сестру, по-своему любил юного принца и своих друзей. Но они просто были в его жизни, были, кажется, всегда, так чего по ним скучать? Рядом они – прекрасно. Далеко? Когда-нибудь они встретятся, а пока... а пока у него слишком много других дел.

Он любил, пожалуй, только море – вот по морю он скучал, море ему снилось. Арман часто ловил себя на мысли, что щурит глаз, поворачиваясь в сторону пристаней, словно может разглядеть паруса, что пытается уловить в воздухе запах солёной воды. Он даже ловил себя на том, что в глазах Ивы мелькают блики моря.

Единственная женщина, какое-то время занимавшая его мысли, была Ви-

ро. Она была таинственна и непостижима. Не то призрак, не то плод его воображения, не то в самом деле – ёкай. Виро казалась ему такой же, как он. Раненой. Он был уверен, что у неё что-то с лицом, и от этого сердце наполнялось щемящей нежностью. Он был почти влюблен в нее, ждал встреч, представлял... по-всякому, а она позволяла ему реализовать все желания. Какое разочарование было понять, что его глупенькая ветреная жена и таинственная ницхонка в маске – одна и та же женщина! Не женщина даже, девчонка. Пусть влюблённая в него по уши – но это даже не льстило, а раздражало. О, конечно, он что-то подозревал, но с упоением обманывал самого себя.

Он был жесток с Ивой – тут Авелин была права, упрекая его. Разочарование оказалось сокрушительным ещё и потому, что он так терзался угрызениями совести за свою "измену" жене, а она все знала и водила его за нос. Арман терпеть не мог оставаться в дураках.

При мысли о Виро он снова покраснел от злости. Как же глупо все вышло, как же противно за самого себя! И обида никуда не делась, он просто загнал её куда-то за грудину, чтобы потом, вдыхая солёные брызги океана, рассмотреть со всех сторон, разобрать по косточкам и рассеять над водной гладью.

Мягкие руки, словно лианы, обвили его талию. Арман дернулся от неожиданности, понимая, что ушёл в себя слишком глубоко. Едва удержавшись, чтобы инстинктивно не отбросить помеху в сторону, он обернулся, заставляя себя обнять доверчиво прижимающуюся жену.

– Ты чего здесь стоишь, такой потерянный? – спрашивала Ива, поднимая к нему сияющее лицо. – Грустный...

– Задумался просто. А ну марш в дом! Выбежала без плаща, глупая девчонка!

Ива засмеялась, и её кудряшки заплясали на ветру. Носик у неё покраснел, подол платья совершенно вымок. Хорошенькая. Кажется, беременность пошла ей на пользу, щёчки округлились, глаза сверкали счастьем. И все равно – жалко её. Какой ребёнок этому ребёнку? Слишком рано! Кого она вырастит? Впрочем, мать поможет, не оставит же она свою невестку сиротой. Надо как можно скорее отвезти Иву на Север. Он, конечно, обещал ей, что не уплывет до родов... но ведь осенью можно снарядить экспедицию в южные моря, там не бывает льдов. Самое время. Всё равно младенец будет слишком мал. А года через три он вернётся домой и осядет на суше на пару лет. Там можно и о втором будет подумать. Или не вернётся. Неизвестно ещё, что лучше.

– Мне совсем не холодно, – уверяла Ива, дрожа, и Арман подхватил её на руки и понёс в дом. Глаз да глаз за ней, такую дурочку и оставлять страшно.

А Иве только того и надо было, кажется. Улыбалась, прижималась к нему, как котёнок. Что ж, если его жене так хочется, он будет носить её на руках хоть до самых родов, она лёгкая. **27. “Сердце Севера”**

Палуба “Сердца Севера” покачивалась под ногами, ветер трепал его волосы. Хлопали паруса, скрипели снасти.

Арман Волорье был абсолютно, совершенно счастлив. Вдыхал полной грудью солёный ветер, сверкал единственным глазом, осматривая свой корабль. Ему хотелось прыгать и хохотать, как мальчишке, но он капитан, так нельзя, несолидно.

Он обожал море и этот простор, эту свободу. Тело пело от трудов и нагру-

зок: вывести судно в море - нелегкое дело. И только грамотный капитан руководит своей личной командой, как чутким прибором. Стоит на штурвале, встречает буксир на полсотни гребцов, быстро и правильно расставляет малые паруса. Отцепившись от крупной галеры, выведившей их из бухты порта, "Сердце Севера" ударило в громкую рынду и взяло курс в океан. Капитан не ошибся в команде, руки его не отвыкли еще от штурвала, и палец, воздетый к небесам, чутко улавливал ветер. Тот дует попутно – хороший знак для морехода, капитану благоволят боги моря.

Знает каждый моряк – есть те капитаны, с которыми в море пойти может только безумец. Они словно притягивают к себе и шторма и мертвенные штили. Арман же был из разряда "любимчиков удачи". Матросы шептались: он заключил сделку с демонами глубин. А он просто знал это море. Вел наблюдения за погодой, знал характер каждой своей переборки, каждого паруса. Он жил по склянкам и спал от вахты к вахте. Капитан. Адмирал. Тот, что болен лишь морем.

И все две недели паруса были наполнены попутным ветром, а море ни разу не взбунтовалось против гостей.

Это плавание было особенным. Арман, наконец-то, получил позволение на исследовательскую экспедицию. Он должен составить подробную карту Ильенских островов, а затем и той части моря, что за ними. Дальнее побережье и «внутренности» островов не видел никто из жителей Ближайших стран: туземцы попросту не пропускали туда корабли. Казалось бы, необразованные дикари – один выстрел из пушки, и ко дну отправится целая флотилия их узких лодок! Вот только ни один вооруженный корабль не может подойти на расстояние пушечного выстрела. Шторм, штиль, встречный ветер – не пускает море смельчаков.

Граф Волорье долго беседовал зимними вечерами с Макеши, выведывая у туземца тайны Островов. Их шаманы сильны, древняя магия не знает равных. К туземцам можно попасть только с миром. Без оружия, с дарами, в нужное время и с нужными словами. Арман теперь был уверен в успехе. *Он многое узнал о своей жене, о чем даже не догадывался.* С младенчества и до трёх лет Ива жила на Островах под присмотром одного из тамошних племён. Там ее любили, предсказывая великое будущее. Арман надеялся, что его примут на островах, как мужа Ивы и племянника Авелин Ферн. Пожалуй, ни у одного человека в этом мире не было столько шансов проникнуть вглубь Ильенских островов, да не просто проникнуть – а ещё и выбраться оттуда живым.

Единственное, что глодало его изнутри – понимание, что он не совсем капитан в своей жизни. Дело было в приказе Вазилевса. Король ясно и недвусмысленно отправлял его на эти самые Острова, выделив и финансирование, и три полностью оснащенных корабля в сопровождение к "Сердцу Севера". Его устранили с арены. Отправили прочь. И причина ясна: Ива. Король совершенно точно не оставил своих планов на юную жену Волорье, и от этого Арману было неуютно.

В Иве он был уверен: она его любила. Только его одного. Всё же она была совсем не похожа на свою ветреную мать. И оставлял он ее со спокойным сердцем, зная – она все сделает правильно. И сына их воспитает, и будет ему верна. Пусть она совсем еще девчонка, но в ней древняя кровь, благородство и настоящая честь.

Ничего, он вернется и всё исправит. Не видать Вазилевсу победы в этой битве, даже если он рассчитывает на что-то иное.

Год, два... как раз подрастет сын, и можно будет подумать о втором ребенке.

– Прямо по курсу Ильенские острова! – крикнул матрос с мачты, и Арман удовлетворенно кивнул. Все ненужные мысли были тотчас забыты.

– Шлюпку на воду, – скомандовал он.

Всю зиму Волорье учил этот их туземский язык. Выспрашивал Макеши, записывал, зазубривал, усваивал интонации и правильное произношение. Конечно, он на нем не заговорил более-менее внятно до сих пор, но мог немного понимать и сказать пару фраз.

На Островах было много народностей, Арман уже это знал. Диалекты у каждого племени свои. Но ключевые слова были все же одинаковые, и он надеялся, что сможет составить подробную карту Островов и всех разделяющих их проливов. Записать обычаи этих неизвестных раньше народов. Узнать, что там, на этих закрытых землях, и, возможно, наладить торговые отношения. Судя по рассказам Макеши, на островах были залежи драгоценных камней. Экзотические растения, неизвестные животные, которые никто из белых людей не видел — все это кружило голову почище столетнего виски и соблазняло адмирала вернее, чем сладкие губы его жены.

Арман был движим жаждой даже не богатств, а познания. Опасная очень болезнь, заставляющая всех несчастных, тех кто ее подцепил, проводить свою жизнь в поиске неизведанного.

Здесь все было так непохоже на Ранолевс. Голубое море, белый песок, высокие пальмы с раскидистыми листьями. Два года назад он жил в Ниххоне. Там тоже все было внове. Но сосны там похожи на северные кедры, и сакура их — почти что вишня. Или слива? Здесь все абсолютно другое. Кстати, про Ниххон: тогда его так и не пустили вглубь страны. Позволили только прогуляться по улицам портового города и пару раз пригласили на приём к Императору. Теперь же у него была в этой закрытой стране практически родня. Отчего бы через пару лет не взять с собой Иву и не попробовать вернуться туда снова?

Удивительное дело: он все же скучал по этой лисице. По перепалкам с ней, по ее гибким горячим рукам, которые так часто обхватывали его талию в самый неподходящий момент, по ее запаху, по мурлыканью этому «Арррр», которое его всегда не на шутку заводило. Ни одну женщину он не вспоминал так часто; но и ни с одной женщиной не был раньше столь близок, столь откровенен. Странное и довольно неприятное открытие. Выбросить Иву из головы никак не получалось.

Между тем их даже не встречали. Никто не выплыл им навстречу, море не оцетинилось волнами, никакого урагана или диких птиц. Удивительно. В прошлый раз Арман так и не смог приблизиться к этим берегам. В этот — нос его лодки мягко коснулся золотого песка. Он снял обувь (Макеши говорил, что это знак почтения к этим землям) и выпрыгнул прямо в воду. Его спутник сделал тоже самое. Энрике был выбран на роль сопровождающего потому, что бывал уже здесь. А раз был один раз — то и второй раз можно.

Было очень жарко, просто пекло. Пот струился со лба, голова, прикрытая светлым платком, кружилась. Рубашка мгновенно прилипла к телу.

Под сенью пальм стоял невысокий старик с кривым посохом в руках. Имен-

но к нему и направились босые гости. Ботинки несли в руках. Встали перед ним, не зная, что говорить. Да и нужно ли? Энрике поклонился, а Арман лишь голову склонил. Он — граф, адмирал. Старик ему, наверное, по маминым меркам ровня. Помолчал, чувствуя себя неуютно под насмешливым взглядом. Вдохнул, собираясь с духом, и медленно, но плавно и без запинок выдал на ильенском языке витиеватое приветствие:

— Попутные ветры привели нас к вашим берегам, да будут они милостивы к нам. Да будет солнце светить, дожди проливаться в срок, плоды опадать на землю, чтобы не было голода на земле.

О! Старик восторженно широко раскрывая темные глаза, вдруг сам низко поклонился и разразился птичьими трелями и треском, в которых Арман успевал угадать лишь половину.

Старик был польщен и невероятно доволен тем, что гости оказали им такое уважение. Рад приветствовать их на земле великих предков. Приглашает на ужин.

И дальше все пошло как по маслу. Ай да Макеши! Как хорошо, что он так славно научил всему Армана! Имя Макеши, упоминание Ивы Шантор, рассказ о том, что Авелин и Хиро — часть его семьи сделали Армана не просто гостем, а почти своим. Его почти силой волокли на встречу с местной элитой. Он едва успел отправить обратно на корабль Энрике, приказав ждать его, сколько потребуется. Не больше недели, впрочем, если он тут застрянет и не будет никаких вестей — стоит попытаться вытащить своего адмирала. Возможно, и силой. Туземцы ведь понятия не имеют, что «Сердце Севера» оснащено новейшими пушками с повышенной дальностью стрельбы. С того места, где стоят корабли, ядра прекрасно долетят до побережья.

Такого количества чернокожих людей разом Арману видеть еще не приходилось. Его привели на огромную поляну, где голые до пояса женщины с острыми, похожими на козье вымя, грудями спешно “накрывали на стол”. На земле стояли кувшины, закрытые пробками, лежали пирамиды разноцветных фруктов, подобных которым Арман никогда не встречал, на глиняных блюдах высились горы мяса.

К нему самому то и дело подбегали черномазые ребятишки, трогали штаны и рубашку, охали, удивленно тыкали пальцами в светлые волосы и глаза. Почти все жители были одеты очень просто: в набедренные повязки из листьев и бусы разного размера. На некоторых женщинах были длинные юбки из ткани, и волосы у них были заплетены по-другому. Макеши не рассказывал ничего о социальном неравенстве в местных племенах, да Арман и сам упустил этот момент в их беседах и теперь гадал: кто эти дамы: элита ли, а может, жрицы, а может, и вовсе — доступные женщины?

Его усадили рядом с вождем, завернутым в кусок полосатой хлопковой ткани, уже порядком замызганной (значит, все же — элита), сунули в руку какой-то весьма странный овощ, похожий на грушу, но с твердой кожурой, покрытой воском. Одно лишь точное движение острым ножом у самого носа опешившего адмирала, макушка горлышка с хвостиком улетела куда-то, и из “бутылки” запахло чем-то приторно-сладким и даже спиртным. Арман ухватил какую-то жареную птицу, смело отхлебнул из импровизированного сосуда, умудрившись даже не закашляться от крепости пойла. Птичку проглотил едва ли не с костями, вкуса даже не почувствовал. Отмахнулся от прильнув-

шей к его руке туземке, внятно сообщив вождю заранее заученную фразу про жену, которой дал обет верности. Макеши предупреждал о судьбе единственного белого человека, которому позволили остаться на Островах – Антуана Бревса. Беднягу сделали местным символом плодородия, каждую ночь требуя с него исполнения мужского долга с разными женщинами. Потомков у Антуана на островах уже было больше сотни, Макеши – один из них. Повторить его судьбу Арман совершенно не желал, к тому же он действительно собирался быть верным своей супруге, о чем сейчас твердо сообщил, не забыв упомянуть парочку проклятий, которые наложила на него жена с магическими силами.

Вождь оживился. Иву, как оказалось, он знал еще в младенчестве, едва ли не сам лично вскармливал грудью. Откуда у столь милого дитя магические силы? Шаманы не нашли. Уже порядком захмелевший Волорье врал напрапалую, путая слова и переходя на свой язык. Дескать, Ива росла в Ниххоне, а там свои обряды и своя магия. Слышали ли вы про ёкаев? Так вот, Иветта — тот еще ёкай! Сидевший рядом старик-переводчик важно кивал, соглашаясь. Наверное, он даже как-то умел отличать ложь от правды, но вот про ёкаев Арман даже и не особо погрешил против истины. Она ведь сама себя так называла? И зелья всякие ему подмешивала, как потом призналась. А значит – ведьма!

Потому что только ведьма могла его приворожить настолько, что он даже посреди пира рассказывал туземному вождю о том, что его жена – прекрасна как луна ночью, а тело ее сладкое, как самая спелая дыня, и поэтому никто ему больше не нужен. **28. Предательство**

Арман сбежал. Трусливо и подло, бросив меня с младенцем в замке Шанторов. Мне ввали целую неделю, что его срочно вызвали к королю, что он непременно вернется. Я верила. Кормила грудью нашего сына, до сих пор безымянного, потому что именно отец должен был дать ему имя, терпеливо и смиренно ожидая возвращения гордого отца.

Роды были тяжелые. Я – маленькая, сын – большой, тяжелый. Сейчас глядя на него, я даже не могла поверить, что родила такого богатыря и выжила. Арман был со мной на протяжении всего этого времени, с самой первой схватки до младенческого крика. Гладил по волосам, подносил к губам чашу с обезболивающим отваром, настаивал, чтобы я немного перекусила, утирал пот с висков и перестилал постель. Сжимал в объятиях, пока я плакала и выла от боли, пока еще у меня оставались силы издавать какие-то звуки, кроме хриплых стонов. Орал на повитуху, угрожая, что если погибнет кто-то из нас – умрет и она, и все ее дети.

Рожала я больше суток, потом просто лежала в беспомощности. Болело все тело, я не могла даже пошевелиться, такая страшная была слабость. Свекровь, невестка как оказавшаяся рядом, предлагала спешно найти кормилицу в деревне, дабы мне не тратить силы еще и на кормление сына, но я отказалась с возмущением. Мама Авелин всех своих детей выкормила сама, я это знала, видела, и поэтому своего сына намеревалась прикладывать к груди по первому писку.

Мне сказали, что меня спас, наверное, Макеши, который творил какие-то обряды и поил меня своими зельями. Но я-то знала, что сил мне давали руки супруга. Но зелья Макеши принимала безропотно, он уверял, что это поможет мне быстро восстановиться, а я верила ему безоговорочно.

На исходе первой недели я смогла даже подняться на ноги, сама этому удивляясь. Сама умылась и поела. Тихо прошла в кабинет мужа – и сразу поняла, что он уехал надолго. Ни одной бумаги у него на столе, ни одной карты на стене. Пропали все рубашки из шкафа, не было походного письменного набора и его альбома с зарисовками.

Мне сделалось дурно, кажется, я даже потеряла сознание. Очнулась уже на руках у верного Макеши, который нес меня словно ребенка, на руках и витиевато ругался на ниххонском.

– Скажи мне правду, – потребовала я. – Немедленно! Он уехал, да? В плаваньё?

– Да, – сказал Макеши. – Его спешно вызвали в столицу. Вчера прискакал человек, сообщивший, что корабль адмирала Волорье отправился в экспедицию к Ильенским островам.

Я замолчала. Этот удар был ожидаемым, но все равно очень болезненным. Он меня бросил: и меня, и нашего сына. Ладно, я ему не нужна и никогда не была нужна, но ребенок разве виноват? Он даже не взял его на руки, даже не нарек ему имя, хотя никаких сомнений, чей это сын, быть не могло. Даже свекровь с первого же взгляда заявила: “Вылитый отец”.

Макеши уложил меня в постель, убежал за успокаивающими отварами, а я подогнула коленки, свернулась клубочком и наконец разрыдалась. Успокоить меня не могли, я плакала, не переставая, несколько дней. Стоило ли удивляться, что в моей груди не осталось ни капли молока? Все же пришлось спешно искать малышу кормилицу. Я хотела умереть, я кричала в небо и просила меня забрать. Почему я не умерла родами? Зачем? Кому я теперь нужна на этой земле?

– Прекратите убиваться, Ива, – в один из дней заявила мне свекровь. – Во-первых, Арман того не стоит. Во-вторых, у вас сын. Сами подумайте, что скажет его отец, когда вернется и узнает, что вы точно так же, как Ада Шантор, совершенно забыли о своем ребенке? Арман-младший нуждается в матери, раз уж его отец так поспешно сбежал от семейной жизни.

– Какой еще Арман-младший? – слабо возмутилась я. – Не бывать этому. Я назову сына в честь моего отца!

– Эдвард? Хорошее имя.

– Акихиро!

– Что? – подскочила свекровь. – Да вы с ума сошли! Я против!

Мы ссорились добрую четверть часа. Пришли, наконец, к соглашению: нашего мальчика будут звать Эдвард Акихиро Шантор. И плевать на всех, кому это не нравится!

Добрый скандал меня изрядно оживил. Я сразу почувствовала в себе прилив сил, потребовала еды, да побольше, с аппетитом пообедала, потом приняла ванну. Поднялась на ноги с помощью Макеши и отправилась знакомиться с кормилицей. Нормальная деревенская девка с вполне себе внушительным бюстом. Она только что родила второго ребенка, молока у нее было хоть залейся. Словом, я осталась довольна.

К тому же сын был у меня такой красавец – не сравнить с его молочным братцем. Я гордилась тем, что произвела на свет Эдварда! А Арман... Ну, пусть только вернется, ох и теплый же прием я ему устрою!

Лето на Севере прекрасно, особенно если твой замок стоит на холме и ря-

дом нет болот с гнусом и всякими другими насекомыми. В саду мне слуги соорудили качель, где я с сыном на руках проводила летние вечера. Элиссон Волорье садилась на лавочку рядом и читала мне книги про приключения отважных капитанов. Кажется, я понимаю, какие книги любил в детстве Арман. Часто к нам присоединялись Макеши и Жерар, который явно поглядывал на сестру Армана с неравнодушием, но каких-то знаков внимания ей оказывать не смел. Хозяйством по-прежнему управляли Регнар и его Ижен. Мне они оба нравились, я однажды, уже осенью, поймала-таки барона и увела за собой в кабинет на серьезный разговор.

– Послушайте, Регнар, доколе вы будете бегать от ответственности? – сурово спросила его я.

– Миледи?

– Жерар ваш сын.

– Воспитанник.

– Жерар ваш сын, и родила его Ижен. Об этом знают почти все в замке, не думайте, что вы это скрыли от глаз людских.

Он вдруг побледнел и закрыл лицо руками.

– Я не сужу вас, – продолжала я. – Но Жерар не заслуживает подобной жизни. Других детей у вас нет, кому вы передадите титул? Признайте его своим внебрачным сыном и наследником, так будет правильно.

– Я писал королю неоднократно, – грустно ответил барон. – Ответа не получил.

– Давайте напишем королеве, она милосердна и справедлива, – немного подумав, предложила я. – Я с ней знакома и даже немного дружна. И... Регнар... поговорите со священником. Расскажите все, как есть. Возможно, он вас тайно обвенчает с Ижен. Мы хорошо ему заплатим, это останется только между вами, зато совесть ваша будет чиста.

– Признаться, я никогда не думал об этом варианте, – сказал Регнар. – Но Ижен, наверное, согласится. Да, ваша светлость, я подумаю. И если я сам лично отправлюсь к королеве, дадите ли вы мне рекомендательное письмо?

– Разумеется, – обрадовалась я. – Сейчас же и напишу. Урожай убран, дожди пока не начались в полную силу. Поезжайте немедленно!

– Слушаюсь.

Вот так! Лишенная семейного счастья, я стремилась устроить жизнь других людей. Жерар будет дворянином, у него будет титул. Осмелится ли он тогда заговорить с Лисой о чем-то более личном, нежели погода или неудавшееся жаркое? Он хороший молодой человек, очень умный, одаренный, трудолюбивый. Надеюсь, Гленна не будет против такого зятя. Впрочем, мне хватило разума не задавать ей этот вопрос. Без меня пусть разбираются, я и так сделала все, что могла.

Дни тянулись неспешной куделью, за осенью пришла зима, а за зимой – весна. Маленький Эдди только радовал, да это и не удивительно – при таком-то количестве нянек! Рядом с ним всегда была нежная тетушка Лиса, которая обожала читать ему сказки, бабушка Гленна, подхватывающая своего первого внука на руки при малейшем писке, Макеши, который учил мальчика ходить и был его бессменной лошадкой (как мы все посмеивались, у Эдди с младенчества свой гнедой жеребец). Сын был очень спокойным – явно не в маму, любознательным и практически не капризничал. Только переупрямить

его было почти невозможно, он получал все, что хотел.

Я научилась ценить эту уединенную спокойную жизнь, ее неторопливость и предсказуемость. Страшно скучала по Арману, мучительно засыпая одна и просыпаясь одна. Я давно его простила – о, только бы он вернулся ко мне! Не упрекну, слова против не скажу, только бы увидеть его, прикоснуться к нему!

Когда весной растаял снег и высохли дороги, в мой замок прискакал гонец от короля. Его величество Вазилевс требовал немедленно прибыть ко двору. Что означало столь странное послание, никто из нас не понял, но встревожились все. Поцеловав сына, обняв свекровь и сестренку, я быстро собрала в седельные сумки немного вещей (в конце концов, в столице у меня теперь был свой дом, где есть все необходимое) и вместе с верным Макеши выдвинулась в путь. Верхом, потому что так куда быстрее, чем в карете. До столицы добрались мы в рекордные сроки, уставшие до изнеможения, грязные по уши, голодные и злые. Причем Макеши торопился едва ли не больше меня, что пугало. Примчались в дом Волорье, упали в постели... А утром, едва рассвело, я умылась, надела первое же попавшее под руку платье и поехала в королевский дворец. Меня приняли немедленно, провели в приемную к его величеству.

Король ничуть не поменялся: тот же лукавый прищур карих глаз, те же каштановые кудри, то же выражение лица – надменно-усталое.

– Прошу вас, сядьте, Иветта. У меня для вас плохие новости.

Я немедленно осела на указанный стул.

– Вы не та женщина, от которой стоит скрывать дурные вести. Вы сильная, я уверен. Две недели назад в гавань вернулись корабли: “Морская звезда” и “Чайка”. Они сопровождали корабль вашего супруга к Ильенским островам. Внутри архипелага их не пустили, туда зашел только “Сердце Севера”. Остальные ждали, жили на ближних островах, налаживали торговые связи, впрочем, неважно. А потом вернулся единственный выживший с “Сердца Севера”. Соболезную, герцогиня. Муж ваш, по-видимому, погиб вместе с кораблем и всей командой. Выживший рассказывает ужасные вещи, думаю, вам не стоит об этом знать.

– Погиб? – тупо повторила я, не понимая.

– Да, погиб. Вы вдова, герцогиня. Я не хотел сообщать вам письмом, посчитал, что личная беседа будет правильнее.

Он говорил что-то еще: что мне положена компенсация, доля прибыли от торговли, что сын Армана никогда не будет ни в чем нуждаться, но я уже не слушала. Погиб вместе с кораблем и командой. Нет, я решительно отказываюсь в это верить! Не имеет он права погибать, я еще не плюнула ему в лицо за то, что он сбежал!

Поднялась, натыкаясь на мебель, ничего не видя, не слушая криков его величества вслед. Макеши поймал меня в галерее, вывел в сад, усадил на лавочку и испытующе заглянул мне в лицо.

– Мне сказали, что Арман погиб, – засмеялась я, прижав ледяные ладони к пылающим щекам. – Представляешь, какая глупость?**29. Острова**

Пьянка в племени О-охо продолжалась пять дней, пока окосевший Арман не взвыл в голос. Не для этого он сюда приехал, ой не для этого! Он вдруг обнаружил себя с туземной хижине и совершенно голым, а на плечо и грудь были

нанесены странные узоры: круги, треугольники и в центре этого безобразия, на плече – схематическое изображение черепахи. Судя по воспаленной красной коже – тату. Вот только этого ему и не хватало!

Едва сумел встать, голова гудела, ноги подкашивались. Вкус чего он ощущал во рту – старался не думать. Так, с праздником в его честь пора завязывать, нужно уже приступать к делам, пока его корабли не начали палить. Будет, мягко говоря, неудобно перед этими славными ребятами. В который раз Арман пожалел, что не взял с собой Макеши, славный бы из него вышел и проводник, и переводчик. Но туземец наотрез отказался оставлять Иву, хотя что могло ей угрожать в замке Шанторов? А теперь вот адмиралу придется как-то объясняться с шаманами относительно татуировки.

– Это знак, что ты – мой брат, – торжественно заявил вождь, когда Арман молча ткнул пальцем в свое плечо. – Теперь любой на этих островах будет знать, что ты – неприкосновенен.

О! Интересно, а можно такую же всем членам его команды?

– О-охо — это “черепахи”, – снисходительно пояснял вождь с совершенно непристойным именем, которое Арман нещадно коверкал и в конце концов сократил просто до “Бена”. – Ты теперь – тоже черепаха!

Волорье предпочел бы быть львом, но благоразумно промолчал.

Он объяснялся на языке племени уже гораздо лучше, чем до пира. Не то в напитки подмешивали какой-то дурман (Ива, к примеру, была любительницей подобных шуток), не то просто пьяный мозг лучше усваивал информацию. Договориться с вождем оказалось не так уж и сложно: конечно, он позволит кораблю своего брата проплыть вглубь архипелага. Дальше будут острова птичьих людей, там Волорье тоже примут, как родного. Но только один корабль, остальные останутся здесь. И белый брат обещал ткани, много тканей. Шелк, гладкий как птичьи перья, хлопок, такой приятный к телу, лен, прочный и прохладный в жару. А в обмен Бен уже велел приготовить несколько ящичков с отборным жемчугом и еще – лучших фруктов для людей его брата.

Арман чистил апельсин и довольно улыбался. Все прошло куда лучше, чем он рассчитывал.

Удача сопутствовала ему: знак на плече открывал ему дорогу всё дальше и дальше вглубь архипелага. Сезон дождей он переждал на Птичьем острове, вдоволь наобщавшись с тем самым Антуаном Бревсом. Забавное это было место – столько людей-птиц он не встречал никогда. Поговаривали, что подобное племя встречалось еще в Эльзании. Здесь все люди-птицы были детьми и внуками Антуана – каждый его потомок был крылат. Кажется, местные шаманы научились управлять этим даром. А еще многие эти полукровки были замечательно красивы. Встречались детишки и со светлой кожей, и со светлыми глазками, и даже – с гладкими русыми волосами. Знала ли Авелин, как много у нее братьев и сестер?

Дальше “Сердце Севера” отправилось к тем островам, где обитали люди ростом с десятилетнего ребенка. Кривоногие, щуплые, с кофейными сморщенными лицами, они и вовсе впервые видели белых людей. Но это племя было дружелюбно, а уж когда пришло время обмена...

Таких огромных алмазов Арман не видел никогда. Счастье еще, что команда его была с ним много лет, ни одного не было среди них чужака или случайного человека. Иначе как бы он удержал своих людей от мародерства? Сейчас

он ясно понял, почему вглубь островов пропустили только его корабль. Арман ни за что не смог бы поручиться за остальные экипажи. На острове маленьких людей внезапно на его команду обрушилась лихорадка. Туземцы говорили – это от местного гнуса. Сам Арман тоже не избежал этой участи, болел он недолго, но очень тяжело, не мог ни есть, ни пить, бредил, сильно потерял в весе. Выжил, хотя не всем так повезло. Местный шаман долго смотрел ему в лицо, а потом сказал:

– Это потому, что там, за морями, ты кому-то очень нужен. Твой дух почти покинул тело, но его позвали обратно.

Ива, конечно же, Ива! Кто еще может его так ждать? Волорье был несколько не удивлен, когда ему сказали, что в бреду он звал свою жену.

Несмотря на потери среди экипажа, адмирал еще не был готов закончить свою экспедицию. На картах, нарисованных Макеши, было еще три крупных и с десятков мелких островов.

Адмирал изрисовал уже несколько блокнотов: здесь были и описания растений, и рассказ про виды морских черепах, и зарисовки забавных зверьков с длинными хвостами и огромными глазами, и всё то, что он узнал про обычаи племен. Арман уже предвкушал, какой фурор произведут его записи в Ранолевсе. Он давно просил у Вазилевса дозволения основать географическое общество, возможно даже, торговое. Но его проект отклоняли раз за разом. А теперь у Армана была пара ящичков с жемчугом и горсть огромных алмазов, которые местные выменивали у обитателей Огненного острова. Вот на Огненный остров он и держал теперь курс.

Тамошние туземцы разительно отличались от своих миниатюрных собратьев. Рослые, довольно агрессивные, они приняли чужаков настороженно, но дары в виде разноцветных бус, деревянных дудочек и тканей довольно быстро убедили их в дружелюбных намерениях странных белых людей. Арман все равно держался настороже: именно на Огненном острове алмазы в буквальном смысле валялись в пыли – он своими глазами видел, как местные детишки играют прозрачными камушками. И именно здесь, по словам Макеши, жили людоеды. Переговоры он вел сам и ни на какие пиршества не соглашался. Команда с судна сходила исключительно вооруженная до зубов. Местные, впрочем, не проявляли особой агрессии, во всяком случае, они не облизывались жадно и не щелкали в сторону белых зубами. Менялись охотно, особенно им нравились железные наконечники для копий и топоров. Железа здесь, видимо, или не было, или не научились добывать. А алмазы... да кому они нужны? Глупые белые люди хотят прозрачных камней? Смех да и только. Их тут великое множество.

Обе стороны расстались совершенно довольные друг другом. Арман уже подумывал, не вернуться ли ему домой – он теперь был баснословно богат, а блокноты попросту закончились. Что он найдет на оставшейся территории? Наверное, много интересного... Но его ждут два корабля, а еще... Да, у него сын. И Вазилевс, положивший глаз на его жену.

Он колебался, снова и снова сомневаясь. Не так уж много осталось товаров для обмена. Да и команда его устала. Еще одна лихорадка, и они вовсе не выберутся отсюда. Решено – он возвращается назад как можно быстрее.

– Энрике, у нас достаточно питьевой воды и припасов? – спросил капитан своего помощника.

– Воды не так уж и много, – ответил Энрике. – Но тут недалеко земли водопадов, наполним бочки там.

– Нет. Мы возвращаемся.

– Тогда нужно вернуться на Огненный остров и пополнить запасы.

– Да, разворачивай корабль.

Они снова пристали к берегу, Арман спустился на землю... А что случилось потом, он так и не понял. Сильный удар по голове – и наступила темнота.

В себя адмирал приходил с трудом. Было по-прежнему темно и вдобавок холодно. Арман никак не мог понять, что произошло. Где он ошибся? Почему дружественные пару дней назад туземцы вдруг напали? С ужасом он понимал, что, понадеявшись на свою неприкосновенность, он обрек на гибель всю команду. Не те они были люди, чтобы бросить его тут, а туземцев, очевидно, намного больше. Ошибки совершены, смерть коснулась его своим крылом, тут нет сомнений. Сожрут его, как есть сожрут. Обидно и глупо. А особенно обидно, что Арман прекрасно понимал, что могло быть по-другому. И жалел он сейчас только об одном, и перед глазами стояло не море. Он прикрыл веки и чётко увидел свою жену, какую он её видел в последний раз: уставшую, с мокрыми от пота волосами, державшую у груди крохотное красное существо, по непонятному стечению обстоятельств являвшегося его, Армана, сыном. Сыном, которого он даже не взял на руки. Сбежал, как последний мерзавец. Трус. Сбежал, потому что знал: возьмёт на руки, заглянет в глаза и пропадёт. Не будет больше ни моря, ни ветра, будет только сморщенное тельце в руках.

Нет, думать о сыне не получалось, лезло в голову другое. Сын – это больно. А перед смертью лучше вспоминать хорошее, так легче.

Танец с веером. Изгиб спины, складки шёлка. Соскользнувший ворот, обнажающий тонкую незащитную шею. Сколько раз он потом впивался в эту шею губами? Сколько раз скользил ладонями по изогнутой тонкой спине, собирая холодный гладкий шёлк в складки? Красивая... какая же красивая у него жена... и такая горячая в постели! Её губы, её тело, её стоны и вскрики всегда заводили не на шутку. Но было и другое. Как она прижималась к его груди. Как гладила лицо, проводила пальцами по шрамам.

Теперь, когда он понимал, что больше не увидит Иву, ему до боли хотелось сжать её в объятиях. Он всегда сдерживал себя в постели, ни разу и не взял её так, как хотел бы: жадно, стремительно, вжимая её голову в подушку. Боялся испугать, причинить боль. Идиот. А надо было кусать и мять, как глину. Она бы не возразила.

Мысль о том, что его жена будет принадлежать кому-то другому, злила до искр в глазах. Несмотря на все недобрые слова, которые он ей бросал в лицо (а теперь даже прощения не попросить!), он был совершенно уверен, что она не станет прыгать по чужим постелям. Она его любит, и это самое лучшее, что было в его жизни. Но он умрёт, нельзя же вечно его оплакивать! А Ива совсем молодая, ей всего двадцать. Не хоронить же ей себя... вместе с ним. Его эгоизм требовал, чтобы жена закрылась в замке, занимаясь воспитанием их сына, чтобы была верна ему до конца жизни, но Арман, назло собственническим мыслям, шептал: будь счастлива. Будь любима. Пусть в твоей жизни будет тот, кто любит тебя так, как ты этого заслуживаешь. **30. Непокорная**

– Это Энрике, – сказал мне Макеши. – Тот самый выживший с “Сердца Севе-

ра”.

Мы сидели в портовой таверне. Я никогда бы по своей воле не зашла в подобный притон, но ради мужа готова была и на это. Человек напротив был худ и хмур. Некогда рыжеватые волосы, теперь изрядно посеребрённые сединой, были завязаны в короткий хвост на затылке. Ввалившиеся глаза блестели как-то неестественно.

— Вы его жена? — спросил Энрике. — Красивая... понятно теперь, почему...

— Что «почему»? — нетерпеливо спросила я.

— Он ни разу не посмотрел на другую женщину, хотя туземки очень охотно делили постель с белыми людьми. У них, знаете ли, так принято... к каждому гостю очередь выстраивается. Тамошние бабы такие распутные...

— Глупости, — резко сказал Макеши. — Это для притока свежей крови, а не ради сомнительных удовольствий покувыркаться с белокожим. На островах нет какого-то разнообразия, слишком много родственных браков ведут к вырождению всего племени. Вот туземцы и пользуются оказией.

— Ха, да им нравится! Все туземки млеют от белых... эээ... — моряк покосился на меня и подавился последним словом.

— Что именно там может нравится? — сверкнул глазами Макеши. — Стручки эти ваши? Туземцы куда более одарены...

— Так, — хлопнула ладонью по столу я. — Вы ещё на стол свои хозяйства вывалите и померяйтесь. Мы здесь не для этого. Рассказывайте про моего мужа, Энрике!

— Да, миледи, слушаюсь. Экспедиция была очень удачной. Арману удалось побрататься с вождем О-охо, и поэтому наш корабль пропустили вглубь архипелага. Мы торговали, и весьма успешно. Полные трюмы жемчуга, миледи, да какого — даже с лучшим ниххонским не сравнить! Диковинные звери и птицы в клетках, — на этих словах Макеши весьма ощутимо скрипнул зубами. — Фрукты всякие, поделки из дерева и камня... и алмазы. Клянусь, я лично держал в руках алмаз размером с куриное яйцо! Мы дошли до Огненного острова, где в середине — гора со срезанной вершиной. Местные говорили, что в той горе спит огонь, но нас, конечно, не пустили, хотя капитан очень хотел. Мы славно поторговали и решили разворачивать паруса к дому. На всякий случай надо было пополнить запасы воды, мы вернулись к Огненному острову... и чертовы туземцы внезапно взбесились.

Макеши громко застонал и пару раз стукнулся головой об грязный стол.

— Идиоты, — заявил он. — Держу пари, было полнолуние! Огненные люди, они считают, что в полнолуние в людей вселяются духи луны, а вы ещё белокожие. Огненные — это Солнце. А вы — их вечный враг, Луна. К тому же вы вернулись так быстро — значит, решили ограбить их.

— Ну... — моряк вдруг смутился и опустил глаза. — Не то чтобы ограбить... но пару занятных вещей наши парни упёрли у ихнего шамана ещё в первый раз. Это мы уже потом выяснили, когда капитана схватили. Разумеется, мы решили его выручать, как можно бросить там нашего благодетеля? Он всех нас сделал богачами, да и любили мы его... Словом, ночью зарядили мушкеты, спустили на воду шлюпку и поплыли к берегу.

— Позвольте, я угадаю, что было дальше, — насмешливо произнёс Макеши. — Ружья не стреляли, ноги вязли в песке, лианы цеплялись за одежду. Простейшая магия Островов. Каждый шаман так умеет. Вас всех поймали, как

маленьких детишек.

— Да.

Это «да» упало тяжело, словно камень. Впору было хвататься за сердце.

— Огненные — они людоеды, — вдруг вздрогнул Энрике, стекленея глазами. — На наших глазах они убили Анджело и Дилея, разрубили на куски и кинули в котлы. А потом сожрали. Мы все блевали дальше, чем видели — нас из этих котлов угощали мясной похлебкой.

— Не бойся, человечину вам не накладывали, — вздохнул мой туземец. — Это блюдо для избранных. Капитана вы видели? Мертвым — видели?

— Нет, не видели. Но я немного понимаю язык этих вот... и они говорили, что лучших съедают первыми. Особенно лакомые кусочки — это сердце и печень, вырванные ещё у живого человека. Я видел...

Энрике застонал, закрывая лицо руками. Макеши молча придвинул ему стакан с каким-то мутным пойлом.

Мне было дурно, кружилась голова. Неужели Арман умер вот так?

— Мне, наверное, повезло, — хрипло пробормотал моряк. — Я знал язык. Мог поговорить с вождем. Меня отпустили, чтобы я передал своим... про смерть братьев. Даже позволили забрать личные вещи капитана, сказали — все, что смогу унести. Я забрал его дневники и судовой журнал.

— А алмазы? — прищурился Макеши.

— Ни одного камня в моих карманах не было.

Макеши вдруг рассмеялся. Энрике же покраснел как рак.

— Молодец, они бы не выпустили, если бы нашли. Это было испытание. Где спрятал?

— Проглотил.

— Красавец! Где дневники?

— Меня допрашивал сам король. Он и забрал.

— Ясно. Итак, тело Волорье ты не видел. И он был побратимом вождя Бенехелуху. Тату ему сделали?

— С черепахой, да. Ты считаешь, он может быть жив?

— С очень высокой вероятностью. К тому же он увечный, — Макеши провёл рукой по своему лицу. — Насколько я знаю, увечных не едят. А если его нельзя съесть — какой смысл убивать? Но мне ещё нужны дневники, хотя бы последний. Там точно станет понятно.

— Я пойду к его величеству и попрошу, — подала голос я.

Макеши кивнул, задумавшись.

— Вы поплывете за ним? — спросил Энрике. — Я с вами!

— Нет, не нужно. Больше все равно на Острова никого не пустят очень долго.

— И пусть. Я найду вам корабль. Самый лучший, самый быстрый. Куплю. У меня есть деньги.

— Надо думать, — фыркнул Макеши, поднимаясь и бросая на стол несколько монет. — Мне прям интересно, сколько ты ухитрился сожрать алмазов, если теперь хватит на корабль!

— Там ещё жемчуг был, — побагровев, ответил моряк. — Мы его на «Чайке» оставили.

Два года назад я прибыла в Ранолевс. Такая юная, такая счастливая, восторженная. Суций ребёнок. Сейчас я ощущала себя лет на десять старше. Мучи-

тельное облегчение от слов Макеши кружило голову. Мне хотелось бежать в порт, садиться на первый же корабль и мчаться на Острова. Мне хотелось забиться в темный уголок каюты и там рыдать — долго и горестно. Арман, что же ты наделал!

Макеши вдруг крепко стиснул меня в объятиях — совершенно недопустимо и неприлично, но мне так это было нужно!

— Мы его обязательно найдём, Ива, — твёрдо сказал он мне. — Обязательно. Верь в это. Жаль, что у нас нет времени доплыть ещё и до Ниххона. Бойцы нам не помешают. Огненные уважают силу.

— Слишком долго, — покачала я головой. — Да ты и сам понимаешь...

— Да. Но одна мысль у меня все же есть. Я провожу тебя до дому, собирай вещи. А сам отлучусь, наверное, до утра.

Не стала задавать вопросы, пусть. Он знает, что делает. Макеши, несмотря на свою, прямо скажем, совершенно необычную для этих краев местность, совершенно здесь уже освоился. Его все тут знали, и он, кажется, всех знал. За него я не боялась совершенно. А вот за Армана — очень даже. Я привыкла думать, что он в безопасности, что он сильный, смелый, но теперь вдруг вспоминала каждый шрам на его теле. Сколько раз его могли убить до меня? Я могла его никогда не встретить, а теперь и вовсе практически потеряла.

Вернулась домой, понимая, что не смогу ни есть, ни пить, ни спать от волнения, сварила себе убийственно-снотворное зелье, выпила и словно умерла. Ничего не помнила, ничего вокруг больше не было. Только я и темнота.

А с самого утра я вновь отправилась к королю. На этот раз я очень долго выбирала наряд и образ. Надеть черное? Глупо и нелепо. Во-первых, Арман жив или хотя бы пока не объявлен мертвым. Во-вторых, цвет этот мне не шел ужасно, делая мою кожу какого-то оливкового оттенка. Да и слишком это... нарочито, пожалуй. Но и что-то светлое и богатое надевать совершенно не хотелось. Остановилась на платье глубокого винного цвета, очень закрытом, выгодно подчеркивающим талию, нисколько не расплывшуюся после рождения сына. Волосы мне горничная уложила щипцами, и тугие локоны красиво ниспадали на плечи и спину. Так невинно и дерзко одновременно. Арману всегда нравились мои кудри, он часто зарывался в них ночами, обматывал их вокруг своей шеи, целуя меня... Я гордилась своими волосами, черными, как ночь, густыми, длинными, до самых ягодиц. Лучшее мое украшение.

И снова меня незамедлительно провели в приемную к королю. И снова Вазилевс сделал шаг мне навстречу, окидывая меня откровенно мужским взглядом.

— Иветта, вы изменились, — с улыбкой сказал он. — Стали еще красивее, еще желаннее. Вам нужна помощь, покровительство? Я правильно понимаю ваш визит?

— Мне нужны вещи моего мужа, — после небольшой паузы сказала я. — Сыну... на память.

Он посмотрел на меня странным взглядом, сделал длинный шаг ко мне.

— Сейчас это бессмысленно, Ива. Его дневники еще не изучены. Я обязательно вам их отдам... лет через пять.

— Но это единственное, что осталось от моего супруга, — пролепетала я растеряно. — А что, если они пропадут, потеряются?

Вазилевс бросил быстрый взгляд в сторону своего стола, а потом покачал

головой.

– Что вы задумали, Ива?

– Задумала? Вовсе ничего.

– Вот что. Я запрещаю вам покидать столицу, герцогиня Шантор. Вы меня слышали? Запрещаю.

– Но у меня ребенок...

– Пусть его привезут сюда. Так будет даже лучше. Вы же с завтрашнего дня зачислены в свиту моей супруги, и это приказ.

– Молю вас, дайте мне время оплакать супруга! – я, всхлипывая, бросилась на грудь королю. – Хотя бы несколько недель! Я так страдаю! Мне сейчас вовсе не до визитов! К тому же я только что вернулась из провинции, и у меня совершенно нет подходящего гардероба!

Правая рука Вазилевса обвила мою талию, левая нерешительно коснулась волос.

– И теперь мне нужны черные платья. Я не могу не держать траур. О, будьте же великодушны к вдове вашего верного адмирала!

Он отстранился, пытливо заглядывая мне в глаза. Потянулся губами к моему рту – поза очень располагала. Я покорно приняла его поцелуй.

– Две недели.

Вот какова была моя награда за это унижение. Что ж, не так уж и дорого.

Две недели? Значит, нам нужно за эти две недели найти корабль. И припасы. И оружие. И отправить гонца в замок Шанторов, предупредить о возможном гневе его величества. Надеюсь, он не подумает отыгаться на моем сыне.

31. Пополнение в рядах

Быстро, быстро! Не так-то просто за столь короткий срок найти хороший корабль и снарядить его в плавание! Энрике и Макеши с ног сбивались, пока не нашли небольшую шхуну. Совершенно не военного образца, скорее, маленький и юркий торговый кораблик в очень неплохом, по словам нашего капитана, состоянии. Называлось это почти что игрушечное судно “Ветреница”, что единодушно было сочтено добрым знаком. Я выпотрошила свои банковские счета (надеюсь, его величество за ними не следит, а если и следит – платья нынче чрезвычайно дороги), чтобы закупить провиант, парусину, кое-какие товары для обмена, обновить такелаж и произвести хотя бы поверхностный ремонт. Энрике уверял, что суденышко крепкое, надежное, но я догадывалась, что при первой же серьезной буре мы узнаем нашу прелестницу гораздо ближе и полнее. Лучше перестраховаться.

Две недели пролетели как один миг. Наконец, Энрике дал отмашку. Бог весть, как ему удалось получить разрешение на выход из порта, сколько денег он на это потратил? В его приписных бумагах точкой назначения был Ниххон. Я полагаю, в сторону Островов в ближайшее время не выпустят ни один корабль.

– У нас еще одно дело, очень важное, – сказал мне Макеши. – Нам нужно в королевский дворец еще раз. Мне нужно.

Я кивнула. О славной гибели графа Волорье объявили пару дней назад. На меня обрушился ворох соболезнующих записок, среди которых было и письмо от ее величества Женевьевы, которая выражала желание со мной встретиться и утереть мои слезы. О да, я уже спешу к ней, нельзя игнорировать столь важ-

ную особу, верно?

Погода стояла великолепная. Солнце припекало отнюдь не по-весеннему, в черном шелковом платье и шляпке с вуалью мне было почти невыносимо жарко. Макеши было проще – он, как обычно, был в своем ярком шутовском наряде. Он был слишком заметен, чтобы как-то попытаться замаскироваться. Утешая себя мыслью о том, что уже ночью я буду дышать морским ветром, я спокойно шла к королевскому дворцу, когда вдруг мне в ноги бросился мальчишка-попрошайка. Грязные пальцы вцепились в широкую юбку. Живописные лохмотья, рваный платок, закрывающий половину лица, гнусавый голос:

– Тетенька, подайте монетку сироте!

Я брезгливо одернула подол, скользнула рукой к поясу, где был обычно прикреплен кошелек, и вскрикнула: этот оборванец меня уже обокрал! Схватила его за плечо, сдернула платок... и с изумлением уставилась в знакомые узкие глаза. “Мальчишка”, сидящий на корточках, расхохотался, глядя в мое вытянувшееся лицо. Я встряхнула головой, открыла было рот... и остолбенела вторично.

Макеши, зашипев как рассерженный кот, подлетел к попрошайке, ухватил его за руки чуть выше локтей, дернул вверх... и впился губами в смеющийся рот. Есианага Кио, а это была она собственной персоной, попыталась вырваться, отвернуться, но Макеши держал ее крепко. Наконец, она сдалась, кажется, даже ему ответив, только когда он ее отпустил, вихрем крутанулась вокруг него и застыла, держа лезвия кинжала аккуратно под подбородком у мужчины.

– Ива, он тебе очень нужен? – спросила меня подруга по-ниххонски. – Можно я его убью?

– Нельзя, – замотала головой я. – Мне без него Армана не найти.

– Ладно, – с явным сожалением сделала шаг в сторону ниххонка. – Но если этот... еще раз прикоснется ко мне без позволения... Я больше не пощажу.

– Раньше ты не была против, – невозмутимо сказал Макеши, ощупывая шею и стирая капельку крови.

– Раньше ты платил.

– Назови свою цену.

Ени зарычала. Я шагнула между ними, напоминая:

– Нас ждут во дворце. Ени, иди в порт. Найди шхуну “Ветреница”, там капитан Энрике Риолло. Скажи, что ты от меня.

– Ну вот еще, – презрительно прищурилась Ени, поднимая с земли платок. – Спорим, что ваш капитан даже не узнает, что у него на корабле стало на одного пассажира больше?

– И на что спорим? – тут же отозвался Макеши.

– С тобой — только на сепуку, – бросила ему ниххонка, растворяясь в перелуке.

Макеши только вздохнул, глядя ей вслед. Как, когда у них завязались отношения? Почему я об этом даже не догадывалась?

– И что это было? – спросила я у телохранителя.

– А! Я купил восход ее луны, – небрежно ответил он.

– Но зачем?

– Потому что хотел ее. Я или кто-то другой – какая разница?

– За две тысячи риссов? – вспомнила зачем-то я.

– Две тысячи, и тысяча дайне Токуони, чтобы говорила всем, что Ени в тор-

гах не участвует.

– И... как все прошло?

– Она кричала, и отнюдь не от боли. Я покупал ее еще дважды. Оба раза согласилась.

Я промолчала. Подобный поворот событий здорово меня шокировал. Макеши был мне как дядя, возможно, как старший брат, а Ени – моя ровесница. Никогда бы я даже представить не могла, что между ними что-то сложится. Это просто... немыслимо, невозможно! Но ниххонка не убила туземца, даже не ранила, как, я уверена, поступила бы с любимым, кто посмел бы вот так...

– А сколько тебе лет? – не утерпела я. Раньше этот вопрос меня не занимал вовсе. Макеши казался мне взрослым, даже, наверное, немного старым.

– Тридцать два, – покосился он на меня. – Будем болтать или поспешим, наконец?

Хм, не такой уж и старый, ладно. Допустим. Но Ени и Макеши? Боги, это даже чуднее, чем Жерар и Лиса!

Ее величество я нашла в парке. Не сразу – вначале мы с Макеши скрылись в дальней беседке, где еще раз обсудили план действий. Потом он взмахнул руками, обратился в ястреба и полетел искать окно в кабинет его величества, а я медленно побрела по дорожке на веселый смех и щебетание фрейлин ее величества.

К моему счастью, Женевьева не переменяла ко мне своего отношения. Обняла меня, расцеловала и принялась расспрашивать о сыне и жизни на Севере. Я немного успокоилась и с гордостью рассказала и про зубы, и про то, как ловко малыш Эдди ползает по замковым коридорам, и как собаки, завидя его, спасаются бегством.

– Вы не скучаете по замку, Ива? – осторожно спросила королева, терпеливо выслушав все восторги молодой матери.

– Очень скучаю.

– Не находите ли, что там лучше и спокойнее, чем в столице?

– Женевьева... его величество запретил мне покидать столицу.

– Вот как, – задумчиво протянула она.

– Но я уеду сегодня же ночью. На Острова, – продолжила я очень тихо.

– Но зачем? Ваш Арман, он...

– Я в это не верю. А если он и мертв, я найду его кости и привезу на фамильное кладбище.

– Тебе нужна помощь? – быстро спросила женщина, наклоняясь ко мне низко-низко.

– Разве что... король будет в ярости, я думаю. Защитите моего сына от его гнева, умоляю!

– Клянусь, что юного герцога Шантора никто не посмеет тронуть и пальцем! – торжественно пообещала она. – А деньги? У тебя есть деньги?

– Достаточно.

– Что ж, моя смелая девочка, я не буду больше спрашивать. Многие знания умножают печали. Удачи тебе, герцогиня, и попутного ветра.

Удача мне, без сомнения, не помешает. Свою задачу я выполнила. У моего сына теперь есть такая защитница, что даже сам Вазилевс не посмеет его обидеть!

Вернулась в беседку, что так удачно была скрыта от людских глаз кустами

цветущей глицинии, села на лавочку. Знакомый мне ястреб приземлился рядом спустя четверть часа.

– Удачно? – встревоженно спросила я.

– А ты во мне сомневалась?

Он весь светился, то и дело скрывая улыбку. Ох, что-то мне подсказывало, что думает он сейчас явно не о дневнике!

– Я взял один, последний. Забавно, его величество так неосторожен! Защитный контур на дверях и окнах, а форточка открыта. Нам повезло, что сегодня так тепло. Но довольно болтовни, стоит поспешить, пока не хватились.

Мы очень быстро покинули королевский парк. В ближайшей же подворотне я срезала с себя ненавистное мне платье, оставшись в мужских штанах и сорочке. Макеши отдал мне свой пестрый жилет, вывернув его наизнанку. Безжалостно закрученные в жгут волосы, купленная у первого же прохожего шляпа – и вот уже к порту спешит не то очень невысокий молодой человек, не то мальчишка-подросток с коричневой птицей на плече.

“Ветреница” отделилась от причала в тот же миг, как моя нога коснулась ее борта. И нас никто не преследовал. Кажется, мы смогли улизнуть.

– А где ваш чернокожий друг? – нервно спросил у меня капитан Энрике.

– Уже внутри, – усмехнулась я. – И он, и еще один непрошенный гость. Вам понравится, уверяю.

– Господин Макеши велел оставить вам две каюты. Туда принесли ваши вещи, прошу.

Я кивнула, сталкивая с плеча птицу. Пусть валит отсюда, как я буду объяснять пропажу коршуна из каюты? Коршун с клекотом разгонял чаек, а я прошла в свое пристанище на ближайшие недели. Очень тесно. Настенная койка, под ней – сундуки. Круглый иллюминатор высоко в стене. Не развернуться. Да, хорошо, что Макеши настоял на отдельных каютах. Вдвоем с мужчиной мне было бы тут неловко. А с Ени как-нибудь разместимся, это будет даже весело.

Все же, как хорошо, что подруга здесь! Она поможет мне с волосами, когда будет нужно, свою гриву я не всегда способна даже расчесать самостоятельно. В замке для этого у меня были горничные, а в море я думала воспользоваться помощью своего темнокожего друга. Но Ени – это гораздо лучше! Интересно, а где она?

Переодевшись в удобный для путешествия наряд, я натянула сапоги из мягкой кожи и заглянула в соседнюю каюту. Там были Ени и Макеши, и они самозабвенно и очень грязно ругались на ниххонском. Что ж, не стала им мешать. Как я понимаю, ночевать я буду в одиночестве. Ничего страшного.

Вышла на палубу, нашла там капитана, полюбопытствовала про ветер и волны. Но Энрике довольно вежливо попросил меня вернуться в свою каюту, потому что женщина на корабле – примета плохая, особенно при отплытии. Не стала спорить, но запомнила. Надо будет сообщить Есинаге, что она – плохая примета. Посмотрим, что из этого выйдет.

Растянулась на своей койке, радуясь, что я совсем небольшого роста. Мне совершенно не тесно тут, почти даже удобно. Прикрыла глаза, вспоминая суматоху этого дня. Дернулась было, вспомнив, что нужно забрать у Макеши дневник мужа, но неожиданно раздавшийся за тонкой перегородкой жалобный женский стон меня остановил. Прислушалась: еще стон, следом – вырази-

тельный мужской рык. Да что же это! Совершенно стыд потеряли! Я ведь... завидую. Очень. У меня мужчины не было так давно, что я почти забыла, как это – плавиться в крепких руках... Найду Армана и изнасилую, вот пусть только попробует мне возразить!

Прикрыв глаза, невольно вздыхая в унисон звукам из соседней каюты, я мечтала. О, только бы мне найти этого упрямец! Никуда его больше не отпущу...**32. Команда**

Сны мне снились очень сладкие, и не удивительно: буйство за перегородкой продолжалось всю ночь. Морской дьявол и косяк селедки ему в глотку, как мне хотелось придушить этих двоих! Что они себе позволяют? Хм, а Макеши наверняка слышал, как мы с Арманом... возможно, и весь замок проклинал нас ночами, а иногда и днём.

Плюнув на попытку привести в порядок свои спутавшиеся волосы, я поднялась на палубу. В конце концов, это наполовину мой корабль, учитывая, сколько денег я потратила на его оснащение. И никто не посмеет требовать, чтобы я все плавание сидела в крохотной каюте! К моему удивлению, матросы смотрели в мою сторону, шушукаясь и презрительно сплевывая. На мое приветствие не ответил ни один. А Энрике и вовсе переменялся в лице, увидев меня. Подскочил, больно хватая за плечо, злобно зарычал:

— Чертова девка, признавайся, что нужно тебе на островах? Зачем ты ищешь капитана — чтобы Убедиться в его несомненной гибели? А если он жив — добьёшь?

Мне вдруг показалось, что он все же сошёл с ума. Немудрено потерять рассудок после таких приключений!

— Отпустите меня немедленно, — громко и членораздельно приказала я. — И я требую отстранения вас с должности капитана.

— И кто будет управлять судном? Твой черномазый любовник?

— Кто это мой любовник? — опешила я. — Макеши? Да как вы смеете!

— Все слышали, как ты ночью под ним стонала! А ведь капитан так любил свою супругу! Тьфу!

— Эй, полегче, ночью под черномазым любовником стонала я, — неожиданно раздался ленивый голос Есиаги. На языке Ранолевса она говорила очень чисто, совсем с небольшим акцентом. — Убери от неё руки, если не хочешь их лишиться.

Энрике позеленел, вытаращил глаза. Матросы застыли как изваяния. Посмотреть было на что: Ени была очень красива. Чёрные полотняные штаны и куртка, точеное личико, злые раскосые глаза и гладкие волосы, рассыпанные по плечам. Несмотря на мужской наряд, никто не усомнился сейчас в ее женственности.

— Эти ещё что за демон? — пораженно выдохнул наш капитан, бодро прыгивая от меня. — Откуда?

— Это Есиаги Кио, моя подруга, — усмехнулась я, успокаиваясь. — И один из лучших ниххонских воинов, которых я видела.

— Баба? — удивился кто-то из матросов,

— Шиноби-но-мона, — спокойно ответила Ени.

По палубе прокатился дружный вздох. Многие из моряков бывали в Ниххоне и слышали про их легендарную гильдию убийц. Да, клан Кио был «охотни-

чьим», но убивать там умели даже дети. А те, кто и не знал, все равно разумно заткнули свои рты.

— Я открыла вам своё лицо только потому, что мы с вами в одной лодке, — негромко пояснила ниххонка. О, как я ей гордилась в этот момент! — Мы — команда. Возможно, нам придётся сражаться спиной к спине. И я хочу, чтобы вы знали, что защищать меня не нужно и мешать мне не нужно. И ссориться со мной я тоже не рекомендую. А ещё — за каждое дурное слово в сторону моей подруги или моего мужчины я буду мстить.

Макеши, подошедший сзади к грозной воительнице, усмехнулся самодовольно и нагло поцеловал ее в шею, а она даже не вздрогнула. Глядя на это невероятную картину, я вдруг осознала, что совершенно ничего не знаю о своём телохранителе. Он всегда был чем-то незыблемым, привычным и безликим — словно тень. А оказалось, что он тоже живой, у него есть желания и даже, о ужас, влечение к женщине! Не потому ли он был равнодушен к жительницам Ранолевса, что его сердце принадлежит узкоглазой охотнице? Как охотно он играл роль евнуха, ему верили, ни разу никто не усомнился.

Энрике внезапно опустился передо мной на одно колено, сдергивая с головы платок и опуская голову.

— Я прошу прощения за то, что усомнился в вашей чести, миледи. А ещё — что даже не заметил, как ваша подруга проникла на борт «Ветреницы». Будь я ниххонцем, самое время мне было бы вспороть живот и вывалить кишки к вашим ногам, но к счастью, я могу просто извиниться и поклясться вам в верности, графиня Волорье.

Не скрою, не был невероятно приятен этот его жест, а так же то, что он просил прощения при всей команде, поскольку оскорбил он меня тоже прилюдно. Его жест требовал немало мужества, я это понимала.

— Я вижу, что адмирал Волорье умеет выбирать себе друзей, — улыбнулась я. — Встаньте, капитан, вы прощены. Надеюсь, вы станете не только другом моего мужа, но и моим.

— Для меня это честь.

Он поднялся, обвёл хозяйским взглядом палубу и рявкнул:

— Что столпились? За работу, морские обезьяны! Кок! А ты что здесь забыл? Нас сегодня кормить вообще будут?

Матросы спешно разбежались, кок, вздохнув, пообещал немедленно принести завтрак в кают-компанию, а Есиага выскользнув из объятий Макеши, попыталась того ударить, за что была тут же скручена и поцелована.

— Миледи, вы уж скажите вашим друзьям, чтобы они были скромнее, — смущенно попросил меня Энрике. — Матросы, конечно, народ ко всему привычный, но лучше их не дразнить. Команда новая, я не за каждого могу поручиться.

О да! Я непременно передам этим двум просьбу капитана! Вот просто с превеликим удовольствием!

— Какие красивые у тебя волосы, — восхищалась Ени, костяным гребнем приводя в порядок мою шевелюру. — Такие мягкие, как мех соболя. И вьются так роскошно!

— У тебя ничуть не хуже, — возражала я. — Даже лучше. Не путаются. С ними легко.

— Мешают. Мечтаю их остричь хотя бы по плечи.

— Даже не думай об этом!

Подруга ловко плела мне косы, посмеиваясь. Наверное, в этом похожи все женщины: они хотят в себе что-то изменить. Волосы, рост, грудь, даже форму носа порой. Я была собой довольна, хотя стать выше на пару дюймов было бы неплохо. А ниххонка — так и вовсе само совершенство.

Когда мы вдвоём выходим на палубу, матросы сворачивают шею. Обычно нас сопровождает Макеши, который немедленно пытается «поздравить» Ени прикосновением или поцелуем, на что она всегда демонстративно злится. Он смеётся, она ругается... Пару раз доходило дело до драки, а их поединок — это нечто невероятной красоты. Гибкая и очень быстрая ниххонка и несокрушимый, как скала, чернокожий воин, предугадывающий все ее движения. Я всегда знала, что Ени — одна из лучших в клане Кио, а те два года, что мы не виделись, она не сидела в замке, как мы. Но неожиданно она совсем ничего не могла поделаться с Макеши. Он читал ее, как открытую книгу. Я спросила его, почему так.

— Я знаю ее так давно... — задумчиво протянул он. — Наблюдал за ней. Нравилась очень. Каждое движение мне знакомо.

Ени внезапно смутилась и отвернулась, а я только покачала головой. Как все это странно! И совершенно непонятно, что ждёт этих двоих в будущем.

— А как ты оказалась в Ранолевсе? — вспомнила я.

— Макеши прислал весть, что тебе нужна помощь. Клан выделил бойца. Меня.

— Почему именно тебя? Не Такуро, не Хойсу?

— Я отлично знаю языки, я твой друг... и я очень сильно просила, чтобы выбрали меня, — призналась ниххонка. — И господин Акихиро был на моей стороне. Всю жизнь мечтала путешествовать!

Макеши еле слышно вздохнул. Интересно, он ждал ее? Или был бы рад любому бойцу?

— Графиня, подойдите сюда, — негромко окликает меня капитан. — Сейчас идите в свою каюту, закрепляйте все вещи. Там на стенах ремни.

— Зачем? — не поняла я.

— Будет буря и сильная.

— Разве? — я выразительно оглядела совершенно спокойное море и небо.

— Стрелки барометров на мостике лежат, как те поросята в свинарнике. Да и приглядитесь к воде. Она блестит как масло. Полный штиль. А ещё, смотрите — ваш черномазый тоже чувствует. Эх, а ведь оставалось всего три дня пути! Идите в каюту и не высывайтесь, и вашу шиноби заберите.

Макеши стоял у борта «Ветреницы», пристально глядя на горизонт. Вся его фигура выражала напряжение. Даже Ени не осмеливалась дотронуться до его плеча. Наконец, он ожил и тряхнул головой, эхом повторив за Энрике:

— Будет буря.

— Я могу помочь, — встрепенулась ниххонка. — Я сильная и ловкая, я умею...

— В каюту и ни шагу на палубу. Буря — дама ревнивая, конкуренции не терпит. Прошу, мне нужно будет полное сосредоточение, я не хочу отвлекаться и вылавливать твоё мокрое тело из бушующих волн.

Ворча и выразительно переглядываясь, мы с Ени отправились в свои каюты.

Я все ещё не верила — ну какая буря? Хотя ветер ощутимо крепчал, и по гладкой «масляной» воде и бежала уже нервная рябь, но корабль совсем не колыхало. Я достала дневник Армана и принялась читать его в очередной раз. Знала его уже почти наизусть, восхищалась безмерно. Он так живо описывал обычаи островов, какие-то небольшие, но веселые происшествия, а его рисунки были точными и талантливыми. С этой стороны я своего супруга ещё не знала, лишь открывала понемногу.

Увлеклась, как и всегда, только когда потемнело настолько, что стало плохо видно буквы, а по полу звонко прикатилась металлическая кружка, я очнулась. Вот оно, началось. Масляный светильник под потолочной банкой нещадно мотало, я не рискнула его зажигать. В задраенный наглухо иллюминатор плеснуло пеной. Очень хотелось выглянуть наружу и посмотреть, что происходит на палубе, но я не рискнула, памятуя слова Макеши про ревность. Ему я доверяла безоговорочно, это вбито с детства. Я выполняла все его приказы мгновенно, зная, что это может спасти мне жизнь.

Качка ощущалась все острее. Ени кричала что-то мне из-за перегородки, но я не разбирала слов. Меня начало швырять от стены к стене, благо, лететь было недалеко. Снаружи выло, стонало и рычало. Корабль натужно скрипел. Сделалось страшно. Я легла на койку, привязывая себя специальными ремнями. Так тоже мотало, но хотя бы я не рисковала сломать себе руку, ногу или нос. Бедный, бедный мой сынок! Он остался без отца и рисковал теперь остаться без матери! Зачем я во все это ввязалась? Кто вырастит Эдди, если я сейчас погибну? Как жаль, что у него не будет Авелин и Акихиро! Хотя... у Эдди есть бабушка, дама решительная и суровая, а ещё самая нежная и снисходительная в мире тетушка Лиса и, если интуиция меня не обманула — дядюшка Жерар.

Внезапно корабль натужно загудел и застыл. Неужели все закончилось? Или мы погибли уже, просто я не поняла? Буря завывала с прежней силой, но нас совсем не раскачивало, совершенно. Я отстегнулась и опустила ноги на пол, такой... незыблемый. Что происходит?

И, перекрывая шум бури, вдруг я услышала могучий мужской голос. Не утерпела, выглянула за дверь и замерла ошеломлённо от отрывшегося зрелища.

«Ветреница» плыла величественно, ровно и, как показалось вначале, спокойно. А вокруг бушевала стихия, бесновались волны, кружились вихри. Паруса же были натянуты так, что снасти едва не звенели, хотя ветра никакого на палубе не ощущалось. Я подошла к борту и зажмурилась, не веря глазам. Так быстро плыть было невозможно! Ни один корабль не выдержит такой скорости, развалится по досочкам!

На носу стояла могучая мужская фигура, обнаженная и вся светящаяся. Настоящий морской бог... или ангел, если они бывают чернокожими. Макеши раскинул руки, речитативом читая какое-то заклинание, ни на минуту не замолкая. По напряженной, бугрящейся мускулами спине струился не то пот, не то дождь. Да, палуба тоже была мокрой, и матросы, с ужасом и восторгом глядя на эту невероятную магию, были насквозь мокрые, но на меня с неба не упало ни капли.

Ени, тоже стоящая на палубе, не спускала глаз с Макеши, глядя на него с обожанием. Глаза у неё сияли, лицо разрумянилось, губы приоткрылись. Красивая.

А потом вдруг буря кончилась одним махом, словно мы вырвались из ее жадных объятий, и паруса тотчас обвисли. Корабль плавно замедлился. Фигура на носу пошатнулась.

Знак капитана — и два рослых матроса бросились к шаману, подхватывая его у самой палубы.

— Несите в каюту, — скомандовал Энрике. — Да не туда, в мою несите, там самая лучшая постель. И передайте коку, пусть режет курицу и варит крепкий бульон! Ай да колдун!

— Капитан, прямо курсу... Ильенские острова, — неверяще выдохнул один из матросов.

— Я уже ничему не удивляюсь, — махнул рукой Энрике. — Ставьте судно на якорь и за работу! Воду из трюмов убрать, палубу живо очистить, такелаж осмотреть! Живее, чего рты раскрыли?

Внимательно проследив за потралом носовым брашпилем якорной цепи и постановкой судна с подветренной стороны, капитан громко выдохнул. Они сделали невозможное. **33. Первые следы**

Макеши вышел на палубу утром совершенно невозмутимый, одетый, как и все матросы: в одном лишь жилете и коротких полотняных штанах до колен. Босой. На голове — завязанный на морской манер платок. Здесь, в этих краях, совершенно невозможно было носить форменные мундиры или приличные статусу аристократки платья. Невыносимо жарко. И я тоже, наплевав на все правила, переделалась в мужской костюм: такие же короткие штанишки и тонкую батистовую рубашку. Правда, пришлось оставить и лиф, я все же опасалась мужских приставаний. На поясе у меня — ниххонский веер. Не украшение — оружие, хоть об этом мало кто догадывается. А шляпу выменяю у туземцев, они плетут из пальмовых листьев и соломы настоящие произведения искусства, украшая свои головные уборы жемчугом и цветными птичьими перьями. Правда, сами они носят эти шляпы только на праздники, но вещь все равно очень удобная.

Ени хмурится, с напряжением глядя на берег. Она боится, что ее попросту не пропустят. Шиноби обычно не рады ни в каких землях, и везде им приходится скрываться, а племя О-охо, которое, можно сказать, защищает подступы к архипелагу островов, прекрасно умеет “читать” гостей. Пускают сюда далеко не каждого. И тут уже не выйдет проделать ту же шутку, что с проникновением на корабль — не пропустят ниххонку невидимые стражи.

— Ты ведь скажешь, что я — с тобой? — *напоминает она Макеши.*

Он качает головой, загадочно улыбаясь краешками губ. К нему подходит Энрике и весело, но с явным напряжением сообщает:

— Эй, шаман, мы не можем больше приблизиться ни на лье. Словно стена какая. И шлюпку тоже не пускает, волной прибивает обратно к борту. А ведь говорят, кто здесь бывал и вышел живым — тому препятствий нет.

Макеши пожимает плечами и, перегибаясь через борт, вглядывается в воду. Капитан не понимает:

— Но как мы попадем на берег? Неужели все зря? Или, может, вплавь?

Тяжко вздыхая, туземец трогает горло и выразительно качает головой. Да он же голос вчера сорвал! Неудивительно, сколько он заклинал бурю?

Капитан понял, закивал. Отошел, горестно бормоча что-то под нос. Макеши

махнул рукой мне и Ени, подошел к шлюпке и принялся ее отвязывать. Матросы бросились ему помогать. Спустив ее на воду, он ловко сошел в нее сам и помог спуститься нам. Налег на весла. Шлюпка легко и красиво заскользила к берегу.

– Обувь не забудьте снять, – совершенно нормальным голосом напоминает туземец. – И... Ени, иди ко мне. На всякий случай.

Ниххонка охотно усаживается между его коленями.

– Ты разве не сорвал голос?

– Мне не хотелось с ними объясняться.

Ени фыркнула, словно лисица, и была тут же прижата к мужской груди. Лодка уткнулась носом в песок.

Здравствуй, дом мой, я скучала. И по обжигающему ступни песку, и по пене волн, и по ветру, наполненному солью. Я провела здесь три своих первых года, да и потом мы с родителями время от времени приплывали сюда. Рай, мой личный рай на земле. И где-то в этом раю потерялся мой демон. Эта земля всегда была милостива ко мне, меня растила, кормила, любила. И нет никаких сомнений – я отыщу мужа, если только он жив. Обязательно. Духи этих мест помогут мне. Духи этих мест не могли не сохранить его для меня.

– Нас не встречают, это хороший знак, – сказал Макеши. – Мы здесь свои, мы – часть этих островов.

Я кивнула – он мыслил в унисон со мной. Ени ухватилась за руку мужчины и вымученно улыбнулась:

– Вы – да. А мне отчего-то очень страшно, до дрожи. Хотя бояться тут пока и нечего.

Она отпустила Макеши, сделала пару шагов по песку и упала, хватаясь за ногу. Туземец присел рядом на корточки, ухватил ее за щиколотку. По тонкой женской ступне струилась кровь.

– Осколок раковины. Глубоко вошел. Надо вытаскивать. Да, тебе здесь не рады, но ты нам очень нужна. Слушай... выхода два. Или возвращайся на корабль, пока тебя не укусила змея или не проткнул острый сук, или...

Она молча посмотрела на него, щурясь.

– Или будь моей женщиной по местным обычаям.

– Я Кио. Мне нельзя быть чьей-то, запрещено. Только если разрешат старшие.

– Обряд только здесь действует. Это не замужество и не какие-то обеты. Просто я назову тебя своей на островах, все будут это знать.

– Что мне нужно делать?

– Руку дай. Ива, нож.

Я молча подала ему свой кинжал. Он кивнул и провел лезвием по ладони. Глубоко. Много крови. Я ничего не знала о подобных обрядах, наблюдала с жадным любопытством. А он просто прижал окровавленную руку к лицу ниххонки, оставляя на ее щеке отпечаток ладони и произнес на языке Островов:

– Моя женщина, и я – ее, и все, что мое – ее.

И если это был сейчас не брачный обряд – то что же это было? Хитрец. Да, Ени не понимает здешнего языка. А я понимаю. Но ничего ей не скажу, потому что мне нужен живой и невредимый Макеши.

Стряхнул капли крови на песок, подхватил ниххонку на руки, как ребенка и весьма бодро пошлепал босыми ногами к пальмам. Я поежилась и на вся-

кий случай надела ботинки. Жарко, но меня на руках тут никто не понесет, если я наступлю на какую-нибудь дрянь.

А всё же нас ждали, я поняла это по дыму костров и умопомрачительному запаху жареного мяса. На корабле кормили какой-то баландой, еще сухарями, рыбой и солониной, а мяса там, конечно, не было. Сглатывая слюну, мы заметно ускорили шаг и вскоре вышли по едва заметной дорожке к деревне племени О-охо. Хижины здесь были – продуваемые всеми ветрами, с крышами из пальмовых листьев. Дико, неправильно? Как бы не так. Здесь тепло даже в период дождей, щели в стенах позволяют дышать свободно. А если и хлынет беспощадный тропический ливень, то крышу легко починить, а вода вся внутри не задерживается. Практично и очень просто, никаких проблем с жильем.

А посередине деревни, на круглой площадке, горел костер и на циновках было разложено угощение. Туземки, ловко снующие с большими глиняными блюдами на головах и плетеными кувшинами на плечах, при виде нас побросали свою ношу и с вигами бросились нас обнимать и трогать. Особенно меня, конечно. Меня здесь помнили и любили – еще бы, единственный белокожий ребенок, росший в этом племени. Раньше женщины едва ли не дрались за право качать меня на руках. Они почему-то считали, что я принесу им удачу. И теперь, кажется, считали так же. Тискали, мяли, трогали мои волосы и гладили руки. Чудом вырвалась живой и то, потому что вождь, длинное имя которого я давно и прочно забыла, прикрикнул на них.

– Так и не выросла, Пьенхой (*рыбка). Плохо тебя кормили в чужих краях. Садись, дочка, ешь, пей. И ты, шаман-птица, садись. И выпусти из рук свою женщину, никто ее не тронет.

Самый первый закон Островов: голодного надо кормить. Если гость тебе дорог – его надо кормить. Разговор о всех делах – только после обильного ужина и не иначе. И мы ели — нет, обжирались. Хватали руками мясо, облизывали пальцы. Сочные фрукты лопались в наших руках, стекали по подбородкам, пачкали одежду. Восхитительная жареная рыба – нигде больше я не ела ничего подобного – таяла во рту. Столь великолепного пира я не помнила даже в королевском дворце. Да все повара Вазилевса должны удавиться от зависти, попробовав эту рыбу! А повара ниххонского Императора – немедленно сделать сепуку.

Наконец я уже легла на землю, наевшись так, что мне было тяжело дышать. И напилась, конечно. Местные напитки весьма коварны, даже если кажется, что алкоголя в них нет вовсе. Смотрела в стремительно темнеющее небо и улыбалась, а по вискам сами собой струились слезы. Где мой Арман? А сын – что с ним сейчас? Не совершил ли Вазилевс чего-то... дурного?

– Так корабль не пропустишь? – спрашивал Макеши у вождя.

– Нет, больше нет. Духи злятся. Один уже уплыл... и не вернулся. Чужеземцев долго теперь не пустят в эти воды. Может быть, пройдут года... Может – сотни лет.

– Нам нужно на Огненный остров.

– Ты можешь пройти. И Пьенхой. И твоя женщина с кровью на руках. Вы свои.

– Ладно. А торговать? Мы привезли ткани, много. И топоры. И широкие ножи, которыми так удобно рубить лианы.

– Торговать? Это можно. Мы сами приплывем на твой корабль. А ты – мо-

жешь взять здесь, что захочешь. Ты сам знаешь, шаман, что всё на этой земле и твое тоже.

– Да, знаю. Я – часть этого мира.

– Теперь ты – часть всего мира. Это хорошо. Ты сильный. И дети у тебя будут великими воинами, женщина твоя подарит тебе сильных телом и духом сыновей.

Услышав про сыновей, я заскулила в голос. Хочу домой к моему Эдди! Хочу уткнуться носом в его светлую макушку и вдыхать его запах. Как ужасно – я не увижу его первые шаги и слово его первое будет не “мама”. Что я за мать такая? А это всё Арман виноват. У-у-у!

– Пьяна как попугай, отведавший скисшие плоды, – усмехнулся Макеши. – Девочка, тебе пора спать.

Он подхватил меня на руки – о, совсем как Ени – и отнес в одну из хижин. Бережно уложил на подстилку из листьев, укрыл какой-то тканью. Я вдруг встрепенулась, рассматривая ее в неверном лунном свете – да это же рубашка! Большая! Из белого когда-то батиста. Рубашка Армана. Он был здесь! Он спал в этой же хижине! Впервые я вдруг почувствовала, что он где-то рядом. Заревела уже в голос, заворачиваясь в эту рубаху, невнятно бормоча в небо не то проклятия, не то благодарности, не то мольбы. **34. Плот**

Проснулась я... от стука топора. Вот это неожиданность! Дровосеки — здесь, на островах? Невозможно! Деревья здесь не рубили вот так, запросто. Для постройки хижин специально выращивали небольшие пальмы, их потом срезали широкими ножами или спиливали. Для костров достаточно было веток, сломанных деревьев и горючих камней. Камни эти находили выше на плато, их там было в избытке.

Морщась, закрывая глаза руками от слепящего солнца, я вышла из хижины. Каждый удар топора был словно выстрелом в мою голову. Ужасно!

Раздался вдруг свист, шум — словно огромное дерево рухнуло на землю, ломая все вокруг.

Я вышла на «площадь», где мы вчера пировали. Какая-то полуобнаженная туземка неожиданно подскочила ко мне и протянула чашу из кокосовой скорлупы. Я принялась: пахло чем-то сладким и свежим.

— Ты совершенно не умеешь пить, белая рыбка. Кава-кава не для тебя. Пей, это уймёт твою жажду и исцелит тело.

Попробовала: какие-то травы, ягоды. Очень вкусно и освежающе. Мне сразу полегчало. Спросила, где мои спутники. Оказалось, шаман-птица там, на берегу, а женщина-с-глазами-как-тьма ещё спит.

Ени выглядела, наверное, ничуть не лучше меня. Глаза у неё опухли, стали совсем щелочками. Волосы всклокоченные и слипшиеся. От каждого удара топора, эхом разносившегося по деревне, она вздрагивала и морщилась.

— Мы идём купаться, — сказала ей я и, несмотря на сопротивление, потащила за собой.

Я хорошо знала этот остров. Побережье, густой тропический лес, в центре — горное плато, совсем небольшое, каменистое. Там жили только говорящие с духами, шаманы. Племя О-охо разбило свою деревню у его подножия, на краю леса. Не только потому, что они — наблюдатели и охранники Островов. Ещё и потому, что здесь есть несколько источников питьевой воды, и к одно-

му из них я привела подругу.

Маленькое круглое озеро, неглубокое, кристально чистое, прогретое жарким солнцем до самого дна. Небольшой водопад, с шумом обрушивающий свои струи в воды озера. Шелковистая трава вокруг.

— Это место называется И-ло Сьянзано. Женское лоно, чтоб ты понимала, — с усмешкой сообщила я.

Ени неуверенно хихикнула.

— Да, здесь очень редко бывают мужчины, разве что для особых обрядов. Не бойся, никто нас не увидит, разве что женщины придут. Можно купаться смело.

Красиво, очень тихо и так спокойно! По легенде, сама Великая Мать всего сущего создала это место, чтобы отдыхать здесь. Мужчины верят, что богиня любит сюда возвращаться. Увидев ее, не устоит ни один смертный. Потеряет рассудок от ее красоты. Только самые отчаянные смельчаки доказывают свою любовь, приводя своих женщин на эти берега — ночью. Ночью богиню разглядеть сложно. Все это я рассказывала Есинаге, прекрасно понимая, что этой же ночью она будет испытывать храбрость своего мужчины. Интересно, приведу ли я когда-нибудь сюда Армана?

Спустя некоторое время к нам присоединились местные женщины, гибкие, чёрные и совершенно бесстыжие. Мы купались в рубашках — обе выросли в Ниххоне, где обнажение не допускалось даже в бане. Раздевались там только лишь перед мужчиной — и то подобную честь нужно было ещё заслужить. Не то, чтобы мы действительно следовали этой традиции, но мучительно стеснясь друг друга, решили не обнажаться.

Туземки не ведали стыда. Они смеялись, брызгались, ели в воде сочные фрукты, угощали нас, бесцеремонно тыкали в нас пальцами и хихикали. Пришлось сказать им, что наша белая кожа чересчур нежна для жаркого солнца, поэтому мы прячем ее под тканью. Это они поняли и смеяться перестали, но все равно глазели.

Очарование было нарушено, да и мы уже устали. Отжали волосы, натянули свои штаны, сунули ноги в плетёные сандалии, подаренные вчера вождем, и вернулись в деревню, где обнаружили нечто потрясающее. Макеши вместе с местными мужчинами соорудили большой плот! Работа кипела вовсю. Рубили, обтесывали, плели и вязали. Нас прогнали отдыхать и набираться сил, а мы и не возражали.

Спустя пару дней наше плоское судно уже покачивался на волнах. Семь очень толстых брёвен были крепко стянуты тросами. Поверх них уложены тонкие стволы бамбука и пальмовые листья. Двухногая мачта, на ней натянут парус, маленькая хижина посередине. Такая низкая, что в ней можно только сидеть или лежать. Нос у плота острый и сзади — киль с рычагом.

Макеши времени зря не терял, в отличие от нас — бездельниц. Явно уже побывал несколько раз на корабле: в хижине поверх листьев было кинута стёганное лоскутное одеяло и несколько тюков с одеждой. Это он правильно придумал: можно не брать с собой много еды или воды — Острова нас прокормят, но одежда нужна, и оружие, и ткани. И цветные стеклянные бусы, и тонкой выделки кожаные ремни, и несколько фигурных бутылок, и даже фетровая треуголка, наверное, пригодится. Впрочем, треуголку Макеши тут же нахлобучил себе на голову и объявил себя капитаном. Мы не возражали. В дорогу нам

дали корзину с фруктами, несколько баклажек питьевой воды и блюдо с той самой жареной рыбой. Мы с Ени немедленно забрались на борт плота. Туземцы оттолкнули нас длинными шестами, капитан взмахнул рукой — и ветер наполнил парус. Мы поплыли вдоль берега.

Макеши развернул карту, подзывая своих «матросов».

— Остров обогнём с восточной стороны, здесь пролив с хорошим, предсказуемым береговым течением. Оттуда — напрямую пройдем между Птичьим островом и Землей маленьких людей. По воде это примерно сорок лье. Неделя, не больше. Возражения есть?

Возражений не было. Разве что я бы хотела заглянуть и на Птичий остров, о чем я ему и сообщила. Мне было интересно наконец увидеть этого легендарного мужчину — Антуана Бревса. Мужчину, можно сказать, с самой большой буквы М.

— А как вышло, что ты, сын Бревса, вырос в племени О-Охо? — спросила Ени.

Я эту историю знала, но с удовольствием послушала ещё раз.

Острова — уникальное место. К нему невозможно приблизиться ниоткуда, кроме как с севера. Со всех сторон их окружают крайне опасные воды: подводные скалы, отвесные и неприступные берега, катастрофические приливы и коварные бризы. Коралловые рифы, населенные невозможными морскими чудовищами. Множество смельчаков погибли в тех коварных водах, и ни разу никто не слышал, чтобы хоть один корабль доплыл до местоназначения.

Зато на севере путешественников встречает океанская гладь, приветливый берег с золотым песком и... шаманы. Именно здесь живут самые сильные туземные колдуны. И когда в каком-то племени рождается ребёнок, явно наделённый даром, его отправляют на О-охо. Учиться у лучших. Иногда — забирают силой, покупают, похищают. Макеши в своё время попросту украли у родителей. Сложные среди туземцев отношения. Те же огненные люди ненавидят всех вокруг, а «маленьких» с соседнего острова не трогают. Племя с Птичьего острова периодически вступает в войну с О-охо. Иногда племена объединяются, часто — заключают торговые договоры. Военные стычки тоже нередки. К счастью, никогда никакие местные разборки не касались гостей. Впрочем, гости так далеко и не проплывали. Мы — вторые.

Макеши здесь, на Островах, маг очень сильный. Вдали от дома он способен не на многое: зелья, наговоры, иногда управление погодой. Любой шаман умеет вызвать осадки и найти воду под землей. Тут же сила переполняла его, переливалась через края. Он управлял нашим плотом лишь одними движениями пальцев. Двигались мы очень быстро, я даже не представляла, что большой плот может быть таким юрким.

— Еще раз показываю: мы поплывем вот так, — Макеши снова достал карту и пальцем прочертил линию. — Никуда не заходим, незачем. Воды нам хватает, рыба вон в море водится, если закончится провиант. В дневнике ясно сказано, что путь графа закончился на Огненном острове. Нам нечего делать на других островах. Если вдруг со мной что-то случится... Тогда вы сможете вернуться обратно к О-охо, я надеюсь.

Мы замолчали. Всем было понятно, что без Макеши мы тут пропадем. Управлять плотом он нас учил, но ветер и волны нам не подчинялись. Все, что мы могли — пристать к ближайшему же берегу и просить помощи у туземцев.

И неизвестно еще, что они сделают с двумя женщинами. У меня на поясе висит веер – любимое мое оружие. Под ветками и листьями в хижине – хорошие ножи и короткий меч. От огнестрельного оружия пришлось отказаться, Макеши сказал, что местные духи могут очень разозлиться из-за выстрелов.

В общем, задача Макеши – привести нас к Огненному Острову, а наша с Ени – беречь своего лоцмана. Мы и берегли: заставляли его есть и спать, нахлобучивали на голову шляпу в полдень, поили почти насильно. Не спорили с ним, не возражали ни в чем, и он вскоре заявил, что такого скучного времяпрепровождения он и не припомнил. То ли дело Ранолевс – там вечно случались какие-то стычки, драки и приключения. А тут – сплошная патока и всеобщая любовь.

Я немедленно напомнила ему, что ветер все слышит, и духи островов тоже. Ох и накличет он на нас беду. Туземец согласился и замолчал, достал карту и снова стал вглядываться в нее.

– Завтра будем на месте, – наконец, сказал он. **35. Огненный остров**

Огненный остров был похож на конус. В его центре возвышалась очень ровная, покрытая зеленью гора, из которой курился дымок. Да и сам остров был круглый, как каравай.

А на волнах где-то в миле от берега покачивался корабль. У него были обвисшие паруса, и выглядел он унылым и брошенным, но на первый взгляд был совершенно цел. Даже снасти не порваны.

— «Сердце Севера», — прочитала зоркая Ени.

Да, вне всякого сомнения, это был корабль Армана, даже по названию это было абсолютно ясно.

— Подплывем ближе, — предложил Макеши. — Я хочу знать, что внутри. Живых там, как я ощущаю, нет.

Ловко, как белка, Есинага вскарабкалась на борт. Мы с Макеши ждали. Она пробыла на корабле достаточно долго, спустилась невозмутимая, кажется, даже довольная.

— Одиннадцать трупов, — бодро отчиталась она. — Пять белых, судя по остаткам одежды, шесть туземцев. В трюме вонища... все, что могло испортиться, сгнило. Фрукты там, провиант. Полно воды, но течи, кажется нет. Каюты разграблены, посуда побита, мебель по большей части поломана, все железные предметы вынесены, арсенал разворочен. При этом снасти целы, книги тоже, как ни странно. И знаете что? В капитанской каюте целый сундук с алмазами.

Она раскрыла ладонь, в которой лежал крупный прозрачный камень.

— За один такой «орешек» в Ниххоне можно купить дом с садом в столице, — серьезно сказала она. — Волорье баснословно богат... если он жив.

— Почему они не разобрали корабль по досочкам? — с недоумением спросила я. — Не сняли паруса и такелаж? Канаты, веревки, парусина — здесь очень ценятся.

— Скорее всего, они хотели его использовать, — усмехнулся Макеши. — Но что-то пошло не так. И это хорошо. Если выжило достаточное количество народа, мы поплывем обратно на «Сердце Севера».

Оптимист! И стратег. Я вот ни о ком, кроме Армана, и не думала.

— Ени, ты шиноби, — помолчав, сказал мужчина. — Наше тайное оружие.

Мы пойдём вдвоём с Ивой, ты останешься. Будешь наблюдать. Вмещаешься, когда сочтешь нужным.

Она кивнула спокойно и собранно, завязывая волосы в хвост.

— Будьте осторожны.

— И ты.

Они так смотрели друг на друга... что я невольно позавидовала. Смотрел ли на меня вот так Арман? Полностью доверяя, с волнением и заботой? Кажется, ни разу.

Когда плот шёл уже вдоль берега, Есинага гибкой лентой соскользнула с него. Мы остались вдвоём. Момент истины! Сегодня я узнаю, жив ли мой любимый мужчина.

Нас, конечно, давно заметили. На берегу стояли высокие чернокожие люди с копьями и луками. Впервые острова направили на меня оружие. Так странно!

Макеши махнул рукой повелительно, и сильный порыв ветра разметал этих вояк как щепки. Они попадали на колени, утыкаясь лбом в землю. Мне было их несколько не жалко, учитывая рассказы Энрике.

— Шаман, шаман О-охо, — слышалось со всех сторон.

Крепко держа меня за руку, Макеши двинулся вперёд, к тропе, ведущей вглубь леса. Туземцы поспешно отползали с нашего пути.

— Ты, главное, молчи, — шепнул он мне на ниххонском. — Я попробую их запугать.

Мы шли спокойно, медленно. Я старалась не вертеть головой, глядеть прямо, ибо в каждом кусте мне чудился туземец, в каждой ветке — нацеленное в меня копье. Очень страшно. Меня могут убить в любой момент, и вряд ли Макеши сможет закрыть меня от роя стрел.

Деревня местных ничем не отличается от деревни О-охо. Те же дырявые хижины, та же площадь с котлами. Только вот черепа и кости, украшающие местные дома, вызывают напряжение. А ещё — изможденные, худющие белые люди, которые сидят на пороге некоторых хижин. Один из них оплетает прутьями тыквенную баклажку, другой что-то вырезает из дерева. Ещё пару белых спин я увидела на огороде.

— Живые, — выдохнул Макеши. — Хвала всем богам!

Нам навстречу выходит огромный чернокожий мужик в шелковой набедренной повязке, увешанный разноцветными бусами. Оружия у него нет, да он сам — оружие, с такими-то ручищами. Остальное племя ниже его на голову. Маленькая я вынуждена задрать голову, чтобы заглянуть туземцу в лицо. Его это явно забавляет.

— Что тебе нужно, большой шаман? — с явной неохотой проявляет нечто похожее на дружелюбие вождь.

— Мне? Ничего. А эта женщина пришла за своим мужем. По священному праву супруги. Она переплыла море, она оставила ребёнка. Она искала и нашла. Ты должен вернуть ей мужа. Согласно обычаям предков.

— Ну и кто ее муж? — спросил вождь хмуро.

Вокруг нас уже толпились люди, в том числе и белые. Они вскочили, побросав работу и теперь с безумной надеждой вглядывались в наши лица.

— Капитан Волорье. Высокий, светловолосый и со шрамом на лице.

Белые ахнули. Чёрные забормотали что-то странное.

— А, этот... самый бесполезный из рабов. Какой выкуп?

Жив! Он жив! Боги, он жив, жив, жив! Мне хотелось кричать и прыгать. Все-таки я сомневалась.

— О выкупе мы поговорим после того, как ты приведёшь нас к капитану. И накормишь.

— Что ж, идите за мной.

И мы пошли. За деревней было небольшое поле. Там в земле копалось несколько человек, все — белокожие измученные рабы.

— Слепец, за тобой пришли, — зычно крикнул вождь.

Один из работающих поднял голову. Лицо его было скрыто шляпой из листьев. Я никогда не узнала бы Армана в этом длинном и очень худом человеке. Загорелый дочерна, весь нелепо-изломанный. Осунувшийся. Но словно в грудь что-то толкнуло, и я бросилась к нему прямо по зелёным росткам чего-то явно культурного. Вцепилась в него, громко, по-бабски, голося, что-то кричала, ощупывала его рёбра, снова выла и рыдала.

Он вздрогнул всем телом, оцепенел, даже руки опустил.

— Бред, — прошептал он. — Я сплю.

— Нет, я тебя нашла. Это правда я, Арр.

— Быть этого не может.

— Ну правда, — я засмеялась сквозь слезы. — Кто еще может отправиться на Острова на твои поиски, любимый? Подумай сам...

Он вдруг выдохнул и стиснул меня так крепко, что я задохнулась. Ах! Пове-рил!

Скинул шляпу, позволяя рассмотреть свое лицо, худое, заросшее криво подстриженной бородой... и с двумя мутными глазами. Слеп.

— Твой глаз, что с ним? — испуганно прошептала я.

— Не знаю. Меня сильно ударили по голове. Очнулся уже вот таким. Проти-вен?

— Не говори глупостей. Пойдем, я тебя забираю.

— А мы? — еле слышно спросил какой-то незнакомый мне мужчина.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — выдавила из себя я.

Обхватив мужа за талию, я повела его туда, где за нами наблюдали Макеши и вождь.

— Мне нужно умыться, — тихо сказал Арман. — Потный, грязный. Воняю. У меня там... личная хижина, — он вдруг горько усмехнулся, а у меня голова закружилась.

Осознание того, что он рядом, навалилось как камень. Стало трудно дышать, грудь словно сдавило от волнения и страха, потемнело в глазах. Если бы он ловко не подхватил меня на руки, я бы просто упала тут к его ногам.

Пришла в себя я в одной из хижин, села на ложе из листьев и сухой травы, огляделась. Арман был рядом и гладил мою коленку. Уже умытый, с влажными волосами.

Я снова разревелась, вцепившись в его руку. Он вздохнул, нашёл пальцами мое лицо, утирая слезы, ручьём текущие из глаз.

— Сумасшедшая, — прошептал он. — Зачем, Ива, зачем? Ты рисковала жизнью, выпороть бы тебя. Дура, какая ты дура!

Губы говорили одно, а руки совсем другое. Руки ловко расшнуровывали ворот рубашки, касаясь кожи, очерчивали полукружия груди. Я всхлипнула,

прильнула к нему.

– Живой, живой, – бормотала я, ловя его пальцы и целуя. – Я знала, я верила.

Он вдруг застыл, а потом буквально оторвал меня от себя и оттолкнул:

– Ты сейчас сядешь на корабль и вернёшься домой, – рыкнул он. – А я останусь тут. Всем скажешь, что я мертв. Вот, – он сорвал с шеи шнурок, на котором висел его фамильный железный перстень. – Отдашь матери. И будешь жить, как жила. Выйдешь замуж. Родишь ещё детей...

Я прикрыла глаза и сосчитала до десяти. Ну нет, любимый, я больше не та Ива Шантор, которая до дрожи боялась тебе перечить. Я знаю теперь, чего я хочу. Не для того я переплыла через океан, чтобы вот так слушать этот бред! Слепой, хромой, увечный, без рук, без ног – ты мне нужен, и я не отступлюсь.

– Ива, ты меня поняла? – Арман склонил голову, словно что-то пытался рассмотреть в кромешной тьме, которая окружала его. – Поняла? Уплывай.

И от того, что он снова решает за меня, что он попросту обесценивает всё то, что я сделала, чтобы его найти, меня охватила жгучая злость. Сразу я вспомнила, как он сбежал от меня в день рождения нашего сына. Как мучил меня, когда узнал, что под маской Виро тоже была я. Как никогда не верил в меня. Злость, негодование, обида сконцентрировались в кончиках пальцев, и я сделала то, чего никогда не делала раньше, даже подумать об этом не смела – я его с силой ударила по лицу. Ударила слепого человека, да так, что голова мотнулась в сторону.

– Никогда не смей решать за меня, – прошипела я. – Слышишь...

А большего я сказать не успела, хотя ещё многое могла. Он просто сграбастал меня в объятия и жадно, агрессивно поцеловал. Наши зубы столкнулись, язык с силой ворвался в мой рот. Я смогла только пискнуть. Арман навалился на меня всем телом, распластывая по подстилке. Большой – я и забыла, какой он крупный. Хоть и крайне худой, изможденный, он был в полтора раза крупнее маленькой меня. И он прекрасно ориентировался даже без глаз. Колено вклинилось между моих ног, чуть приподнялось, прижимаясь к моей промежности. Я застонала ему в рот. Хочу, хочу, хочу! Худые острые пальцы сдернули с меня и штаны, и бельё, до боли вмялись в ягодицы. Воспользовавшись небольшой свободой, я подалась бёдрами навстречу его телу. Он не мог не чувствовать под пальцами моё возбуждение. Я хотела его. Немедленно. Прямо сейчас. И он не обманул, в этот раз нет. Никакой нежности. Просто задрал свои лохмотья и вонзился разом на всю длину в истекающее соком лоно. Большой. Горячий. Слишком большой для меня, отвыкшей от любви телесной. Я вскрикнула от боли, ударила его кулаком в плечо, и он замер на мгновение, позволяя мне привыкнуть.

– Помедленнее, ты, дикарь. Осторожнее.

Прежде я никогда не решилась бы сделать ему замечание. Но теперь слова сами собой вылетели изо рта.

– Я не могу, – выдохнул он. – Хочу тебя. Но постараюсь.

Первое движение, действительно, было почти нежным. Длинным. Медленным. Следующее чуть резче. Останавливается, тяжело дышит. Я обвиваю ногами его талию, цепляюсь за плечи. Арр мучительно стонет, прижимаясь к моему лбу своим мокрым от пота лбом. Я чувствую его еле сдерживаемое нетерпение, его дрожь. Виляю бёдрами ему навстречу, позволяя. Я привыкла. Мне

больше не больно. С глухим рыком Арр делает несколько грубых, резких движений внутри меня и неожиданно изливается.

– Прости, – с неожиданно мягким смешком сообщает он. – У меня женщины почти год не было.

– Бывает, — хмыкнула я. — Я удивлена, Арр. Ты хранил мне верность... это так странно!

– Ива, я же говорил, что брак для меня – не пустяк. Я изменял тебе, это так... но только с Виро.

Я зажмурилась, снова защипало глаза. Услышать такое – это словно... словно... А Арман, снимая меня с себя, продолжал ровно, спокойно и почти страшно:

– Я думал о тебе все это время. Жалел, что так скверно себя вёл. Ты одна была моим светом в этой тьме.

Меня затрясло.

– Люблю тебя, – говорил Арман, как-то ловко поднимая меня на ноги, разворачивая меня лицом к стене и избавляя от рубашки. – Прекрати реветь, все же живы. Прости, Иветта, прости.

Я не понимала, за что он просит прощения – за прошлое или за то, что его мужественность опять раздвигает мои складочки, проникая внутрь. Пока осторожно, но первый же мой стон выпускает наружу зверя. Арман никогда не позволял себе такого, но теперь он рычит, сминая моё тело, кусает за плечи и нажимает между лопаток, заставляя изгибаться невыносимым образом. И он все ещё большой для меня. Рука Армана скользит по животу, проникая между ног, а вторая предусмотрительно зажимает мне рот. Вовремя. Моё тело, не знавшее мужчины столько времени, вдруг начинает колотить дрожь, ноги трясутся. Я отчаянно мычу ему в ладонь, почти теряя сознание от накатившей волны удовольствия. Я обмякаю, съезжая по стене. Руки саднит от трения о такую грубую опору.

Арман не возражает против смены позы, он приподнимает меня за бедра, ставя на четвереньки, и снова вбивается в моё тело. Теперь уже его ладонь не глушит стоны, которые я не могу сдерживать. Впервые мне плевать на все. Я почти рыдаю от слишком острых, болезненно-приятных ощущений. Мужские руки мнут и тискают грудь, обхватывают живот, сжимают шею. Я вздрагиваю, уже не в силах ни сопротивляться, ни податься навстречу его сильным яростным толчкам. Междугрудямистекают капли пота, бедра мокрые, скользкие не то от его семени, не то от моего возбуждения. Очередной оргазм, его напрягшиеся руки и громкое "Ууух" почти не приносят удовольствия, только накрывают пеленой усталости. Голова кружится так сильно, что не понятно, лежу ли я или парю в воздухе, а может, снова началась качка.

– Бедная моя девочка, я совсем тебя измучил, – шепчет Арр, а я распахиваю глаза, снова вспоминая, что это не сон, хватаю его за предплечья. Никуда больше его не отпущу. **36. Шиноби**

— Иногда я думал, что лучше бы я лишился мужского достоинства, чем единственного глаза, — с горькой иронией сообщает мне Арман, обтирая меня влажной тряпкой. — Но знаешь... теперь думаю иначе. Ты дала мне надежду.

О, ради этих слов стоило плыть хоть на край света!

— Я научусь жить дальше, — мягко обещает он. — Ради тебя, ради нашего сына. Кстати, как ты его назвала?

— Акихиро, — хмуро отвечаю я, вдруг снова вспоминая, как он бросил меня в день родов.

Он хмыкает весело.

— В честь отца? Акихиро Шантор, ахха!

— Имя должен был сыну дать ты.

— О женщины! Ты разыскала меня только для того, чтобы оставить за собой последнее слово в разговоре?

— Нет, я разыскала тебя, чтобы у моего сына был отец. А у меня — муж.

— Что, не нашлось других претендентов?

— О, целая толпа. Но мне нужен только ты.

— Верю, — он наощупь поймал меня рукою, притянул к себе и зарылся носом в волосы. — А мне нужен мой экипаж, я же не могу их тут бросить!

— Я знаю, — тяжело вздыхаю я. — Но как это повернуть?

— Оружие есть? Знаешь, мы с радостью тут их всех уничтожим.

— Пара топоров и с дюжину ножей, — вздохнула я. — Мало.

— Мало, — согласился Арман. — А что Макеши, он же с тобой? У него какие мысли?

— Интересный вопрос. Чтобы на него ответить, придется выйти, — а честно говоря, выходить я совершенно не хотела. Особенно после того, как вся деревня слышала мои крики и стоны.

— Так пойдем. Поможешь? Просто обними меня, да, вот так...

Он закинул руку мне на плечо, я обвила рукой его талию. Так и пошли — ближе, чем когда-либо в жизни. Мне было отчаянно его жаль, но стыдно признаться — до чего же нравилось чувствовать себя нужной ему!

Насчет криков я, наверное, волновалась зря. Туземцам до нас вообще дела не было. Мужчины уже сидели на земле, а женщины каждому подносили блюда с мясом. Увидев нас, Макеши, сидящий на почетном месте рядом с вождем, приветливо махнул рукой. Пихнул в бок сидящего рядом воина, прогоняя, выразительно похлопал по земле. Я провела Армана и усадила на землю. Сама опустилась рядом.

— Дела неважные, — тут же заговорил Макеши на ниххонском. — Вождь согласен отпустить господина графа, потому что его женщина имеет право потребовать этого, и потому что граф — побратим вождя Бенеухелуху. Ну и еще я обещал наколдовать им много дождей, отличный урожай и все такое. А остальных наотрез отказывается даже и продавать. Много тут народу?

— Двадцать три человека, — мрачно ответил Арман.

— И почти три сотни воинов. М-да, задачка. Даже если бежать — на плоту все не поместятся, а корабль... его еще приводить в порядок нужно. Я не моряк, я не знаю, как это делать.

— И питьевая вода, и провиант, — напомнил капитан Волорье. — Такелаж весь осмотреть, выставить паруса, выкачать воду из трюмов... Были ведь и дожди, и бури. Ребята мои говорят, что вроде бы “Сердце Севера” на плаву. Это хорошо, но...

— Но не быстро, — закончил Макеши. — Единственное, что приходит мне в голову — просить помощи у отца и отбивать вас силой. Нас тут только трое, кто способен держать оружие.

– Я не слишком и способен, – вздохнул Арман. – Был бы зрячий... А третий кто?

– Я вас и не считал. Ива – великолепный боец, чтоб вы знали. А еще с нами шиноби.

– Ива – боец? – изумился мой супруг. – Вот это новость! Да она – маленькая девочка.

– О, вы совсем ее не знаете...

– Подозреваю, что так и есть.

– Вот что, – Макеши нахмурился вновь. – Ночью я принесу всё оружие, которое у нас есть. Пусть ваши матросы разберут себе ножи. Надо быть готовыми к самому худшему. А пока – улыбаемся этим дикарям и пьем только воду.

Дикарям! Я усмехнулась, понимая, что мой темнокожий друг давно уже себя давно не относит к местному населению. И он совершенно прав. Не так уж много я знаю людей настолько умных и образованных, как Макеши. Он говорит на пяти языках и не счесть скольких диалектах, прочитал множество книг, в Ниххоне учился искусству врачевания, изучал историю, географию и прочие естественные науки. Да половина знати Ранолевса ему и в подметки не годятся!

Пир продолжался всю ночь. Мы с Арманом рано ушли в его хижину, спали плохо, нервно. Я чувствовала, как он напряжен, сама прислушивалась к звукам ночи. А он то и дело находил меня рукой, гладил по волосам и шептал, что все будет хорошо.

Наутро вождь объявился возле нашей хижины и заявил:

– Я передумал. Я не отпускаю своего раба и его женщину. Жена раба – тоже рабыня. А раз она рабыня, я имею право забрать ее себе.

Убийственная логика – в прямом смысле убийственная. В руках у Армана невесть откуда появился короткий меч, я резким движением руки раскрыла веер. Вождь махнул рукой, и толпа воинов, вооруженных копьями, качнулась вперед.

– Раба убейте, – приказал он. – Женщина будет моей.

И вдруг схватился за шею, захрипел и упал. Из горла у него торчала маленькая блестящая звездочка – сюрикен. Есиага где-то рядом.

Снова свист – и еще два воина хрипят, поливая землю кровью. Еще свист...

– Что происходит? – шепчет Арман, вертя головой.

– Шиноби, – отвечаю я, а потом громко заявляю. – Духи острова недовольны ложью вашего вождя и покарали его. Вы все умрете.

Словно в ответ на мои слова со стороны деревни раздаются воинственные вопли и крики ужаса. Видимо, у рабов теперь есть оружие.

Немного помедлив, туземцы находят виновников всех их бед – и это явно мы с Арманом. Они бросаются на нас с ревом. Мы ныряем в проем хижины – сколько их может поместиться внутри? Четверо – не больше. И все четверо смельчаков падают замертво. Двое проткнуты саблей, у двоих перерезано горло взмахом веера. Я и сама не поняла, как я смогла – просто тело среагировало само по себе, воспроизведя уроки боя.

Больше в хижину сунуться не рискнул никто, зато эти твари догадались тыкать в нас копьями сквозь щели в стенах. Деревянными копьями. Я сообщила об этом Арману и он немедленно принялся махать мечом. Несколько копий даже перерубил.

И вдруг они пропали. Я выскочила наружу, успеваю увидеть быструю как птица черную фигуру с двумя клинками. Есинага казалась демоном, несущим смерть – и явно не одной мне. Туземцы сначала растерялись, толкаясь, попытались сбежать, натываясь вдруг на толпу очень злых белых людей, жаждущих мести.

– Стой здесь, – сказала я Волорье. – Тут свои. Ты можешь задеть кого-то.

А сама бросилась на ближайшего же туземца, взмахивая веером: силы были неравны, врагов было больше. Еще один воин упал. От копья в такой толпе увернуться было несложно, к тому же мой маленький рост был скорее преимуществом, чем недостатком. Туземцы меня почти не замечали. Оглянулась – и вовремя.

– Арман, справа!

У Волорье мгновенная реакция: один лишь взмах меча – и враг падает, роняя широкий нож.

– Спереди двое!

Нет, его нельзя оставлять, он же не видит, а в таком шуме – и не слышит. Налетаю сзади на одного, успеваю лишь полоснуть лезвиями веера по правой руке и приседаю, чтобы меч мужа меня не задел. Вот так. Еще двое мертвы.

Оборачиваюсь.

Толпы больше нет. Есть оборванные и шатающиеся белые мужчины, все в крови. И гора трупов.

– Разбежались со страха, – на чистейшем ранолевском говорит Макеши, и только это спасает его от мгновенной смерти – разгоряченные матросы едва ли могут его сейчас отличить от остальных чернокожих. – Я предлагаю немедленно отправиться на корабль – пока они не пришли в себя и не догадались расстрелять нас из луков.

– Лодки возле плота, – сообщает Есинага, появляясь рядом со своим мужчиной. – Пять штук. Остальные я ночью продырявила.

Скользя босыми ногами по кровавой каше, матросы, пошатываясь, устремляются следом за шиноби, а мы с Макеши подхватываем Армана с двух сторон и ведем в сторону плота.

– Я вчера подлила в кувшины с водой сонного зелья, – весело докладывает Есинага. – Часть туземцев еще крепко спит. И всех женщин с детьми заперла в хижинах. Нечего им лезть в бой.

– Именно поэтому я и посылал за шиноби, – усмехается Макеши. – Ты прекрасна, птичка моя.

До корабля доплываем в два счета. Хочется просто упасть, распластаться на палубе, но нельзя. Матросы расползаются по вантам. Кто-то ныряет в трюм. Привязывают плот, топят ненужные больше лодки.

– Нужно уплыть подальше от острова, – озабоченно говорит капитану Волорье Макеши. – Командуйте.

– Как? – с горечью спрашивает муж. – Я ничего не вижу.

– Ну так на то вы и капитан, чтобы выводить корабль в море с закрытыми глазами.

– Действительно, – усмехается Арман. – Команда, стройся! Сколько человек?

– Девятнадцать на ногах, один тяжелораненый и двое убитых.

– Назовите свои имена.

Они называют, а Арман кивает.

– Джордано, встанешь за штурвал. Блосс, ты будешь моими глазами. Гордон...

Вот теперь я позволяю себе просто сесть на грязную палубу и обессиленно закрыть глаза. Вдруг понимаю, что веер я из рук так и не выпустила. Складываю его дрожащими пальцами, привязываю к поясу. Кажется, мы выиграли эту битву.**37. Свобода**

Худо-бедно, но мы плывём на корабле. Идём, как говорит капитан. Меня уложили спать в одной из кают, где чудом уцелела узкая койка. Я лежала, смотрела в низкий дощатый потолок и думала, что делать дальше. Мои планы никогда не простирались так далеко.

Я рассчитывала, что найду и выкуплю Армана, а уж дальше наша жизнь будет его решением. Но по всему выходило, что теперь решать буду я. Возможно, всегда. Как бы я ни пыталась это отрицать — муж мой теперь калека. Это меня не смущало, не отталкивало. Я люблю его любым, просто теперь ещё и бесконечно жалею. Главное, что он жив и в здравом уме, а с остальным мы справимся.

Как будем жить? У нас есть замок с грамотным и верным управляющим. Есть сын. Родим ещё детей. Найдём Арману занятие по душе. Я стану его руками и глазами. При дворе, конечно, Волорье будут не рады, там нечего делать калеке. Конечно, ему придётся тяжело, да и мне тоже. Всю жизнь прожить на Севере... А я ведь так хотела навестить родителей в Ниххоне, посетить знаменитые эльзанские минеральные источники, побывать в купальнях на морском побережье. Все это сделать можно и со слепым мужем, вот только будет в разы сложнее. И захочет ли Арман? Только бы он не сломался, не замкнулся в себе. Мой муж раньше был не из тех людей, кто сидит на месте. Что будет теперь?

Я ощущала вдруг страшную усталость. Не хотелось даже подниматься с постели. Лежать бы так... смотреть на покачивающуюся под переборкой лампу... кстати, отчего туземцы ее не стащили? Не понравился цвет меди? Зря, хорошая же лампа, надежная.

Итак, мы на корабле. Горстка полуголых измученных матросов, слепой капитан, нет еды и воды. А до О-охо мы доберемся только дней через пять. Справимся? А у нас есть выбор? В конце концов, в море есть рыба, в небе — тучи (наверное, Макеши сможет их вызвать), а люди привыкли терпеть лишения. Теперь, когда до свободы осталось рукой подать — они будут работать как проклятые, забывая про еду и сон.

Дверь каюты тихонько приоткрылась, ко мне проскользнула Есинага.

– Спишь? — весело спросила она. — А мы уже почти доплыли до Птичьего острова. Там наберем воды и фруктов.

– Как, уже? — вяло удивилась я.

– Макеши колдовал.

– А, да. Он прекрасен. Ты как считаешь?

Подруга привела на край кровати, задумчиво уставившись в стену.

– Мне никто не позволит быть с ним, — тихо сказала она. — Да я и сама не хочу. Я — шиноби. Моя задача — служить семье, быть им нужной. А Макеши — лишь временное приключение. Я потеряла голову, но это ненадолго. Хотя ес-

ли я забеременею от него, это будет великолепно. Я принесу в клан дитя-птицу, это очень хорошо.

– Ты считаешь, что он так просто тебя отпустит? – удивилась я. – Он тебя любит.

– Ну и пусть. Я останусь в его жизни красивым воспоминанием. Знаешь, иногда это куда лучше, чем “вместе навсегда”, “долго и счастливо” и прочие глупости. В жизни должно быть место сказке. Мы с ним совершенно разные, мы не сможем быть счастливыми вместе. Я не женщина... ну, в том смысле, что роль женщины – не для меня. Я не буду сидеть дома и варить поке. Не буду покорной и послушной. А он вряд ли простит кровь на моих руках и постоянные отлучки.

– А цвет его кожи тебя вообще не смущает? – ехидно поинтересовалась я.

– Ни капли. Он ведь – воин. Сильный, могучий, да еще колдун. Я им восхищаюсь. И он сильнее меня. Только такой и достоин был меня взять.

Я понимала подругу. Макеши ее – взял. Победил. Уложил на обе лопатки. Любого другого мужчину Ени бы снисходительно допустила до своего тела, а он – взял сам, потому что захотел. Да, если это вот – не любовь, то что такое любовь?

Мы еще долго беседовали, сидя на кровати. Старались наговориться впрок, зная, что вскоре наши дороги вновь разойдутся. Ени расспрашивала меня о Севере, о сыне, о планах на жизнь, а потом вскользь бросала, что в Ниххоне Император увеличивает налоги, а это значит – снова будет голод, может быть, даже война. И снова появятся ёкаи и ◆ни, а значит, вновь придет время Охоты.

На Птичьем острове нам были рады. Накормили, напоили досыта, уступили лучшие дома. Удивительное место – яркие большие попугаи смело садились мне на плечо, выпрашивая угощение, маленькие зеленые птички нагло таскали кусочки фруктов прямо из тарелок, а степенные крачки, переругиваясь, путались под ногами у людей.

И дети, здесь было очень много детей. Причем – разноцветных. Встречались и светлоглазые, и белокожие, и блондинчики, хотя обычных темнокожих и кудрявых карапузов было гораздо больше.

Наконец-то я увидела и того самого Антуана Бревса, отца мамы Авелин. Высокий, с седыми уже волосами и бесконечно усталыми глазами, он немного оживился при виде почти что соотечественников и с радостью болтал о чем-то с Макеши. И не сказать, что красавец – обычный мужчина почтенного уже возраста. Не вождь, конечно – символ. Человек-птица. Не повезло ему сюда попасть... Или повезло – это как посмотреть. Его здесь любили, берегли, кормили и поили самыми лучшими блюдами, а главное – каждую ночь у него была женщина. Любая. Правда, его не спрашивали, хочет он или нет. Шепотом Арман признался мне, что ни за что бы не хотел поменяться с Бревсом местами – даже сейчас, в своем плачевном состоянии.

Золотая клетка для человека-птицы... Трагично и нелепо. Говорили, что в прошлом он совершил немало преступлений, но столько лет несвободы с лихвой компенсировали его дурные дела.

Впрочем, все, что я могла – лишь пожалеть его и выкинуть из головы. Мне гораздо важнее были собственные проблемы. Пора было возвращаться домой,

где меня ждал сын... и наказание за побег.

Однако перед нашим отплытием Антуан ухватил меня за локоть и отвёл в сторону.

— Слушай, девочка, ты ведь знаешь Авелин Ферн?

— Она моя приёмная мать.

— А если я... если я попрошусь на ваш корабль? Я ведь — и птица тоже. Улечу.

— А почему вы спрашиваете меня? Задайте этот вопрос капитану.

— Это непременно. Но я хочу знать — Авелин примет меня в свой дом хотя бы на время? Я ей отец только по крови. А идти мне совсем некуда. В Эльзании мне делать нечего, там клан Фернов. Любой из них сдаст меня властям. В Ранолевсе — никого знакомых. Все, что меня там ждёт — нищета. Я уже стар, работы никакой не найду, во всяком случае, быстро. А Ниххон... я могу помочь Авелин в аптеке, сидеть с внуками, плести корзины, делать флейты из бамбука! Что угодно, лишь бы сбежать отсюда! Никогда я не был так близко к свободе.

— Я думаю, что Авелин вам поможет, — мягко сказала я. — Она очень добрый и светлый человек. А если вам совсем уж некуда податься — в моем замке на Севере всегда найдётся угол для отца моей приемной мамы.

— Спасибо, — хрипло пробормотал Антуан. — Спасибо.

Бедняга. Я оглянулась: теперь он разговаривал с Арманом. Что ж, я уверена, что муж не откажет. Он вообще очень добрый и справедливый человек, мой Арман. Со всеми — кроме меня.

Наверное, мне стоит радоваться, что теперь он зависим от меня. Больше ему не сбежать — некуда. Но мне невыносимо видеть его таким... потерянным.

Я вдруг вспомнила один случай из детства. Мы тогда гостили в племени Оохо, просто вырвались на несколько недель. Папа был тяжело ранен, ему нужно было отдохнуть. Мама ждала третьего ребёнка. А я потеряла в траве какую-то безделушку и очень расстраивалась. И Акихиро сказал тогда очень интересную вещь: «духи Островов иногда возвращают то, что забрали, если их правильно попросить. Нам вот вернули тебя, да ещё с Макеши впридачу». Безделушку, кстати, нашёл один из братьев.

Так если духи возвращают — можно ли попросить их вернуть Арману глаз? Кого об этом спросить? Конечно, самого «большого» шамана Островов. И я обязательно спрошу — не убьют же меня за это, верно?**38. Слепец**

После тяжелого разговора с господином Бревсом Армана немного отпустило. Пусть он был слеп, жалок и убог, но его хотя бы больше не держали в плену. Время, которое он и его команда прожили на Огненном острове, было одним из самых кошмарных в его жизни. Во-первых, они были рабами: их били, иногда морили голодом в наказание за непослушание, издевались, кидали в них грязью и камнями. А во-вторых — не было совершенно никакой надежды. Вазилевс явно не пришлет им на помощь войска, да и не пустят больше в эти воды никого. Весь остаток жизни — слепым рабом. Как он не сошел с ума, не наложил на себя руки? Арман не знал. Хотя, признаться, он был очень близок к последней черте.

И вдруг все поменялось: они свободны, они плывут домой к своим семьям.

“Сердце Севера” – такой же уставший и измученный, как его команда, скрипит снастями, словно стонет, но идет. И вот уже Арман слышит, как где-то вдалеке отзывается ему рындой другой корабль. Тот, на котором приплыла его жена. За ним.

Наверное, если бы Ивы не было рядом, ему бы полегчало. Кто угодно, но только не она! Невыносимо стыдно предстать перед ней вот таким – уродливым и неполноценным. Он и раньше не был красавцем, а теперь и подавно должен был вызвать у женщины только брезгливость.

И это даже не жалость к самому себе, нет. Себя ему было не жалко. Он совершил множество ошибок, он за них расплатился. И, кажется, именно слепота спасла его от страшной участи быть сожженным заживо. Он знал, что у нескольких его людей дикари вырвали сердце и печень, а потом сварили их в котлах и съели. К счастью, подобное действие было скорее ритуалом, нежели продиктовано голодом. Съедали только тех, чьи качества дикари хотели забрать себе. Его, кстати, в племени считали колдуном и силачом и не раз вздыхали, что дух его мог бы вселиться в кого-то из воинов, вот только и слепота шла в придачу.

Арман усмехнулся, прислушиваясь. Его бросили здесь, в деревне О-охо – пока силами теперь уже двух экипажей приводили в порядок “Сердце Севера”. Он был не нужен там, на корабле. И это хорошо, у него было время подумать. Особенно хорошо, что рядом не было ЕЕ.

Только он и темнота. Темнота, которая скрыла от него мир, полный чувственных красок. Что ж, он всегда был слепцом, разница лишь в том, что теперь мог им называться по праву. Ничего. Зато обострились другие чувства. Он слышал как кот, как собака чувствовал запахи. Осязал все вокруг с такой остротой, будто с него сняли кожу.

Будто из воздуха возникли руки. Не услышал, не смог. Как она это делает? Он не слышал троих – Макеши, девицу-шиноби и Иветту. Значит, она и правда совсем другая, не такая, какой он ее знал.

— Я пришла, чтобы помыть тебя и переодеть.

Усмехнулся. Калеку помоют.

— Что опять случилось, Арман? Мы же все обсудили. Мы вместе, мы семья, мы одно целое. Позволь поухаживать за тобой.

Спорить с ней было бессмысленно. Да, обсудили. Решили. И вымыться, конечно, стоило. Молча кивнул головой, ожидая воды, губок, тазиков, обтираний и тряпочек.

— Пойдем. Я знаю отличное место для этого.

— Я не могу, я...

Поцелуй вдруг накрыл мутные и припухшие глазницы. Тонкая и чувственная дорожка усмирила томившую боль.

— Просто доверься мне. Руку давай и пойдем. Я теперь твои глаза. Помнишь? Я очень хочу быть твоей неотъемлемой частью.

Легкий ветерок рядом сообщил ему – встала и ждет. Прикосновение пальцев к плечу – как приглашение.

Поймал ее руку, поднялся, беспомощно озираясь и снова прислушиваясь. Тепло руки на груди, быстрое касание шеи губами. Тихий шепот:

— Идем.

Шли они медленно и очень ... чувственно. Подсказывала, обнимала, на-

граждала за смелость легкими поцелуями и прикосновениями. Порхала вокруг, словно его личный ангел-хранитель.

Да, в последнее время он часто себе представлял эту дикую сцену: Арман Волорье – слепец и убогий калека тычками шагает, цепляясь за стены. А рядом – жена, кусая губы от жалости, смотрит на муки несчастного. Но Иветта сейчас все изменила. Творила почти невозможное. Он вдруг ощутил себя центром вселенной. Шаг за шагом ее открывал, не был слабым и не был отверженным.

— Мы пришли. Это маленький водопад. Слышишь шум воды? Рядом озеро, неглубокое и очень теплое. Раздевайся.

Вот как? Не “Давай, дорогой, я тебя бедного тут раздену?”

Скинул грязные вещи, остро пропахшие тяжелой дорогой. Прислушался: на шаг впереди плеск воды. Совсем недалеко – шум водопада, действительно, судя по звуку, совсем небольшого. Сделал неуверенный шаг вперед. Вдруг ощутил в спину сильный толчок и полетел прямо в воду. Петля ужаса захлестнула, сдавливая горло и сердце. Это все? Быстрый способ избавиться от мужа? Арман, ты идиот! Выныривай уже, горе-моряк. Для того, чтобы овдоветь, эта женщина могла просто остаться дома.

Рывок вверх – и вот уже он обнаружил опору под ногами, глоток воздуха и женское тело, захватившее в плен. Горячие губы впились в рот, забирая остатки разума и дыхания. Ноги и руки обвили, как цепи. Он нырнул опять: обнимая, лаская, наказывая за шалость. Ощущая ладонями струи воды на спине своей личной русалки. Прижалась лишь только плотнее, вжимаясь пламенем женственности прямо в пах.

Он снова рванул их наверх. Разомкнулись и выдохнули, как дельфины, отплевывая струи воды. Больше не сомневаясь и ничего не боясь, он вынес добычу свою на траву у воды.

Положил и лег рядом.

— Помыла?

Тихий смешок, и она прильнула к его боку спиной. Он прекрасно помнил ее тело наощупь – и представлял за все время разлуки много раз. И замечал, что грудь ее стала больше, едва помещаясь теперь в его крепкой ладони. И изгибы бедер – лишь круче.

— Арр, а ты меня представляешь? – голос такой вкрадчивый, томный. – Еще помнишь?

Будто мысли читала. Хотя... Пальчики, пробежавшие по напряженному, как боевой лук, стволу говорили – просто видит его недвусмысленную реакцию.

— Да. Я безумно хотел бы увидеть тебя. Хоть еще раз. Это мучительно, когда весь мир вдруг украли. И тебя.

— Я же тут. Ты ведь чувствуешь меня? Я тоже хочу... нет. Ты хочешь, я тоже ослепну сейчас? И мы будем на равных, кожа к коже, огонь к огню. Я пойму тебя тогда?

Он рассмеялся, потом вдруг внезапно нахмурился. А она подскочила, исчезла, ускользнула, и уже через минуту схватив его руки, прижала быстро к вискам, позволяя ощутить повязку на своем лице.

— Видишь, я завязала глаза. И теперь мы на равных. Есть такой танец в Ниххоне – “Бурандо”. Когда мастера меча надевают маски без прорезей и сражают-

ся в тишине, лишь ощущая друг друга, слушая дыхание и шелест одежды. Готов ли ты к поединку, муж?

Готов ли он? Снова ей проиграть? Ну уж нет. Он сел и раздвинул колени, развел руки широко, пытаясь поймать свою бабочку.

Иве было странно и страшно. Да, мир вдруг угас, потерялся, исчез. Только мужское дыхание, возбужденное, громкое. И пальцы. Он поймал ее, медленно усадив между ног. Все ощущения обострились. Как хорошо она вдруг поняла его! Беззащитна, беспомощна и так... чувственна. Поцелуй в основание шеи ощутила, как удар. Обжигающий, запустивший мурашки по коже, вырвавший стон.

— Чувствуешь?

Поймал пальцами ее руку, поцеловал в центр ладони, забросил себе за плечо, “расправляя” ее грудь, разворачивая Иветту, как сверток из листьев. Вторая рука закинута. И вот она уже распята у него на груди, руки у него на шее, спина выгнута, грудь вперед. А его ладони тяжело опустились на ее колени, сгибая, разводя их бесстыдно-широко. Ива представила себе эту сцену: на берегу тихого лесного озера сидит мужчина, а между ног у него - вот такая она, раскрытая до предела, до откровения, возбужденная, беспомощно-слепая.

Словно в ответ над ухом раздался его громкий вздох. Не у Иветты одной – воображение. Подтверждение тому каменной твердью упирается ей в поясницу. Потерлась спиной, мырлыкнув протяжно. Ощутила на коже капельку влаги и стон в шею. Протяжный, мужской.

— Ты – моя пытка.

Руки накрыли ей грудь, и она тут же выгнулась, подалась вперед, представляя, как наполняет его ладони собой. Она скучала по его рукам. И по его неторопливости тоже. Он, как и раньше, никуда не спешил, прислушивался, трогая, гладя, лаская. Вызывая прикосновениями стоны и вздохи. Сам лишь плотней прижимался. И мучал.

Вот и кто тут – чья пытка?

Рука скользнула в давно уже ждавшую его женскую плоть, горячую и влажную, и все же дрогнула. Пальцы гладили, перебирали задумчиво складочки, ласкали вход. Ива кусала губы, не смея кричать – в любой момент здесь могут появиться люди. Когда она вела сюда Армана – планировала только купание. А он жарко шептал ей в ухо:

— Ты просто не знаешь, сколько раз я представлял твой цветок... Сколько раз я хотел погрузить в него пальцы – вот так...

Знакомая твердость проникла, влажно и порочно двигаясь в ней.

— Сколько раз я мечтал сделать вот это...

Вторая рука, оторвавшись от груди, осторожно спустилась, нежно притрунувшись к чувственной точке. Да, он был в этом мастером. Довести ее до блаженства одними пальцами и удерживать на краю – эти игры он любил и раньше. Сознание отступало. Кровь прилиwała к лицу, Ива стонала и всхлипывала, извиваясь в мучающих ее руках.

— А потом, потом я бы испил тебя, как лучший в мире напиток...

Руки внезапно исчезли, заставив ее громко взвыть. Куда?

Толчок – и она падает коленями и локтями в шелковую зелень травы. Нежное, но настойчивое прикосновение – и все ее естество открыто, как книга. Горячий язык, снова его руки, поцелуи. Он действительно пил ее, как амброзию.

Твердые пальцы внутри, снова стремительно завязывающийся тугой узел желаний. Она билась, как подстреленная птица, кричала. И вдруг у самого уха услышала тихо:

— И взять. Взять свою женщину, свою жену – по праву мужчины и мужа. Вот так.

Ее словно огромной волной накрыло. Он вошел в нее медленно, продолжая ласкать, но шторм было уже не удержать. Он одного только проникновения ее сорвало, бросило на траву, растоптало, разорвало на ощущения и чувства. Она и вслепую ощущала теперь его каждую клеточку. Глаза были не нужны.

Удар. Тянущийся, будто бриз. Она только прижалась плотнее. Удар. Арман одним движением сильной руки сорвал с ее глаз повязку. Еще удар, и он вышел, заставив ее скулить. Развернул и посадил на себя, будто всадницу.

— Смотри на меня. Я хочу, чтобы ты видела. Видела, кто я теперь.

Он замер под ней, словно давая ей шанс сбежать. Ива медленно наклонилась, целуя его глаза. Легла грудью на грудь, принимая его, надеваясь, натягиваясь на горячую плоть, такая нетерпеливая и порочно-влажная.

Прошептала:

— Любовь моя. Ты самый сильный и самый красивый мужчина этого мира. Хочу тебя. Хочу тебя в себе глубоко.

Он подался ей навстречу, потом крепко обнял, а она еще крепче прижалась. Толчки, стоны и всхлипы. Лежа на его груди, целуя его, обнимая, она принимала Армана всего. Казалось, хотела впитать, как песок пляжа впитывал волны. Не отпустит и никому не отдаст, погрузит в себя, будто в морскую пучину.

Быстрее, быстрее, быстрее. Звериный рык, напряжение, стон, вспышка и крик. Женский крик, что вещает огромной вселенной — его женщина счастлива. Она к звездам взлетела в объятиях своего мужчины, дарящего жизнь свою снова и снова, одной только ей.

Кажется, она потеряла сознание... или просто уснула в его руках. Очнулась от трепетных поцелуев на лбу.

— Ты жива?

— Кажется, мы оба умерли и парим в небесах.**39. Расплата**

Я поднималась на плато. Никогда здесь не была, откровенно боялась этого места. Слишком уж тут тягостно дышалась. Слово и правда – обитель духов предков. Последнее пристанище мертвецов.

На Островах умерших не закапывали в землю, их сжигали. Здесь, наверху. Этим занимались шаманы. Тело заворачивали в листья, тех, кто мог себе позволить – в ткань, украшали сей сверток цветами и оставляли в условном месте. Потом, когда видели дым, начинали праздник: считалось, что это дух умершего соединился со своими предками. Словом, плато – место не слишком привлекательное для живых. Этакое огромное кладбище. Все там побывают, но лучше бы – попозже.

А я вот упрямо ползла вверх по тропинке, потом по вырубленным в камне ступеням. Мне очень нужно было поговорить с самым главным местным шаманом. В деревне был еще один, но, видимо, не столь сильный, он-то и посоветовал мне подняться сюда и задать свои вопросы.

Поднялась, огляделась. Вершина этой горы была срезана, как ножом. Все

здесь серое и коричневое, травы мало и деревьев не растёт. Прохладно – снизу теплее. И вид просто удивительной красоты: весь залив как на ладони. Застыла, ежась от порывов ветра, засмотрелась. Не услышала шагов сзади, а может, их просто не было. Только скрипучий голос:

– Что ты ищешь тут, белая рыбка?

– Я ищу чуда, – ответила я, оборачиваясь.

Старик с длинными седыми волосами был стар, как этот мир. Неожиданно яркие глаза блестели на морщинистом черном лице. Одет он был внезапно очень роскошно – в некое подобие шелкового саронга. Да, шелк я узнала – мы привезли его сюда для обмена.

– Пойдем, рыбка, поговорим. И обувь оставь здесь.

Пришлось снимать сандалии. Идти по колючей траве и бурой пыли босиком было неприятно. Мне всё казалось, что я ступаю по пеплу тысяч сожженных здесь людей.

А хижина у шамана неожиданно оказалась самым настоящим каменным домом, разве что без окон. Свет проникал в широкие щели под крышей. Был здесь и стены, и очаг, и даже двери. На стенах маски и полки с различными сосудами. На земляном полу – циновки и подушки, на одну из которых мне было жестом предложено опуститься.

– Расскажи о своей беде, рыбка.

– Мой муж слеп. Я хочу знать, можно ли вернуть ему зрение.

– Сколько времени и от чего он ослеп?

– От удара по голове. А время... – я задумалась, подсчитывая. – От шести до двенадцати лун, я полагаю.

– Где он потерял свет? Здесь, на Островах? Твой муж – тот беловолосый мужчина, который жаждал познания? Он приплыл сюда на корабле из северных морей, верно?

– Да, это он. Шаман снизу сказал, что если зрение потеряно тут, на островах, то духи могут его вернуть.

– Да, это возможно. Послушай, рыбка. Я буду разговаривать с духами, а ты жди. Не выходи, не смотри. Духи не любят любопытных. Можешь поспать пока.

Я закивала. Пока все шло просто отлично.

Шаман отвел меня в дальнюю часть хижины, крохотную каморку, где ничего, кроме постели и небольшого плоского камня не было. Принес мне миску с какой-то кашей и чашу с водой.

– Ешь. Пей. Иногда духи не отвечают несколько дней.

Поставил на пол весьма неожиданную вещь – фарфоровую ночную вазу. Боги, откуда здесь это?

– Сама знаешь для чего.

Ух, какой заботливый. Есть мне не хотелось, воду нужно поберечь. Надеюсь, до вазы дело тоже не дойдет. Спустя бесконечное количество времени стало темнеть, пришлось воспользоваться всеми предложенными удобствами и лечь в чужую постель.

Шаман пришел наутро, вывел сонную и ничего еще не понимающую меня из дома. Прямо возле входа был выложен круг из камней и костей.

– Духи дали ответ, – начал старик без всяких предисловий. – Они вернут то, что забрали. Если ты согласна заплатить.

– У меня есть шелк, и лен, и хлопок, и ценные меха, и железные ножи, – обрадовалась я.

– Нет, – спокойно и очень тихо перебил меня шаман. – Как ТЫ будешь платить?

– А как нужно? – спросила я растерянно.

– Возможно, ты согласишься отдать свое зрение в обмен на его глаза?

Я задрожала. На такой поворот событий я не рассчитывала. Это, кажется, непосильная для меня плата. Я очень люблю Армана, но свою жизнь губить ради его исцеления – это слишком жестоко.

– А можно я отдам только один глаз? – жалобно спросила я.

Старик вдруг рассмеялся.

– Ответь мне, рыбка, что такое любовь? – неожиданно спросил он.

Я растерялась.

– Любовь? Ну... это когда жить не можешь без человека? Когда хочешь, чтобы ему было хорошо?

– Нет, рыбка. Любовь – это не чувство. Любовь – это дар. Это отражение божественной любви. Как море отражает лучи солнца, так и глаза человека – отражают любовь. И чем чище и светлее человек, тем ярче она сверкает. Любовь – это стрела. Ты можешь лишь выпустить ее, а поразит ли она цель, зависит не только от тебя. Ветер, дождь, панцирь на груди другого человека может ее сломать. Любовь – это путь. Путь за тем, кто тебе нужен. Ты прошла этот путь, маленькая рыбка. В твоих глазах я вижу отражение солнца. А твой мужчина оттого и слеп, что глаза его не умели любить. Научился ли он, спрашивают духи?

– Я не знаю, – прошептала я. – Я лишь выпустила эту стрелу. Попала ли она в цель – судить не мне.

– За его часть тебе придется отдать часть себя, это неизменно. Иногда духи просят очень многого. Например – нерожденного ребенка. Смогла бы ты заплатить такую цену?

Я невольно скользнула рукой по животу. Так значит, мои подозрения верны. Я беременна. Мне эта мысль уже приходила в голову, но слишком рано думать об этом.

– Я смогу заплатить такую цену, – твердо сказала я.

В конце концов, у меня будут еще дети. А даже если и не будет – у меня есть сын. Да, я готова. Это страшно, мерзко и гореть мне потом в аду, но если это вернет Арману его глаз – пусть так.

Старик вдруг засмеялся. В руках у него появился нож. Я зажмурилась, умирая внутренне от страха. Он что же, разрежет мне живот? Внезапно голове моей стало так легко и свободно, я открыла глаза и увидела, что в руках у шамана мои волосы. Длинные, черные, они развевались, словно живые. Я ощупала затылок. Волосы он обрезал до самых ушей.

– Это все? – недоверчиво спросила я, видя, как он укладывает копну волос в каменный круг. — Всего лишь волосы?

– Тебе мало? Хочешь отдать что-то еще?

– О нет, меня очень устраивает эта цена!

– Ты нравишься духам, белая рыбка. И супруг твой нравится тоже. Все будет хорошо. И не думай больше ни о чем, некоторые вопросы – это просто вопросы.

Я поняла, это он про ребенка. Его не заберут. Это хорошо. Он меня потом простит, а прощу ли я себя – это неважно. У меня всё получилось.

– Что мне теперь делать?

– Уводи своего мужчину. Повязку с глаз не снимать до рассвета. И уплывайте отсюда как можно быстрее, пока духи не вспомнили про резню на Огненном острове.

Уводи? Повязку? Что все это значит?

Дверь хижины распахнулась. Оттуда вдруг показался Макеши, а следом – Арман собственной персоной. Откуда он здесь? Я сглотнула, с ужасом глядя на верного моего телохранителя. Они все слышали, да? И как я торговалась тут? Какой стыд!

На глазах у Волорье тканевая повязка. Он молчит. Положил руку на плечо Макеши и идет спокойно, словно меня и нет здесь. Что ж, я и это стерплю, я сильная. Потрогала волосы на затылке, вздрогнула. Бросилась к споткнувшемуся об камень мужу, подхватила за талию, накинула его руку на свое плечо. Он не оттолкнул.

– Как нам спустить его по горной тропе? – спросила я Макеши. – Как ты его вообще смог сюда поднять?

– А как, по-твоему, наверх поднимают тела? – ухмыльнулся туземец. – Ты же не думаешь, что тут один только спуск?

Вообще-то я так и думала.

Вдвоем мы довели Армана до широкого провала в земле. Здесь была установлена система блоков и висела огромная деревянная бочка.

– Все не поместимся. Сначала вы двое, потом я.

– А... можно я я другой дорогой? – заблеяла я, заглядывая в темноту провала. – Как пришла, так и вернусь.

– Я с тобой, не бойся, – неожиданно заговорил муж. Я вздрогнула, как от удара. – Иди ко мне, маленькая.

Пришлось идти. Прижалась к нему доверчиво, а он опустил руку на мои волосы, теперь стриженные под мальчишку, и скрипнул зубами. Ничего больше не сказал. Спускаться оказалось почти не страшно, канаты казались прочными, блоки – надежными, а в темноте ничего не было видно, но я притворно ойкала при каждом рывке веревки и дрожала. Мне так нравились его успокаивающие прикосновения.

Он не выпустил меня из объятий, даже когда бочка поползла обратно вверх. Снова и снова трогал волосы, касался скул кончиками пальцев, ощупывал плечи. Казалось ли, или тут было жарко, душно? Очень темно, я едва различала стены вокруг. Мы оба уже дрожали. Я чуть отстранилась, запуская ладони ему под рубашку. Гладила, царапала ногтями, вздыхала томно. Если бы не грохотавшая сверху бочка, мы бы, наверное, не сдержались, слились бы в вечной песне влюбленных.

Но Макеши спустился быстро, повел нас вперед в темный провал тоннеля, а когда послышался шум водопада, я вдруг догадалась, где мы. Возле озера Ило Сьянзано. Еще два дня назад мы с Арманом любили друг друга на этой шелковистой траве. А сегодня, словно преступники, мы спешим убежать с Островов. Не вспомнив про вещи, про прощания, не оглядываясь даже, мы запрыгиваем в шлюпку и отталкиваемся от берега.

“Сердце Севера” величаво покачивается на волнах. “Ветреница” рядом с

ним кажется совсем малышкой. Он – крупный, сильный и надежный. Она – изящная, упрямая и быстрая. Как я и Арман. Жаль, что он не может сейчас увидеть эту картину. Он бы, наверное, смог нарисовать.

Слепой капитан с повязкой на глазах. Жалкая горстка выживших матросов – исхудавших, словно высушенных морем и солнцем, загорелых дочерна, но таких счастливых, сияющих. При виде нас они бросают свои дела и хлопают в ладоши, стучат ногами по палубе, свистят и орут. На лице Армана впервые за последние дни появляется улыбка. Он стоит, широко расставив ноги и расправив плечи.

– Что, морские черти, домой? Небось в море больше и не сунетесь?

– С тобой, капитан, хоть морскому дьяволу в пасть! – кричит кто-то, и все его поддерживают.

– Тогда – за работу! Отдать концы! Поднять паруса!

Хлопанье крыльев — на нос корабля опускается ястреб. Красивый, могучий, с острым клювом и внимательными глазами. Что ж, все в сборе. Теперь, действительно, можно и отплывать. **40. Сломанная стрела**

Капитанская каюта на «Сердце Севера» была невероятно удобной. Матросы вычистили ее, починили стол и койку, собрали все самое ценное в сундуки: карты, приборы, одежду. Подзорную трубу капитанскую даже нашли. Все здесь снова сияло, как прежде.

На широкой капитанской койке — свежее белье. За ширмой — настоящая медная ванна!

— Графиня желает искупаться? — весело спросил у меня матрос, старательно отводя глаза от моих коротких волос. — Мы можем принести горячей воды!

— Морской?

— Пресной. Запасов хватит, до Ранолевса не так уж и далеко.

Видя, что я колеблюсь, явно не желая их утруждать, матрос кивнул сам себе и убежал. Через мгновение раздался громкий крик: «воды горячей нашей графине!».

Вообще-то я герцогиня, но мне даже нравится, что они зовут меня так. Я для них — жена Армана.

Ени и Макеши перешли на «Ветреницу», а часть матросов с неё — на корабль Армана, где было недостаточно экипажа. На палубе кипела работа, ставились паруса, слышался веселый голос капитана Волорье, который даже с повязкой на глазах отлично знал своё дело. Да, теперь я вдруг поняла, почему он не может без моря. Корабль для него — дом куда более родной, чем замок на Севере, море — вечная любовница. А я нежилась в горячей воде, запрокинув голову и прикрыв глаза, потом долго вытиралась мягким полотенцем. В сундуке, перенесённом с «Ветреницы» нашлись мои сорочки и даже платье. Жизнь была прекрасна и удивительна. А ещё я самостоятельно вымыла волосы.

Вытянувшись на чистых простынях, на настоящей перине и настоящей подушке, я блаженствовала. Я смогла, я победила! Как это сладко — ощущать себя настоящей героиней!

Проснувшись от внимательного взгляда. В окно пробивались розовые лучи утреннего солнца. Муж лежал рядом, оперевшись на руку, и пристально меня рассматривал. Рассматривал! Взвизгнув, я подскочила. Потянувшись к нему ру-

ками, коснулась осторожно щеки и вдруг поняла: у него блестели оба глаза одинаково. Красивые серые глаза, оба живые. Вот это — чудо!

— Но как эти возможно? — выдохнула я. — Твои глаза... они...

— Да, — кивнул он. — Я сам до сих пор не могу осознать. Лежу и люблюсь тобой. Обоими глазами.

Что-то в его голосе было не так, не правильно. Я остро ощущала, что он не рад. Впрочем, ещё вчера я поняла, что Арман сердит. Но разве я не сделала правильно, разве не вернула ему зрение? Победителей ведь не судят, верно? Отчего же он даже ни разу не поблагодарил меня? Да что там, разве мне нужны его слова? Я просто хочу немного любви, я ведь не прошу чего-то невероятного!

Поджала губы, поднимаясь, стягивая через голову сорочку. Раз он теперь видит — пусть любит меня мной. Я красива, я знаю об этом. И талия, и изгиб бедер, и стройные ноги. Грудь, правда, стала больше, это меня смущало, но со спины этого не видно.

Натянула короткие кружевные панталоны, всей спиной ощущая его взгляд. Отчего же он медлит? В прежние дни достаточно было вот так выгнуть спину — и я бы уже стонала под ним. Сейчас всё изменилось. Неужели я не нравлюсь ему больше? Корсаж, потом тонкое муслиновое платье в желтую полоску. Крепкие пальцы на спине помогают застегнуть крючки и завязать бант на талии. Я оборачиваюсь, кусая губы и злясь. Спрашиваю прямо:

— Ты не хочешь меня?

— Я не знаю, что мне теперь с тобой делать, — неожиданно признаётся Арман.

— Как это что? — широко раскрываю я глаза. — Любить? Целовать? Носить на руках? Падать на колени и уверять, что я — самая прекрасная в мире женщина?

— Пожалуй, пора бы и упасть, верно?

— Я не понимаю тебя, — на что он опять обиделся? Не мужчина, а загадка.

— Да, ты меня совсем не понимаешь, Ива. Не слышишь. Ни о чем не спрашиваешь. Просто делаешь, что пожелаешь, верно? Не жалеешь, что зрение ко мне вернулось? Больше нельзя меня водить на поводке, словно телёнок. Не боишься, что я опять сбегу?

Я почувствовала, как закружилась голова от его злых слов. Сглотнула.

— В чем ты меня обвиняешь сейчас? — прошептала с трудом. — Арр, я все сделала, чтобы тебя спасти! Только ради тебя я...

— Ради меня? — перебил он меня. — Ты в этом уверена? Все, что ты сделала — было лишь потому, что ты так хотела. Сама хотела. Я просил тебя искупать? Нет. Я просил возвращать мне зрение? Нет. Ты сама так решила. Сама.

— Ну знаешь, — я начала злиться всерьёз. — Насчёт зрения ты не прав. Мне очень хотелось оставить тебя калекой! Ведь тогда ты всегда бы был только мой. Ты не смог бы без меня жить. Как телёнок на привязи, да?

— Да ну? И зачем тебе калека, детка? Надолго бы хватило тебя? Год, два... а потом тебе бы стало скучно, ты бы устремилась к новым свершениям. Я стал бы обузой. Не ври себе самой, Ива. Больше всех в этом мире ты любишь себя. И я тебе нужен лишь как трофей. Как кабанья голова над камином.

Как я его ненавидела в тот момент! Наверное, во многом он был прав, и от того было ещё больнее.

— Ты избалованная девчонка, привыкшая получать все, что пожелаешь. Да, я такая.

— Не переживай, никуда я теперь от тебя не денусь. С моей стороны это будет чёрной неблагодарностью, верно? Всю жизнь теперь мне расплачиваться за твои благодеяния, святая Иветта. Я твой — как пёс, как раб. Ты ведь этого хотела, да?

Я зарычала, как зверь, не в силах вынести этой боли. словно нож в грудь воткнули. Да, да! Я хотела этого! Именно так я и думала: он полюбит меня за то, что я его спасла, он не сможет не полюбить! Но он — не любит.

Любовь — это стрела. Так говорил тот шаман на плато. Любовь — это направление. Не узы, не какая-то сила. Нельзя заставить человека себя полюбить. А вот заставить ненавидеть — очень даже можно. Значит, вот какова я в его глазах? Он хочет моего унижения? Может быть, мне попросить прощения за своё самоуправство? Никогда. Я — герцогиня Шантор. В моих жилах — кровь древних королей Ранолевса. И немного туземной магии.

— Раб? — спокойно приподняла я брови. — Помилуйте. В Ранолевсе нет рабства. Вы совершенно свободны, адмирал.

— Серьезно?

— Более чем. Настолько свободны, что можете катиться в преисподнюю, или к морскому дьяволу, или куда вам там угодно? Короче — дверь за вашей спиной.

— Иветта, мы на корабле, — неожиданно усмехнулся Арман, вдруг успокаиваясь. — Не выйдет.

— Тогда я сама освобожу вас от своего удушающего присутствия.

— Я не закончил!

— Зато я закончила.

Вылетела из каюты, гневно пыхтя. Да, пока нам далеко не разбежаться. Но совсем скоро мы будем дома. Ох, а там меня ждёт неминуемое наказание за то, что я нарушила запрет короля. И сын. Ещё меня ждёт сын.

Плевать на всех этих самцов, у меня есть свой человечек. Тот, который всегда будет меня любить, даже старой, больной и немощной. Я выращу его настоящим мужчиной. Проклятье, отчего же мне так больно?

На палубе раздался восхищенный свист. Матросы смотрели на меня, как на чудо какое-то. Видимо, мой наряд впечатлил их больше, чем Армана.

— Графиня, вы восхитительна! — крикнул кто-то. — Виват нашей спасительнице!

— Виват, виват! — раздалось со всех сторон.

Я улыбнулась сквозь слёзы. Вот, эти люди ценят мой поступок. Они благодарны — в отличие от этого надменного и самолюбивого графа. Значит, я все сделала правильно. Просто... мой муж меня не любит и никогда не любил. Все очень просто.

Жалела ли я сейчас о том, что бросилась за ним? Нет. Любовь — это стрела. И она сломалась о его грудь. Я проиграла, но зато — он жив, он свободен и здоров. Вот и пусть будет свободен и здоров... где-нибудь подальше. Я теперь не та Ива Шантор, какой была раньше. Я — сильная, я самостоятельная. Я могу жить и без Армана, я знаю это точно. Спасибо, Арр, за урок. Ты уплыл, бросил и меня, и сына. Так пусть так будет и дальше.

Я стояла на носу корабля, глядя в синюю даль, дыша соленым ветром, слу-

шая, как там, за моей спиной “Виват” кричат уже Арману. Все так удивлены тому, что он здоров, что я аж умиляюсь. Вспомнил ли кто-то, что именно я за это заплатила? Вряд ли. И заплатила я не волосами, волосы – это такая, в сущности, мелочь. Я заплатила своей душой и своей любовью. Сломанной теперь, как стрела.

– Ветер, – шептала я. – Ветер... Забери мою боль. Любовь – это ветер. Корабль под названием “Жизнь” никогда не поплывет, если его паруса не наполняет ветер любви.

Вглядываясь в горизонт, вдруг вздрогнула всем телом, приложила ладонь козырьком ко лбу. Туман ли это, облака над самой водой, или...

– Паруса прямо по курсу! – крик матроса с мачты развеял мои сомнения. – Наши, флаги Ранолевса.

Мне вдруг сделалось страшно. Захотелось броситься к мужу и укрыться в его руках, но я напонила себе, что Арман меня не любит и не хочет. Снова я одна – и нужно быть смелой и сильной.

Корабли быстро приближались. Какая ирония – первой шел гордость королевского военного флота фрегат “Женевьева”. Надеюсь, это хороший знак – ее величество всегда была ко мне милостива. Человек, стоящий на ее носу, вдруг подпрыгнул и замахал руками.

– Капитан Волорье, – с неожиданным удовлетворением заявил подкравшийся сзади Арман. – Мой младший брат. Приятно видеть, что по мою душу посылают лучших.

Не стала его расстраивать, что, скорее всего, корабли шли по мою душу. Его объявили мертвым, а я была живая – к тому же беглянка.

Встреча была фееричной: два брата обнимались, кажется, даже плакали и не могли никак наговориться. Про меня все забыли, и я, незамеченная никем, спряталась в каюте. Конечно, потом познакомилась и с новоявленным родственником, и снова мне кричали “Виват”, но все это было уже неважно. С Арманом мы больше не разговаривали наедине. Когда кто-то был рядом, мы улыбались, словно ничего и не произошло. Играли роли, носили маски. Всё, как и раньше. А в своей каюте ложились на разные края кровати. И когда мы, наконец, прибыли в Ранолевс, то разъехались разными дорогами.

– Иветта, я закончу с разгрузкой корабля, потом в министерство торговли, потом в казначейство. Там мне будут очень рады, – небрежно бросил Арман. – Встретимся дома.

Я кивнула. Дома, конечно. Мне туда нельзя, я покинула Ранолевс, нарушив прямой приказ короля. Что меня ждет? Арест? Ссылка? Страшно даже представить.

— И забери с собой Бревса. Пусть передохнёт. Я узнаю, когда будет корабль в Ниххон и все организую.

Я кивнула. Домой я, в общем-то, тоже не собиралась. Господин Бревс прекрасно найдёт дорогу и сам.

Арман ушел, а ко мне подошел невысокий человек в черном:

– Графиня Волорье? Ох, простите, герцогиня Шантор? Мне приказано немедленно доставить вас к королю.

Верный Макеши вопросительно посмотрел на меня. Будь что будет. Лучше принять свою казнь прямо сейчас, чем с трепетом ожидать неминуемой расплаты.

– Это арест? – прямо спросила я.

– Нет, что вы. Приглашение. Но сами понимаете, от королевских приглашений отказываться чревато.

– Да, я догадываюсь, – вздохнула я, залезая в карету с королевским гербом на дверце. Макеши запрыгнул следом. Чиновник не возражал.

– А где Есинага? – вспомнила я.

– Она ушла, – поджал губы Макеши. – Наверное, навсегда. Сказала, что я ей не нужен.

– И что ты будешь делать?

– Не знаю пока. Зависит от тебя, Ива. Я – твоя тень. Не ее. Как бы она ни хотела, чтобы было иначе.

Прекрасно, просто прекрасно. Мы снова с ним вдвоем, оба – раненые в самое сердце. Едем к королю. И что будет дальше, предсказать трудно.**41. Победа со вкусом тлена**

Арман напился. Они все напились. Из казначейства его выставили, заявив, что финансовый отчет у покойника принимать как-то цинично. Ладно, он не особо и настаивал. Хотел было вернуться домой, но Энрике и брат потащили его в кабак, где, разумеется, он обнаружил всю свою команду. Сначала Волорье пил виски, потом эль, потом вообще невесть что, потому что главное — не то, что в стакане, а то, что вокруг. А вокруг были рожи не чёрные, а красные, местами синие. Какое блаженство! И в происхождении мяса тут сомнений не было: могли подсунуть собачатину, даже крысятину, но уж точно — не человечину.

Брат с огромным удовольствием рассказывал Арману, какую поминальную службу ему закатили в Белом замке. А какой поставили памятник! Матушка заливалась слезами, сестра отложила на полгода свадьбу. Весь свет обсуждал гибель славного адмирала, кто-то сочувствовал, кто-то ехидничал, кто-то строил планы на его должность.

И только одна Иветта не поверила в его смерть и бросилась на его поиски.

— Удив-вительная у тебя жена! — кивал Энрике. — Она ка-а-ак заявила мне «не верю», так я сразу в себя и пришёл. Верить-нет, пил я как не в себя. И опиум курил, потому как без опиума уснуть не мог. Только глаза закрывал: а там эти рожи чёрные жрут моих товарищей. А эта мышка маленькая глазищами сверкнула и говорит: любые деньги плачу, если меня на Острова отвезёшь. Тут-то я и очнулся.

— Да, — пробормотал Арман мрачно. — Иветта удивительная. Упрямая, вздорная, наглая... и такая красивая. Лучшая женщина в мире. Мне пора домой. Она, наверное, беспокоится.

Он поднялся, отмахиваясь от пытающихся его поддержать матросов.

— Сам дойду, не слепой, — рявкнул он и засмеялся.

Не слепой! Как это забавно!

Иветту он, впрочем, беспокоить не стал, просто завалившись в дом и рухнув на диван в гостиной. Выспится, примет ванну... побреется... и уж тогда поговорит с женой. Там, на корабле, она так и не дала ему закончить их разговор.

Злилась, упорно делая вид, что его не замечает. Снова себе что-то придумала, снова решала за них двоих. Упрямец. Она как море — такая же непред-

сказуемая и бурлящая. С ней — как в шторме, то вверх, то вниз. Красивая — как волна. Он все плаванье ей любовался — благо оба глаза были на месте.

Конечно, она не поняла, что он пытался до неё донести. Не важно. С Иветтой всегда так — она должна созреть. Обдумать все и сделать выводы. Она умная, справится. Главное, не отпускать штурвал. И ещё обязательно укладывать ее в постель. Во-первых, это приятно, причём обоим, а во-вторых, так легче всего ее успокоить. После ночи любви она всегда такая кроткая, такая послушная...

На корабле не вышло, слишком напряженная была ситуация. Брат так и не смог толком объяснить, с какой целью флот выдвинулся к Островам. Догонял «Ветреницу»? Или хотел забрать прах своего адмирала, как уверял Волорье-младший?

Как бы то ни было, а адмиралу нужно было сдать в казначейство финансовый отчет, составить рапорт и доложить о результатах экспедиции. Алмазы по праву принадлежали ему — у Армана давно был патент на торговлю. Все товары для обмена он покупал исключительно на собственные средства. Команде была выплачена причитающаяся им доля, все они теперь обеспечены до конца жизни. А Волорье и раньше не бедствовал, но теперь был просто безобразно богат.

Богат, при обоих глазах и удачно женат. Недаром его в морских кругах прозвали «любимцем удачи».

И сын, у него ещё был сын. С этой счастливой мыслью адмирал заснул, и на устах его была улыбка.

Утром улыбаться ему не хотелось, и ситуацию не спасли ни идеально сваренный кофе, ни блинчики с сиропом, ни овсяная каша. Мало того, что у него гудела голова, так выяснилось ещё, что Ива дома не ночевала. Она вообще не появлялась. Беспокоиться было рано: с его женой был Макеши. Это значит, ничего дурного с ней случиться не должно. Могла ли эта маленькая злючка попросту разобидеться и отомстить ему — таким вот глупым образом? Вспомнил историю с маской и с сожалением признал — Иветта способна на всё. И где же она ночевала? У Шатиньонов? В гостинице? Или напрямиком направилась на Север?

Кстати, Бревса тоже не было, но за старого пройдоху Арман не беспокоился. Этот не пропадёт. На всякий случай Волорье послал слугу к Хлое и по гостиницам. Лучше бы знать, какие ещё сюрпризы приготовила своему мужу Иветта.

Помылся, побрился, привёл в порядок запущенную шевелюру, наслаждаясь благами цивилизации. Обедал божественным супом и жарким из божественной говядины. Смотрел обоими глазами на людей, на свой дом, на ненавистные отчёты, а потом оба глаза таращил на своего человека, который сказал, что Ивы в столице нет. Ни в одной гостинице она не появлялась, никто ее не видел.

Уехала на Север к сыну? Да, весьма вероятно. Не сообщила, не оставила записки? В этом только его вина. Упиваясь своими обидами, он так и не нашёл на неё времени. Ждал, что она как всегда придёт мириться первой. А когда не пришла — только улыбнулся, предвкушая. Дома. В полном покое. На родной кровати. Ух как они помирятся! Он рассчитывал стрясти с неё все накопившиеся супружеские долги. На корабле он был капитаном, жил по вахтам. Времени на удовольствия было совсем немного, поэтому он не настаивал. А сейчас

корил себя за это — нужно было просто обнять ее и поговорить.

Что ж, он догонит ее. Только с делами своими разберётся.

Беспокойство не отпускало. Хотелось ехать за женой немедленно. Арман вздохнул и снова продолжил писать отчёт. Он всегда был ответственным человеком и переступить через свои обязанности просто не мог.

Как и следовало ожидать, к вечеру Арману пришло «приглашение» к королю. Он был к этому готов. У него тоже накопилось немало вопросов к его величеству.

— Ваша жена — удивительная женщина, — встретил его Вазилевс «откровением». — Она совершила чудо.

— Именно так.

— Признайтесь честно, Волорье, вы ее любите?

— Странный вопрос, вообще величество.

— Ничуть. Она столько сделала для вас...

— Я очень ее люблю, — совершенно спокойно ответил Арман. Он ни сколько в этом не сомневался больше. — Она — единственная женщина, которая мне нужна.

— Признаться, я не на шутку ей увлёкся, — неожиданно сообщил король. — Я видел в ней ее мать, Аду. И себя в юности.

Арман прищурился. Он все это знал и понимал, но не ожидал, что Вазилевс признается вслух.

— Я прошу за это прощения, я злоупотреблял своей властью. И перед Ивой я тоже уже извинился. Надеюсь, вы сделаете ее счастливой, она этого достойна.

— Когда вы видели Иветту в последний раз? — нетерпеливо спросил Арман.

— Вчера. Она была здесь.

— Ясно. Мои отчёты будут готовы в течение недели. Я могу идти?

Спрашивать о том, не знает ли Вазилевс, куда могла податься его жена, Волорье постыдился. Не хотелось бы, чтобы король понял, что супруги в ссоре. Да и некуда было Иве деться, кроме как отправиться в замок к сыну.

Он быстро попрощался и вышел в сад, где был тотчас же окружён толпой юных прелестниц из свиты королевы. Даже зажмурился — отвык уже от подобной красоты.

— Ах, адмирал, вы — герой! Правда ли, что вы были в плену у людоедов?

— Говорят, трюмы «Сердца Севера» заполнены несметными богатствами, это так?

— Расскажите же нам про дикарей, это так волнующе!

Он немедленно захотел сбежать. Женщины в таком количестве смущали его и раньше, а теперь он чувствовал себя зайцем, грамотно загоняемым злобными гончими.

— Не спешите, адмирал, мне тоже интересно услышать о ваших приключениях, — раздался голос Женевьевы, и Арман обреченно вздохнул.

Сбежать не вышло. Заяц попался в ловушку.

— Ваше величество, я сейчас очень спешу, — попытался все же ускользнуть он.

— К вашей прекрасной супруге, я надеюсь? Кстати, жду вас завтра на утреннюю прогулку вместе с Иветтой.

— Э-э-э... Ива уехала на север, — мучительно покраснел Волорье. Врать он не любил и не умел. — Очень соскучилась по сыну.

— Да? — в прекрасных глазах Женестьева сверкало веселье, и Арман вдруг подумал, что она видит его насквозь. — А вы, конечно, поедете за ней?

— Как только закончу все дела.

— Что ж, удачи, бравый адмирал. Спешите же. Но завтра — жду. И не вздумайте не явиться, я буду очень сердита!

Дьявол и преисподняя, якорь ему в глотку, вот только этого Волорье и не хватало! Страшно ругаясь про себя, он поспешно покинул дворец, оставляя поле боя за противником. Дезертировал. К сожалению, только до утра.

Быть героем Арману не нравилось совершенно. На него смотрели, его обсуждали. Внезапно обрушившееся женское внимание злило. Эти женщины все воротили нос от него, когда он был просто одноглазым графом Волорье. Теперь же они находили его шрам «ужасно мужественным», а язвительность величали остроумием и прямоотой. А ведь его злые шутки всегда понимала только Ива, более того, она не жеманничала и не краснела, а отвечала ему в тон.

Он скучал по жене.

Странно и волнующе. Именно в окружении всех этих разноцветных бабочек, он вдруг ощутил острую тоску по своей женщине. По ее честности и воинственности, по упрямству и невероятной жажде жизни. Эти все... не стоили и ее мизинца.

Он даже не довёл свои отчёты до совершенства, как делал всегда. Просто сдал их в казначейство и рванул домой, на Север. Черт возьми, он найдёт свою упрямицу и выпорот за эту глупую выходку. И никуда больше не отпустит.

Волорье вдруг ощутил азарт охотника. Добыча ускользнула от него? Это ненадолго. Он поймает ее... да, планов у него на жену было много. Очень заманчивых и весьма коварных. **42. Охота**

Разговор с королем меня скорее напугал, чем порадовал. Хотя я ожидала ареста, ссылки, ещё чего-то столь же ужасного, но нет, Вазилевс только улыбался грустно.

— Герцогиня, вы невероятно нас напугали. Нас — это меня и Женестьева. Пропали, сбежали, да ещё увезли сына. Право, вы считаете меня способным на столь низменные поступки, как шантаж? Я никогда не посмел бы манипулировать материнскими чувствами. Запрет покидать столицу был для вашего же блага.

— Ваше величество... — пролепетала я, но он остановил меня одним властным жестом.

— Победителей не судят, Иветта. Вы смогли, вы нашли вашего супруга. И вернулись живой и невредимой. А ведь я послал следом за вами целую флотилию... Признайтесь, как вам удалось пересечь океан так быстро?

— Опытный капитан и попутный ветер, ваше величество, — опустила я ресницы.

— Кто был этим капитаном? Я непременно присмотрюсь к этому bravому моряку. Такие люди мне нужны.

— Вы знакомы с ним. Это тот, кто принёс вам вести о гибели Армана.

— И как вы проплыли на Острова? Как это возможно?

— Меня там любят, — улыбнулась я. — Как видите, даже телохранитель у меня — островитянин.

— Да, удивительно. Обязательно расскажите мне эту захватывающую историю... потом. А пока поспешите же к вашему супругу, вы же так этого хотели, правда?

— Как, меня не сошлют на Север, — изумилась я. — Не будет никакого наказания?

— За что? За любовь? Невозможно. Идите же.

Вот теперь я видела перед собой истинного короля. Того, кто сумел отступить и признать своё поражение. Улыбнулась ему искренне, присела в реверансе. И вышла.

— Все хорошо? — с тревогой спросил Макеши, ждавший за дверью.

— Более чем. Мне нужно к ее величеству.

Он кивнул.

Королеву разыскать было несложно, она обрадовалась мне, как родной сестре, и немедленно принялась расспрашивать. Узнав, что Арман жив и здоров, что с ним вернулась часть его команды, Женестьева даже в ладоши захлопала.

— А волосы? — первым делом спросила она, разглядев меня. — Что с твоими волосами.

— Долгая история, — отмахнулась я. — Как-нибудь потом, ладно?

Она покивала, обходя меня, разглядывая с ног до головы. Уверена, от ее острого взгляда не укрылся ни пыльный подол платья, ни загар, ни тоска в моих глазах.

— Ты, моя дорогая, выглядишь уныло, — подтвердила она мои мысли. — Уставшая, грустная. Наверное, скучаешь по сыну? Я нашла ему прекрасную няньку, они живут в моем маленьком домике возле моря. Ты тоже можешь там жить, сколько захочешь. Вам с мужем, наверное, нужно побыть вдвоём?

— О нет, — вздрогнула я. — Мы страшно поссорились. Арман... не важно. Я думаю, что с радостью спрячусь от всего мира на какое-то время. Если позволите.

— Я немедленно распорядюсь, чтобы подали карету.

— Женестьева, насколько маленький домик? Хватит ли место моему телохранителю?

— Не настолько маленький, чтобы не вместить в себя даже и полсотни гостей, — усмехнулась ее величество. — Можешь не волноваться, там весь штат прислуги. .

Вот и славно. Мне сейчас очень хотелось побыть в одиночестве. В замке Шанторов слишком много народу: свекровь, Лиска, Регнары. Им придётся рассказать все, как есть. С ними придётся беседовать. Они будут меня жалеть. Нет-нет, только не это!

Лес, море и сын — вот рецепт моего исцеления.

Сама поездка прошла как в тумане. Я все же плакала на груди у Макеши — горько и мучительно вырывая из сердца желание разыскать Армана и умолять его о любви. Нет, это не работает. Невозможно заставить человека любить силой, нельзя решать за него — он сказал мне это, и я запомнила. Урок

усвоен, шаг сделан. Дальше решать ему. Захочет – догонит и вернет. Я ведь не скрываюсь, уверена, Женевьева обязательно расскажет Арману, куда я уехала. А не захочет – значит, так тому и быть.

Маленький домик оказался помещьем на самом побережье моря. Двухэтажный особняк из камня на двенадцать спален, две столовых, гостиная, небольшая бальная зала и терраса с плетёной мебелью, где по утрам накрывали завтрак. Вокруг дома — большой сад с розовыми кустами и фруктовыми деревьями. С террасы открывается великолепный вид на залив. От дома к берегу ведёт широкая пологая лестница с резными перилами, на берегу огорожены купальни. Красиво, спокойно и очень тихо.

Эдди очень нравится бегать по мокрому песку своими маленькими ножками и пугать чаек, нравится морская пена, нравится собирать в ведро камушки и ракушки. А мне нравится бегать за ним, а потом целовать его и нюхать светлые кудряшки. Я совершенно счастлива рядом с сыном. Бойкий мальчуган, порою очень упрямый — хоть он пока и не разговаривает, но на своём настоять умеет: если не хочет кашу по утрам — невозможно его заставить съесть даже ложку. Я и не настаиваю, хотя нянька, строгая женщина средних лет, ворчит о том, что я избалую мальчишку. Но ни один ребёнок на моей памяти от голода ещё не умер, отказываясь от завтрака, а судя по круглым щечкам — Эдди отнюдь не страдает от недоедания.

Мальчик тянется к мужчинам. Он обожает Макеши и с явным удовольствием засыпает на руках у деда Антуана.

Да, Бревс отправился с нами. Не то, чтобы его кто-то звал, он сам присоединился к нам на выезде из столицы. Прогнать его было неловко, мне он не мешал. И в конце концов, он — отец Макеши! Поэтому Бревс остался с нами и первое время проводил в одиночестве, гуляя по саду или читая в библиотеке. От людей шарахался, даже еду забирал в свою спальню. Наверное, ему тоже нужно было исцеление.

А потом им заинтересовался маленький Эдвард — и участь старика Антуана была предрешена. Почему сын выбрал именно Бревса — непонятно. Но он упорно разыскивал деда в саду и настойчиво вручал ему подарки: гладкие камушки, цветочные лепестки или дохлого жука, а потом брал его за руку и вёл гулять по садовым дорожкам или на морской берег. Подобная назойливость принесла плоды: вскоре Антуан начал завтракать с нами, а потом оказалось, что он прекрасно умеет ладить даже с самыми упрямыми детьми. Во всяком случае, утомонить расшалившегося мальчишку и уговорить его лечь спать после обеда у старика получалось куда лучше, чем у няни.

Какое сказочное место! Никого вокруг: только мы, четверо слуг и лесник в сторожке неподалёку. Хотелось бы мне приобрести подобный дом для себя — но, к сожалению, большую часть своих личных денег я истратила на оснащение «Ветреницы». Арман богат, но просить его о чем-то я больше не буду никогда.

Он не приехал за мной. Его не интересую ни я, ни даже наш сын. Придётся жить без него, впрочем, я уже свыклась с этой мыслью. Если первые дни я выла по ночам в подушку, то теперь почти не вспоминаю мужа. Не чаще раза в день.

Да, теперь я могла себе признаться: я ждала, что он бросится следом. Что его слова о любви не были лживы. Увы. Я ошиблась.

А все же мне казалось постоянно, что он рядом. Оглянусь — и встречу с ним взглядом. Оборачивалась... никого. Пару раз, впрочем, мне чудилась высокая фигура в чёрном плаще, я пожаловалась Макеши на это, но шаман заверил меня, что чужаков тут быть никак не может — он бы почувствовал. Что ж, после нашего путешествия я ему полностью и безоговорочно доверяла.

Мы сидели в саду с сыном, раскладывали камушки по чашкам.

— Сюда большие, а сюда — маленькие, видишь, Эдди? Где большие камушки?

Сын хохотал и переворачивал обе чашки, а я только вздыхала.

— Эдди, скажи «мама», ма-ма.

Он мотал головой и хихикал:

— Дай!

Да, первое слово у моего сына было отнюдь не «мама».

— Дай! — он строго смотрел на меня и требовательно стучал чашкой по столу. — Дай!

Я беспомощно оглянулась на Антуана, внимательно за нами наблюдавшего поверх книги.

— Что он хочет?

— Полагаю, что ваши бусы.

Я немедленно сняла с шеи жемчужное ожерелье. Эдди схватил его и тут же засунул в рот с самым блаженным видом.

— Эдвард, плюнь, — восторженно воскликнул дед. — Это не ягоды! И вообще, Ива, купили бы вы ему стеклянные бусы, пока он не слопал весь ваш жемчуг. Мальчишке нравится все блестящее и круглое — бывает. И мяч, ребёнку обязательно нужен мяч.

— И мясо, и яйца, — со вздохом сказала появившаяся кухарка. — Молоко тоже кончилось. А Герман опять пьян. Право слово, миледи, нам нужен новый конюх! Кого мне послать на рынок — не садовника же!

Да, конюх здесь был не самый надежный мужчина. Садовник стар. Ещё кухарка и горничная — вот и весь штат. Раз в неделю приезжала девушка из деревни помыть окна и помочь по хозяйству.

— Я съезжу, — кивнула я Клариссе. — Напиши список, что нужно купить.

— Миледи, мне, право, неловко...

— Глупости, — улыбнулась я, мягко забирая у Эдди обслюнявленный жемчуг. — После обеда и поедем с Макеши. Как раз Эдвард заснёт.

— Я уложу пацана, — восторженно воскликнул дед. — Не забудьте купить черники парню, он любит. И мяч!

Я закатила глаза. Вне всякого сомнения, в этом доме был только один хозяин, которого все обожали и стремились ему угодить — и это Эдди. Жаль, что на зиму все равно придётся уехать на Север: здесь будет совсем холодно и ветрено уже через несколько месяцев. Да и рожать второго ребёнка лучше дома, в замке Шанторов.

— Наверное, пора возвращаться домой, — грустно говорю я Макеши, когда мы выезжаем на проселочную дорогу. — Не стоит злоупотреблять гостеприимством королевы.

— И куда ты торопишься? — хмыкает он. — Думаешь, Волорье вернется на Север?

— Да при чем здесь Волорье! — вспыхиваю я. — Мне он совершенно не нужен!

Я о нем и вовсе не думаю!

– Ну да, ну да.

– Вы, мужчины, никак не можете признать, что женщины прекрасно могут прожить без вас, – мне больно, и я намеренно раню своего друга. Отвечаю ударом на удар. – А мы – самодостаточны.

Он молчит.

– От мужчин одни только неприятности, – продолжаю я зло. – Они умеют лишь брать...

– Тихо, – бесцеремонно перебивает меня Макеши. – Слышишь?

Нет, я ничего не слышу, но послушно замолкаю. Он натягивает поводья и останавливает наш возок.

– Пожалуй, мы едем обратно, – бормочет он.

– О нет, – раздаётся из кустов чей-то голос. – Не так быстро!

Макеши ругается на ниххонском, очень тихо и грязно.

Сзади нас появляются еще три человека с наружностью, совершенно не внушающей доверие. Прямо скажем, самого что ни на есть разбойничьего вида. Невольно я скольжу рукой по бедру, с досадой вспоминая, что свой веер в Ранолевсе я убрала в сундук. Макеши застыл, выпрямившись.

– Уважаемая герцогиня, не соизволите ли вы отдать нам ваше великолепное ожерелье? И кошелек впридачу. И, пожалуй, повозку мы тоже заберем.

– Делай как они сказали, – шепчет Макеши. – Там в кустах двое с пистолетами. Мало ли, знаешь, рука у них дрогнет. Не стоит рисковать. Хотя...

Он наклонил голову набок, явно прислушиваясь. Я сняла с шеи ожерелье и отстегнула с пояса кошелек.

– Что там у вас еще, гребни, серьги? И кольца тоже снимайте.

Застыла растеряно. Серьги и костяные гребни, украшенные жемчугом и эмалью – это неважно, а вот кольца... Два из них я почти никогда не снимала: одно принадлежало матери, а другое надел мне на палец Арман в день нашей свадьбы. Несмотря на то, что у меня не было уже надежды на его возвращение, лишиться этого кольца было для меня подобно смерти. Жалобно посмотрела на Макеши, зная, что он не поймет. Мужчины никогда не понимают.

– Господа, прошу вас, – голос мой дрогнул. – Это семейная реликвия. Я готова выкупить свои кольца за любые деньги.

– Вот и отлично, снимайте побыстрее. Может быть, мы продадим их потом именно вам.

Дрожащими пальцами, надеясь на невесть какое чудо, я нарочно тянула время, медленно расстегивая замок на серьгах.

Макеши все еще прислушивался, не делая ни малейшей попытки сопротивляться. Я понимала, что глупо рисковать жизнью из-за каких-то драгоценностей, но все равно готова была плакать, так мне жалко было колец.

– Вам помочь? – не выдержал разбойник. – Могу отрезать вместе пальцами, мне не сложно.

Я молча встала и кинула в него серьгами.

– А кольца миледи оставит при себе, я так думаю, – раздался ленивый голос с дороги. – Впрочем, и все остальное рекомендую вернуть.

Макеши ухмыльнулся, а я, пытаюсь унять внезапно заколотившееся сердце, уставилась на подъехавшего всадника. Огромный черный конь, шляпа, надетая на глаза. Широкие плечи, сильные руки... и пистолет, направлен-

ный на главаря. Вовремя, ничего не скажешь! Любит же господин Волорье эффектные появления!

– Вы один? – вежливо осведомился разбойник. – Извините, но нет. Я не согласен возвращать золото. Предлагаю остаться при своем и разойтись с миром.

– Увы, но ваше предложение неприемлемо, – с сожалением в голосе заявил Арман, а затем вскинул руку и выстрелил в глубину кустов. Судя по крику – попал.

В тот же миг с облучка повозки взлетела коричневая птица, молнией метнувшись в кусты с другой стороны дороги. Оттуда тоже раздался крик. Главарь на миг растерялся, и Волорье направил своего огромного коня напрямик на него. Тот еле успел откатиться в сторону. Два лошадиных шага – и мужчина в шляпе навис надо мной, подхватил за талию и затянул на коня.

– Справишься здесь? – крикнул он Макеши.

– Безусловно. Хоть повеселюсь.

– Только не жри их, туземец, они немые.

– А это как пойдет!

Арман уносил меня прочь, оставляя за спиной испуганные крики. И вез он меня явно не в сторону моря, а куда-то в лес. **43. Награда**

– Отпустите меня, – потребовала я, пытаюсь вырваться из его рук. – Немедленно.

– Непременно. Но чуть позже.

– Что вы себе позволяете?

– Не ерзайте, Демон не железный, да и я тоже.

– И все же мне хотелось бы определенности.

– Уже приехали, Иветта, помолчи, сделай милость.

Вот как? Помолчать? Он сначала пропадает на два месяца, потом спасает меня, потом похищает – и что, я должна теперь целовать ему руки в благоговении? Не дождется. Едва только он спустил меня с коня на самое крыльцо крошечной лесной избушки, я попыталась сбежать. Ах, как жаль, что я не птица! Улетела бы... А так он снова схватил меня на руки, открыл ногой дверь и внес внутрь домика. Здесь совсем тесно и темно. Через крошечное окно под потолком проникает совсем немного света. Стол, лавка и очаг – больше ничего.

Волорье осторожно ставит меня на пол, не выпуская из объятий, ерошит пальцами волосы.

– Так и не выросли, – дрогнувшим голосом замечает он.

– Вырастут, – зачем-то обещаю я. – Просто пришлось подстричь, чтобы было ровно.

– Тебе идет.

– Вы украли меня, чтобы обсудить мою прическу?

Пальцы скользят по горлу, потом по подбородку, приподнимая мое лицо, заставляя смотреть ему в глаза. В оба глаза. Меня охватывает острое удовольствие: всё-таки его зрение – это моя заслуга.

– Я тебя не крал. Просто позвал на прогулку.

– Ах, теперь это так называется? Ну так я не хочу гулять.

– А чего ты хочешь?

Эта веселая игра начала меня раздражать. Я сделала шаг назад. Лавка ударила меня под колена, но Арман не позволил сесть, снова рывком притягивая к себе.

Он разглядывает меня так внимательно, что мне становится неуютно под его взглядом. И мысли в голову лезут... всякие. Кровати тут, слава небесам, нет. Видимо, местный лесник спит на лавке или на полу. Да о чем я вообще думаю, какая кровать!

Подушечки пальцев проводят по самому краю декольте, едва касаясь нежной кожи. Как, почему — я вздрагиваю от этой незамысловатой ласки, по коже бегут мурашки. Разумеется, Арр это замечает. Ох, как темнеют его глаза!

— Отпусти! — я резко дергаю плечом, пытаюсь вырваться.

— Ива, Иветта, — вкрадчиво мурлыкает он. — Такая горячая, такая страстная. Признайся, ты скучала по ласкам? По нашим ночам? Просыпалась на рассвете с мыслями обо мне? Может, я тебе снился?

Промолчала гордо. И просыпалась, горя от почти нестерпимой жажды, когда все тело пылает, а между ног горячо и влажно. И снилось — ох, чего мне только не снилось!

— Я просыпался, — признаётся Арман. — С мыслями о тебе. Каждый день, Ива, каждый чертов день я утром искал тебя рядом.

Мне ужасно хотелось спросить, что бы он сделал, если бы нашёл. Но я только вскинула подбородок и презрительно скривила губы.

Снова замолчали. Тяжелое дыхание, шелест ветра, скрип старых половиц под ногами. Тяжелая рука на затылке — и у меня подкашиваются ноги. И уворачиваться уже не хочется. Тяжесть сползает ниже — пальцы пробегаются по застежкам платья, словно по струнам гитары.

Треск ткани.

— Что ты делаешь?

— Слишком долго расстегивать.

— Не смей, я не хочу!

— Не верю.

Он просто с силой разводит руки, и платье рвётся пополам. Мое новое красивое платье! Дикарь! Как мне теперь добираться до дома? Горячие губы прижимаются к шее, язык влажно скользит по плечу.

— Ты сладкая, как дыня.

— Ты пьян, Арман?

— Да. Тобой.

Не выдерживаю, снова вырываюсь из рук его, придерживая локтями остатки платья.

— Это ничего не изменит! Чего ты добиваешься, чего от меня хочешь? Допустим, ты меня сейчас возьмешь... силой. Что дальше? Или ты думаешь, что я тут же всё забуду и позволю, как и раньше, вытирать об меня ноги? Уезжать, когда захочешь, забывая обо мне и сыне...

— Иветта, послушай...

— Нет, это ты меня послушай! — я злилась, и сильно.

Шагнул вперед, запечатывая мне рот поцелуем. Жадным, горячим, всепоглощающим. Выбивающим все мысли из головы. Твердые губы, вторгающийся язык. Я задыхаюсь, поддаваясь, прогибаясь, подчиняясь его страсти.

— Теперь молчи, женщина, — с видимой неохотой он отрывается от меня. —

Просто выслушай. Будешь возражать – буду затыкать вот так.

Искушение велико. Мне хочется болтать без умолку, но гордость снова поднимает голову. Слишком просто все у него выходит, я не сдамся из-за каких-то там поцелуев, даже столь умопомрачительных.

— Там, на корабле, я сказал много лишнего, но извиняться я за это не буду. Всё, что я говорил, было правдой. Ты, Иветта, упрямая, вздорная эгоистка. Капризная и избалованная.

Я дернулась было, мечтая только об одном – убежать от его злых слов. Ну зачем, зачем он меня нашел – только, чтобы оскорблять? Но его руки ухватили меня чуть выше локтей, не позволяя даже шаг сделать.

— Ты не дослушала. И тогда, и сейчас. Ты – мое море. Непредсказуемое, своенравное, со штормами и штилями. Мне не нужен никто другой, Иветта, пойми. Меньше всего я хотел бы скромную и тихую жену. Именно от такой мне хочется бежать на край света.

Я захлопала глазами, приоткрыв рот. Это что – он мне в любви сейчас признается? Я не сплю?

— С тобой никогда не бывает скучно. Ты – настоящее приключение. И я тебя никуда не отпущу больше.

— А... плавания? – пискнула я. – Ты же – моряк.

— Поплывешь со мной.

— Но сын... он слишком мал! И еще..., – вот тут я замялась, не зная, как сообщить ему о своем положении.

— Сына возьмем с собой. У меня, знаешь ли, новая должность. Дипломатическая. После расскажу. Тебе, я думаю, понравится. Никаких опасностей и приключений больше – во всяком случае, так предполагается. Что ты на это скажешь?

— А что я должна сказать?

— Подумай, умница моя.

— Хорошо, ты меня убедил, – со вздохом сдалась я. – Я тоже тебя люблю. И всегда любила, ты же знаешь.

— Да. С того первого танца ты была моей.

Он силой развел мои руки, и платье, больше не придерживаемое, упало вниз, шурша.

— Ах, в доме есть спальни, – капризно проворчала я. – Ты не можешь потерпеть?

Тихий смешок мне в волосы:

— А ты можешь?

Снова ладонь на затылке, пальцы, зарывающиеся в короткие волосы. Стратег – нашел мою слабую точку точно и безошибочно. Мягкие губы быстро-быстро покрывают поцелуями лицо – глаза, скулы, лоб. Устоять невозможно. Обвиваю руками его шею, запрокидывая голову. Целуй же меня, пей меня, люби – прямо здесь и сейчас. Немедленно – я так этого жажду! Сама цепляюсь за его рубашку, мну ее, тяну – желая добраться до горячей плоти. Снова треск ткани: Арман, кажется, вознамерился, порвать всю одежду, которая только есть на мне. Развязывать шнурок на панталонах ему не хватило терпения. Он подхватывает меня на руки, усаживая на стол.

Каждая клеточка тела ждала его. Эта беременность была совершенно другой: никакой боли, никакого намека на утренние недомогания. Тело словно

яблочко наливалось соком и ... страстью. Грудь уже потяжелела, предательски отзываясь на каждое прикосновение. Линии округлились. Арман медленно развел колени, смотря очень пристально, молча. Да, так наблюдают за волнами прилива, любуются морем, закатом. Задумчиво, долго. Провел указательным пальцем от подбородка к пупку, ниже, ниже. Прикрыв глаза, дыша порывисто, громко и страстно.

Он вдруг распахнул глаза, положив ладонь на живот.

— Ива? Это то, что я думаю?

Что тут сказать... Потянулась за поцелуем в ответ. Все вдруг стихло. Не могу больше я быть покорной женою. Не буду. Да, я – море, я шторм, он – мой берег скалистый, о который я разбиваюсь и к которому бесконечно стремлюсь.

— Моя. Только моя теперь, слышишь? Никому не отдам.

Словно сорвали кингстоны, наш корабль с громким треском пошел ко дну. Я рвала его рубашку, словно тонкий батист был во всем виноват. Руками, зубами, рычала и выла. Он только смеялся, снимая штаны с сапогами.

— Потерпи, моя буря, — рычал, лова губами лицо. Бросил плащ мне под спину, опустил осторожно. — Так нас тут теперь трое? Красиво. Ты очень красива. Любовь моя невозможная.

Он смотрел на меня, как капитан на открытые им же земли. Я замерла, не в силах даже дышать. Нечто еще незнакомое, острое, пряное медленно заполняло сознание. Это не было возбуждением торопливым, как прежде. Предвкушение. Как у пустого кувшина в ожидании тугой струи хмельного, густого вина.

Не отводя серых глаз, темнеющих, как небо перед грозой, он согнул мне колени, поднимая и вновь разводя. Поставил ступни на стол, словно тарелки перед семейным обедом на два нас двоих.

Осторожно пальцами подхватил мою лодыжку. Поцеловал каждый палец, жадно прихватывая губами, облизывая, сладострастно посасывая. От этой ласки пронизывало возбуждением насквозь, как от маленьких молний. Я потянулась руками навстречу - он отстранился неторопливо, не отрываясь. Дорожка влажных и горячих поцелуев наверх. Следом, словно волна наступала, подхватывала, обволакивала и уносила. Горячо, невозможно, невыносимо. Руки гладили, как крылья чаек над волнами - дразня, не касаясь и не ныряя. Губы, язык, выводили одному лишь ему ведомые слова любви на моей коже. Выше, выше. Пальцы, погладили вдруг самый центр моих громких желаний. Так влажно и так порочно, нырнули слегка подразнив и заставив податься навстречу.

— Нет. Забудь про то, что ты жена. Здесь и сейчас – я охотник, а ты жертва.

Опаляющее дыхание. Раскаленный язык, проникающий внутрь. Пальцы, раскрывающие женское естество будто книгу. Массивные плечи раскрывающие мои колени, как двери - настезь.

Заскулила жалобно, не в силах больше быть покорной и терпеливой. Войди же! Я жду тебя, вернись в свой дом, без тебя сиротливо и пусто. Это так просто - войди и согрей. Раскали добела, как металл раскаляется в пламени. Муж мой, мой любовник и неизлечимая моя болезнь...

Выгнулась тонкой дугой, не могу больше, изнываю, страдаю, хочу.

— Иди ко мне.

Очень просто и так честно. А в ответ – громкой стон. Как будто нож ему в

спину воткнули.

— Что ты делаешь со мной? Я боюсь утонуть. Снова гибну.

И - пришел. Медленно, наполняя все тело теплом и восторгом. Он входил так, как солнце восходит после долгих и страшно унылых дней зимы. Я ему раскрывалась навстречу, хватая ртом воздух, поглощая каждой частицей себя, забирала, не возвращая. Крала у всего этого мира, прятала внутри себя это чудо. Дальше, глубже, всепоглощающе.

Мы жадно пили друг друга, не в силах на миг оторваться от пьянящего этого зелья. Пели общую песню любви – быстрее, быстрее. И уже будто шторм грохотал в этой лачуге. Волны бились о берег, осыпая всю землю потоками брызг с белой пеной.

— Кричи, Ива. Кричи, я хочу тебя слышать.

Я и кричала. Карабкалась по нему, как по скалам, вырывалась, не видя уже и не слыша вокруг ничего. Мой мучитель держал меня крепко, заставляя испытывать ни с чем не сравнимое наслаждение, еще и еще. И я себя потеряла. Многократно. Навеки. Словно заново родилась в его крепких объятиях. Я и не я.

Очнулась, сидя у него на коленях, свернувшись в калачик, прикрытая теплым плащом. Огороженная со всех сторон его телом от мира. Под защитой. Дома. Вот теперь уже – навсегда.

— Люблю, — тихо шептал он мне в волосы. Мне? Себе ли? Или может – всему этому миру Арман сообщал свое это открытие? — Никому не отдам, мое море, моя жизнь, моя мечта. Эпилог

Да, новое назначение Армана оказалось для меня весьма приятным сюрпризом. Вазилевс решил отправить строптивного, но такого любознательного адмирала подальше от Ранолевса – послом в Ниххон. Вместе со всем семейством, разумеется. Я визжала от восторга, а Арр строго выговаривал мне, что подобное ребячество не пристало герцогине Шантор. Глаза его, впрочем, смеялись, он был очень доволен, что я счастлива.

И в один поистине прекрасный день “Сердце Севера” прибыло в порт Ниххона. Этого дня ждали с нетерпением все – и я, и Макеши, и Антуан Бревс, но в особенности – команда корабля, которых малыш Эдвард просто измучил своей любознательностью. Из каких только щелей мы его не вытаскивали, с каких вант не снимали, разве что за борт он не падал, но это не иначе, как чудо. Парень был просто влюблен в эту интересную огромную игрушку с веревками, лестницами и всяческими норами. Прирожденный моряк!

Нас встречали. На пристани ждали и Авелин, и Акихиро Кио, и малышка Янголь. Мне хотелось спрыгнуть со сходен им навстречу, смеясь и рыдая, но твердая рука супруга удержала меня.

– Не забывай о своем положении, – строго сказал Арман громко.

Я кивнула послушно. Чтобы все видели. И лукаво стрельнув в него взглядом, шепнула:

— А не то ... что?

Поймала взгляд. Тот самый, который хотела и получила. С тихим выдохом в ухо:

— Поймаю. И буду наказывать. Долго. Жестоко.

А муж мой – тот еще разбойник. Отлично. Мне это очень нравится.

Медленно и величественно, как и полагает столь важным людям, как посол Ранолевса с благоверной супругой, мы сошли на берег. Следом спустились Макеши с малышом Эдом на руках и Антуан Бревс. Янголь не выдержала первой, вырвавшись из рук мамы и летя ко мне, словно птичка.

– Ива, Ива, сестренка!

Я прижала ее к животу – едва еще выступающему, но она тут же обо всем догадалась, отпрыгивая и смешно тараща темные раскосые глаза:

– Ты беременная?

— Тише, не надо об этом кричать на всю пристань, – смеясь, попросила я.

— Ух, ты родишь мне подружку!

— Думаешь, будет девочка? – обрадовалась я.

— Конечно, кто же еще.

Янголь порою предсказывала будущее. Во всяком случае, некогда она напороочила мне вторую встречу с Арманом. А я... я очень хотела подарить ему именно дочь. Только дочери делают отцов невозможно-счастливыми.

Обняла крепко родителей. Как я скучала! Оглянулась на мужа. Он улыбался, светло и спокойно, любуясь на эту картину. О чем он думал? Представлял себя в роли отца дружной семьи? Судя по взгляду – вполне вероятно.

– Дайте же мне моего внука, – потребовала мама. – Ух, какой крепкий парень!

Эд, сидя на руках бабушки, ее разглядывал с явным восхищением, осторожно трогая светлые волосы и улыбаясь во весь рот. Вот ведь... сын отца своего!

Мама вдруг обернулась, будто в ответ на чей-то немой зов.

— Отец... Ты как здесь?..

— Сбежал, – нервно усмехнулся Антуан Бревс. – Знаешь, в моем возрасте роль, предписываемая мне на Птичьем острове, стала весьма утомительной. Я решил, что пользы от меня все равно уже немного... и покинул это славное место на корабле капитана Волорье. Вот, решил поглядеть на внуков... Сотней больше, сотней меньше...

Авелин хрустально засмеялась.

— Я рада тебя видеть. Погостишь у нас?

– С радостью.

Акихоро подал тестю руку, испытующе взглядываясь в его лицо. Видимо, разглядел то, что хотел, и кивнул приветливо.

– Добро пожаловать в Ниххон, родственник.

Макеши дотронулся пальцами до моей руки, вопросительно на меня глядя, и я, вздохнув, спросила Авелин.

– Есиага домой вернулась?

– Да, – удивилась мама. – А что с ней могло случиться? Она – девочка умная, ответственная. Никогда не позволила бы себе нарушить контракт с кланом.

Макеши скрипнул зубами.

– А где она сейчас?

– Я не знаю, а почему ты спрашиваешь? Скорее всего, в деревне, в ее положении...

– В каком положении? – отодвинул меня в сторону Макеши. – Ли, она ждет ребенка?

– Да, – Авелин вдруг улыбнулась весело, почти засмеялась. – Поезжай, конечно, даже не думай. У Ивы здесь достаточно защитников. Но имей в виду,

будет очень непросто. Ниххонцы очень... традиционны. Во всяком случае до тех пор, пока им это выгодно. Помни об этом всегда.

Макеши отрывисто кивнул.

– Спасибо, – быстро сказал он, поправляя на плече свой мешок. – Ива, не хулигань и слушайся старших. И веер свой больше не забывай.

И исчез, растворился в узких улочках Ньяхо.

– И что за история с веером? – негромко поинтересовался отец.

– Я вам расскажу ее. Обязательно. Несколько позже и без свидетелей, – Арман усмехнулся. – Кажется, нам полагаются комнаты в Императорском дворце? Не стоит пренебрегать гостеприимством Императора, мне что-то подсказывает, что это может быть чревато. Где здесь рикши?

Очень скоро нас с мужем пришлось рассказать всю нашу историю. Увлекательный вечер воспоминаний... Вкусные блюда, круг родных лиц, теплые взгляды, воспоминания.

Арман неспешно рассказывал, как искал меня долго на Севере, а Женевьева и не подумала ему помогать. Не сказала, где я, а лишь только смеялась, говоря, что капитан должен разыскать свое сокровище сам. И вообще – от хорошего мужа жены не сбегают, что такого натворил отважный Волорье, если его жена предпочла вдруг сбежать и спрятаться вместе с ребенком?

Он ужасно тогда разозлился, рассорился вдрызг с королевой, наговорил много лишнего Вазилевсу, намекая на воспитание столь строптивой супруги. И только юный кронпринц сжалившись над другом рассказал обо всех поместьях его матери. Ох уж эти королевские игры!

Невзирая на “помощь” двора, на свою все растущую популярность среди дам королевства, Арман меня все же нашел. Немалых трудов стоило скрыться от света. Заметая следы, отбиваясь от массы друзей и поклонниц, мой муж поселился в лесу, неподалеку от нас.

Зачем? Хотел просто понять, почему от него я “сбежала”. Преследовавшая ум любого покинутого супруга мысль о любовниках вскоре отпала. Тогда почему? Он не понимал. Ох уж эти мужчины...

А вот про свои ощущения при этом он рассказывал уже одному только Акихино, когда я, как он подумал, уснула на диванчике, а Авелин увела Янголь и Эдварда спать.

Как он наблюдал. Как видел, что я совершенно спокойна, даже счастлива, вероятно. Как раз за разом рвался ко мне и останавливался, задавая вопрос себе снова и снова: что скажет? Как сможет мне все объяснить? Может, просто уйти, как мальчишке?

Нет, мужчина не должен так просто сдаваться, оставляя все то, что принадлежит ему по праву крови и брака. По праву любви. Да, только там, в чаще лесов, смотря на меня, наблюдая, теряя и не находя, он понял тогда окончательно: любит. Не как потерянный берег и не как последнюю свою надежду. Любит любой. Чужой или влюбленной в него беззаветно – уже неважно. Капризной, самоуверенной. Плачущей и веселой. В бриллиантах и голой, на песке и в снегу. Просто – любит. Как может и должен любить настоящий мужчина.

Именно эти слова он потом скажет своему так быстро растущему сыну. Больше никто не научит его, что значит быть гордым представителем рода Шантор. Только отец. Тот, которого Арману так самому не хватало.

Во всяком случае он так думал до того, как проснулся с ножом у горла.

– Предупреждать надо, капитан. – темнота звучала узнаваемым тембром Макеши. – Я ж мог ловушку поставить. Или сначала стукнуть по голове, а потом задавать вам вопросы.

Все, что мог Арман – только развести руками.

Он сказал, что они говорили всю ночь. О чем? О любви, несомненно. О женщинах, что бесконечно глупы. О надеждах, конечно.

А потом произошло это нападение — в местах, где отродясь разбойников не бывало. Арман еле успел, испугавшись вот так вот — впервые. Я, конечно, скромно умолчала о том, что Макеши во всех сферах этой страны имел свои связи. Не он ли дал наводку на «герцогиню»? Да и не важно. Мой супруг был прекрасен, и это даже не обсуждается. Мой личный герой как в сказках старинных – спас принцессу, всех победил, трофеей свой похитил. Об остальном он скромно умолчала, но думаю, отец прекрасно догадался.

А потом Арман на руках перенес меня в постель и лег рядом. Я в полусне переплела с ним пальцы.

Надо же, я ведь даже и не подозревала, что ему было так сложно меня найти. Он не говорил ничего, а я и не спрашивала. Боялась, наверное, а может – это все было неважно. К тому же у него было потом много дел: знакомство с сыном, завоевание его доверия. Эдди принял отца далеко не так быстро, как деда.

Потом мы вернулись в столицу, произведя там фурор. Потом была свадьба Жерара и Лиски, оформление всех документов – и отплытие в Ниххон. Еще я узнала, что Армана наградили орденом за его вклад в естественные науки и настоятельно просили сесть писать о своих путешествиях книги. Надо же...

Новое дело и новые горизонты.

Ощущать в себе новую жизнь было в этот очень радостно. Мы оба по-настоящему хотели этого ребёнка, муж, кажется, был счастлив даже больше, чем я. Смеялся, что с Островов мы привезли самое ценное, что могли. Какой он все-таки... Спокойный, сильный и надежный. Мой берег, моя скала, о которую разбиваются все шторма этого мира.

Моя судьба, мой человек, мой мужчина. Ловила его серый взгляд, теплеющий сразу, полный любви и восторга. Горячие пальцы в руке дарили мне силу.

Мы вместе.

Впереди целая жизнь, полная приключений. Мы еще столько увидим, пройдем сотни дорог, на суше, на море. Рядом. Он — моей континент, я — его океан. Мы — целый мир.